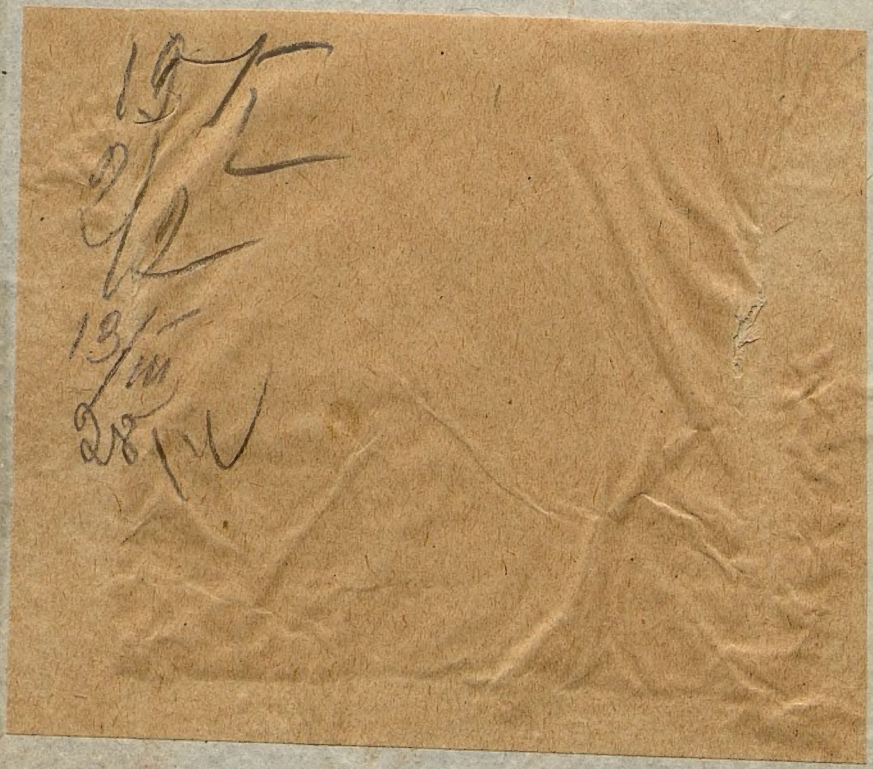
К. ШЕЛАВИН

ГИ71
Ш443Р

ОЧЕРКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1-9-1-7

ПРИБОЙ ЛЕНИНГРАД
1924



53.

38589

Проверено 1925 г.

Гр 5 1-3
ГИ71
Ш443Р
28589

К. ШЕЛАВИН

ОЧЕРКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 г.

947

Часть I

Февраль — июльские дни

Ш. 42.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

70 к

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ"
Ленинград 1924

ЭЭКЗ

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГИ71
Ш443 Р

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1053861

Библиотека Ин-та
Марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

~~ООР~~
~~50745~~

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

~~118~~
~~220.~~
~~036~~ ~~104~~
~~32~~ ~~226~~
~~104~~
~~226.~~

КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1393

Ленинградский Гублит № 8762. Тираж 10.000.

Тип. им. тов. Зиновьева, Социалистическая, 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

От февральской революции до апрельского выступления.

Июльские дни 1917 г. не упали с неба и не были вызваны «преступной агитацией» большевиков или каким-либо «преступным заговором» тех же большевиков, как то старались доказать уже тогда заключавшие между собою союз против рабоче-крестьянской революции меньшевики, социалисты-революционеры, кадеты и прочие.

Июльские дни 1917 г. неизбежно вытекли из всего развития русской революции, начиная с момента свержения самодержавия в феврале—марте 1917 г., неизбежно вытекли из всей сложившейся в течение первых месяцев революции обстановки и соотношения сил различных классов, участвовавших в ней. Поэтому понять июльские события без обзора первых этапов революции 1917 г., понять особенно современной молодежи, которая в 1917 г. была еще в возрасте мальчишеском (а стало быть, для нее июльские события являются уже историей) — нельзя.

I. Свержение царизма и Временное Правительство первого состава.

Рабочие забастовки, уличные демонстрации и одновременно переход войск на сторону народа происходили в Петербурге с 22 по 27 февраля 1917 г.

27 февраля летопись событий отмечает: роспуск IV Государственной Думы, возникновение Комитета Государственной

Думы, образование Петербургского Совета Рабочих Депутатов. 28 февраля образовывается Революционный Комитет в Москве. 1 марта организуется Солдатская секция Петербургского Совета и образовывается Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. 2 марта Николай II отрекается от престола в пользу Михаила Романова. 3 марта отрекается Михаил Романов. 2 марта образовывается Первое Временное Правительство под председательством князя Г. Львова [1].

Таким образом, самодержавие царя было свергнуто в течение 8—9 дней. „Катастрофически быстрое падение самодержавия застало врасплох сами борющиеся классы... Революционная стихия остановилась на минуту, пораженная своим собственным успехом“ (Н. Бухарин „Классовая борьба и револ. в России“).

„Как могло случиться — писал т. Ленин 21 марта 17 г. в „Правде“, в статье „Первый этап русской революции“,—такое чудо, что всего в 8 дней... развалилась монархия, державшаяся веками и в течение трех лет величайших, всенародных классовых битв 1905—07 г.г. удержавшаяся, несмотря ни на что?.. Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, в том числе всякая революция дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом... Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности“.

Тов. Ленин указывает главные из этих условий.

Во-первых, революция 1905—07 г.г., во-вторых, контр-революционная эпоха 1907—1914 г.г.

„Первая революция и следущая за ней контр-революционная эпоха, — писал т. Ленин, — обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до последней черты, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых... Без революции 1905—07 г.г. без контр-революции 1907—14 г.г. невозможно было бы такое точное самоопределение всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношений этих классов к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско—мартовской революции 1917 г. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, разыграна точно после десятка главных и второстепенных репетиций; актеры знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия“.

[1] Максаков и Нелидов „Хроника революции“, в. I. Н. Авдеев „Революция 1917 г.“, т. I.

Империалистическая война 1914 г. явилась одним из тех крутых поворотов истории, на котором телега романовской монархии опрокинулась сразу.

Здесь необходимо остановиться на том, как т. Ленин определял влияние мировой войны на падение самодержавия и революцию 1917 г. В нескольких строках в своей уже упомянутой нами статье, в этом «письме издалека», дан ключ к пониманию всего первого периода русской революции.

«Естественно—писал т. Ленин,—что в царской России, где дезорганизация была самой чудовищной и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям 1905 г.)—революционный кризис разразился раньше всего. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые нанесены были России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командный состав заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелко-буржуазным. Но если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то связь англо-французского финансового капитала, англо французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис».

«Эту сторону дела чрезвычайно важную замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая... Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и связями, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая II с Вильгельмом II, непосредственно стремились к смещению Николая Романова»...

«Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—«радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя Гучковыми, Сирии французскими, Мессопотамии английскими капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А

с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу».

«Питерские рабочие»,—заключал т. Ленин, это блестящее сжатое изображение сущности переворота,—«и солдаты, как рабочие и солдаты всей России самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму».

2. Чем было Временное Правительство первого состава.

«Пролетариат,—пишет т. Бухарин («Классовая борьба и революция в России»), с беззаветным героизмом шедший впереди всех, строивший свои организации в подполье, вышел наружу всей своей массой. Наиболее организованная и дисциплинированная революционная сила, он не имел все же организации масс. Еще в меньшей степени можно было говорить об организации мелкой буржуазии, в частности крестьянства. Наконец, армия, почти единодушно выступившая против своего верховного командующего и обожаемого вождя, разрушивши царскую дисциплину и организацию, не успела еще создать своей революционной организации. Единственной организованной с самого начала силой вынырнула либерально-империалистская буржуазия. Меньше всего она была двигателем революции... Еще по опыту 1905 г. либеральная буржуазия знала, что революция в России опасна не только для царизма, но и для «образованных и владеющих»... Однако, теперь вопрос был поставлен ребром: поддержать прямо правительство Николая или нет... Либеральным буржуа оставалось «перейти на сторону народа».

Более организованная, чем все остальные классы, буржуазия выдвинула из своей среды Временный Думский Комитет, как центральный орган своих сил. Из глубины этого комитета вышло первое Временное Правительство, состав которого говорил сам за себя...

А. И. Гучков — представитель московского купечества, в декабрьское восстание 1905 г. организовавший в Москве милицию в помощь адмиралу Дубасову для расстрела рабочих—занял пост военного министра. Этот же Гучков являлся вож-

дем партии так называемых октябристов, т. е. той части помещиков и торгово-промышленной буржуазии, которая оказалась правее даже кадетов... П. Н. Милюков, вождь партии Народной Свободы или кадетов, вдохновитель российского империализма, выразитель стремлений русской буржуазии к колониальным захватам, преданный друг и раб английского капитала—занял пост министра иностранных дел. Затем шли А. И. Коновалов—крупнейший фабрикант и биржевик, Терещенко—отпрыск крупнейших сахарозаводчиков. Все правительство возглавлялось князем Львовым, представителем просвещенного помещичьего дворянства. Для полноты картины в правительстве оказался и социалист-революционер Керенский, вошедший в министерство, нарушив постановление Исполнительного Комитета Петроградского Совета—о чем речь будет ниже.

«Это правительство,—писал т. Ленин, в уже упоминавшейся нами статье—не случайное сборище лиц. Это—представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которые давно правят нашей страной экономически и которые, как за время революции 1905—907 гг., так и за время контр-революции 1907—14 гг., как, наконец,—и при том с особенной быстротой—за время войны 1914—17 гг., чрезвычайно быстро организовывались политически, забирая в свои руки и местные самоуправления, и народное образование, и с'езды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс почти совсем был уже у власти к 1917 г.; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» догнали Италию, Англию, почти Францию, получили коалиционное, национальное, т. е. приспособленное для ведения империалистской бойни и для надувания народа, парламентское правительство».

3. Временное Правительство первого состава и Совет Рабочих Депутатов.

«Рядом с этим правительством,—продолжал т. Ленин,—в сущности простым приказчиком миллиардных фирм: Англии и Франции—с точки зрения данной войны—возникло новое неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и Питере».

Каков же был Петербургский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, организовавшийся 27 февраля—1 марта 1917 г.

Первоначальный состав Совета, делившегося на две секции—рабочую и солдатскую, насчитывал свыше 2.000 депутатов. Первоначально обе секции находились под влиянием и руководством меньшевиков и социалистов-революционеров. Председателем Совета был избран меньшевик Чхеидзе—впоследствии председатель меньшевистского грузинского правительства,—товарищами председателя Керенский и меньшевик Скобелев. В состав Исполнительного Комитета Совета от большевиков прошло всего трое—А. Шляпников, П. Залуцкий и несколько позднее Л. Каменев.

Таким образом, меньшевики и социалисты-революционеры фактически владели Советом в первые месяцы революции 1917 г., меньшевики и эс-эры допустили образование черносотенно-кадетского правительства, меньшевики и эс-эры определяли в дальнейшем и тактику, т. е. политическое поведение Советов к правительству.

«Два обстоятельства,—писал т. Бухарин (уже упомянутая нами брошюра),—нужно отметить, чтобы понять, почему власть, завоеванная народом перешла к Временному правительству империалистской буржуазии: во-первых, здесь сыграла роль относительно большая организованность этой буржуазии; во-вторых, в этом повинен оппортунизм вождей рабочего класса, вернее его господствующего тогда крыла. Те самые лидеры, которые впоследствии пошли в полуимпериалистское министерство,—став в позу непримиримой революционности, боялись взять власть в свои руки... Для них русская революция была прежде всего революцией буржуазии; для их трусливой мещанской мысли всякий лишний шаг в сторону от господства этой буржуазии был нарушением священных прав буржуазной революции».

Старательно отпихивая от себя всякий призрак власти, меньшевики и социалисты-революционеры постановили не входить во Временное Правительство. «Русская революция есть революция буржуазная, а следовательно, и власть должна находиться в руках буржуазии». Но за меньшевиками и эсэрами стоял Петербург, господствовавший над всей Россией и свергнувший власть царя. Рабочие и солдатские массы Петрограда еще толком не вернулись после демонстраций и схваток со слугами царизма на фабрики и в казармы и фактически господствовали в Петрограде. Петроградский Совет был органом их власти. Поэтому и получилось то, что т. Ленин 9 апреля 1917 г. в статье «О двоевластии» («Правда» № 28) назвал «замечательным своеобразием нашей революции».

«В чем состоит двоевластие?» спросил он и ответил: «в том, что рядом с Временным Правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое зачаточное, но все-таки несом-

ненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов».

Тогда-то меньшевиками и социалистами-революционерами было состряпано замечательное постановление о поддержке Временного Правительства.

Совет поддерживает правительство постольку, поскольку оно в согласии с Советом будет итти в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний. Соглашательской тактике, по словам т. Бухарина, было положено прочное основание.

«Почему же зачаточная власть, почему Советы,—спрашивал т. Ленин—и сами, и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством и рядом фактических уступок сдали и сдают позиции буржуазии... Потому ли, что Чхеидзе и К° делают ошибки?»

Тов. Ленин отвечал: «Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина—недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян. Ошибка названных вождей в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они затемняют сознание рабочих, а не проясняют его, внушают мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, укрепляют влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния».

4. Временное Правительство и политические партии.

Отношение меньшевиков и социалистов-революционеров к Временному Правительству обнаружилось на заседании Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов по вопросу об организации власти 1 марта 1917 г.

Большинством 13 голосов против 8 было постановлено «представителей демократии в правительство Милюкова не посылать и участия в нем не требовать».

Необходимо было, однако, обсудить условия передачи власти Временному Правительству. Условия оказались нижеследующими: 1) полная и немедленная амнистия, 2) свобода слова, печати и т. д., 3) отмена всех сословных и т. д. ограничений, 4) немедленная подготовка к созыву Учредительного Собрания, которое установит форму правления, 5) замена полиции народной милицией, 6) выборы в органы самоуправления, 7) неразоружение и невывод из Петрограда революционных воинских частей, 8) при сохранении строгой воинской дисциплины общегражданские права солдатам.

Как мы видим, о земле не было сказано ни одного слова.

Ни одного слова о 8-часовом рабочем дне.

Форма правления страны должна была быть определена еще только Учредительным Собранием.

Соглашательство с буржуазией было совершенно очевидным. Но еще яснее станет оно, если остановиться на следующих двух вопросах.

Вышеприведенные условия правительству обсуждались предварительно на пленуме Петроградского Совета.

Два вопроса имели тогда огромное значение.

Во-первых, было известно, что Временный Комитет Гос. Думы хлопочет не об установлении демократической республики, а о том, чтобы вручить регентство Михаилу.

На другой день после организации Временного Правительства, министр иностранных дел Милюков произносил речь в Екатерининском зале Таврического дворца. На вопрос—«о судьбе династии»—Милюков ответил: «старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей».

Совершенно справедливо, даже тогдашний Совет взял под подозрение Временное Правительство, и предложил следующее условие: Временное Правительство должно воздержаться от всяких действий, предрешающих форму будущего правления.

Однако, будущее Временное Правительство никак не хотело связывать себе рук в вопросе столь исключительного значения, и меньшевикам и эс-эрам пришлось от своего условия отказаться.

Во-вторых... Вопрос о выборности офицеров имел тогда совершенно особое значение. Для ослабления возможностей, для уничтожения возможности контр-революционного переворота само собой выдвигалось требование выборности такого командного состава, которому могла бы доверять солдатская масса. В Совете выставлено было это условие, и, однако, снова меньшевикам и эс-эрам пришлось от него отказаться. Зато, как только Временное Правительство и Исполнительный Комитет Совета столковались на восьми вышеизложенных нами условиях, Милюков от имени Комитета Гос. Думы потребовал, чтобы Исп. Ком. С. Р. и С. Д. составил декларацию, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Советом Рабочих Депутатов, что постольку это правительство должно быть признано законным в глазах народных масс и заслуживает их доверие. В особенности Милюков настаивал на том, чтобы в этой декларации был призыв к доверию офицерству и признанию солдатами командного состава. 2 марта в особой декларации Исполкома Совета все это и было добросовестнейшим образом проделано и сказано.

Говорить отдельно о постановлениях партийных организаций меньшевиков и эс-эров по отношению к Временному Правительству нет смысла после рассмотрения отношения Исп. Ком. Сов. Раб. и Сол. Деп.

Заслуживает лишь внимания отношение этих партий к вступлению Керенского в министерство.

Несмотря на ясное постановление Исп. Ком., Керенский в правительство вошел, а конференция петербургских социалистов-революционеров не нашла ничего другого, как заявить по этому поводу: „считая необходимым контроль над деятельностью Временного Правительства со стороны трудящихся масс, конференция приветствует вступление А. Ф. Керенского в звание министра юстиции во Временное Правительство, как защитника интересов народа и его свободы и выражает свое полное сочувствие линии его поведения в дни революции, вызванной правильным пониманием условий момента".

Что касается большевиков, то Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков, считаясь с резолюцией о Временном Правительстве, принятой Советом Раб. и Сол. Деп., постановил 3 марта 1917 г.: „не противодействовать власти Временного Правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа и об'явить о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного Правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления".

4 марта бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. большевиков приняло резолюцию, в которой уже говорится, что „теперешнее Временное Правительство по существу контр-революционное, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного Революционного Правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)".

Того же числа Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков, давая наказ большевикам депутатам Совета, подчеркнул: „бдительно следить за всеми тайными и явными шагами, как свергенного самодержавия, так и заменившего его Временного Правительства, в целях осведомления масс и быстрого решения вопроса о выступлениях, что может быть осуществлено только при реорганизации Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Сол. Деп.".

9 апреля 1917 г. т. Ленин с необычайной выпуклостью поставил вопрос об отношении к Временному Правительству.

Надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство—спросил он, и ответил...

1) „Его надо свергнуть, ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) Его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советом Рабочих Депутатов и главным Советом,—Питерским,—прежде всего; 3) Его вообще нельзя свергнуть обычным способом, ибо оно опирается на поддержку буржуазии—вторым правительством,—Советом Рабочих Депутатов,– а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем".

„Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты" (как известно, замечательный французский революционер-социалист Огюст Бланки,—пример стойкого революционера, не знающего соглашательства и колебания и беззаветно преданного делу освобождения трудящихся,—Бланки главным способом революционного действия признавал тайные заговоры и организацию восстаний, даже располагая заведомым меньшинством или отдельными лишь группами сторонников в данной стране), „не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма, оборончества, фразы зависимости от буржуазии. Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее—лучшие сторонники большевизма „уже создали; сплотимся для пролетарской классовой борьбы и из пролетариев, из беднейших крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо жизнь будет ежедневно разбивать мелкобуржуазные иллюзии социал-демократов... социал-революционеров. Буржуазия за единовластие буржуазии. Сознательные рабочие за единовластие Советов Р. Б. К. и С. Деп.;—за единовластие, подготовленное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии, а не авантюрами".

Из этих слов вождя партии совершенно ясно, как ставился тогда вопрос большевизмом и насколько были правы меньшевики и эс-эры, на всех переулках кричавшие об авантюризме большевиков.

5. Кризис Временного Правительства и нота г. Милюкова.

Историю с первым кризисом Временного Правительства, поводом к чему, как известно, послужила нота Милюкова,

излагает между прочим и сам Милюков в вып. I своей истории „Второй Русской революции"...

„После небольших исправлений, текст ноты,—пишет Милюков,—был принят всеми министрами, не исключая и Керенского, переставшего возражать после того, как на сторону ноты склонился Некрасов. В ноте поводом к сообщению документа 28 марта было выбрано опровержение слухов, будто Россия собирается заключить сепаратный мир. Министр иностранных дел указывал, что „высказанные Временным Правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались многими выдающимися государственными деятелями союзных стран", особенно же Америки. Нота указывала, что „эти мысли—об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей", могла высказать только освобожденная Россия, способная „говорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества". Эти заявления не только не могут дать повода думать об „ослаблении роли России в общей союзной борьбе", но, напротив, усиливают „всенародное стремление довести мировую войну до решительного конца", сосредоточивая общее внимание „на близкой и очередной задаче—отразить врага, вторгшегося в самые пределы нашей родины". Нота подтверждала далее, что „как то и сказано в сообщенном документе, Временное Правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников". В заключение высказалась уверенность, как в „победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками", так и в том, что „поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе сознания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций (эти два слова были вставлены по совету Альберта Тома), которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем"

6. Временное Правительство и его политика в вопросе войны и мира.

Необходимо проследить путь Временного Правительства первого состава в коренном вопросе о войне и мире с момента образования правительства и до излагаемой Милюковым ноты.

Уже 3 марта 1917 г., т. е. спустя два дня после своего образования, Временное Правительство послало за границу радио-телеграмму с сообщением о происшедшем перевороте. Сообщение начиналось так: „Серьезные осложнения создались

под'емом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций. Временному Комитету (Государственной Думы) однако удалось вступить в сношения с наиболее влиятельными из них, с Советом Рабочих Депутатов, избранным в кратчайшее время петроградскими фабриками и заводами".

Радио-телеграмма заканчивалась следующими совершенно недвусмысленными словами: „энтузиазм населения по поводу совершающегося дает полную уверенность не только в сохранении, но и в громадном увеличении силы национального сопротивления. К тому же приходят и выпущенные Комитетом Гос. Думы заявления, в которых постоянно упоминается о твердом решении народного представительства и национального правительства сделать все усилия и принести все жертвы для достижения решительной победы над врагом".

6 марта Временное Правительство обратилось с воззванием— к гражданам и к действующей армии.

В воззвании к гражданам говорилось, не более не менее, как следующее: „Правительство верит, что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство с своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Правительство будет свято охранять связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно выполнять заключенные с союзниками соглашения". Воззвание к действующей армии заканчивалось: „Вместе с своим правительством страна приложит все силы, чтобы снабдить вас всем необходимым для доведения войны до победного конца".

С самого начала, следовательно, курс на сохранение верности союзникам и доведения войны до победного конца был взят правительством чрезвычайно ясно. Не мудрено, что и союзные державы вполне признали правительство, которое являлось приказчиком союзнической биржи.

9 марта военный и морской министр Гучков призывал армию и население к „организации для отражения наступления немцев на Петербург".

При этом в воззвании говорилось следующее: „В столице отдельные группы продолжают сеять раздоры, связывая решения Временного Правительства и препятствуя их проведению в жизнь... Не слушайте сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду".

11 марта послы Франции, Англии и Италии заявили об официальном признании Временного Правительства.

Французский посол г. Палеолог заявил Временному Правительству на торжественном приеме: «Желание продолжить войну до последних сил и во что бы то ни стало достигнуть победного конца воодушевляет вас в вашем благородном подвиге».

Английский посол Бьюкенен добавил: «Великобритания, протягивая руку Временному Правительству, убеждена в том, что оно останется верным обязательствам, принятым на себя его предшественником, и сделает все возможное, чтобы довести войну до победного конца».

От имени Временного Правительства отвечал П. Н. Милюков: «Мы твердо решились вместе с вами, — сказал он, — употребить все силы и принести все жертвы для создания условий прочного мира, путем решительной победы... Государственная Дума и вся страна убедились, что при этом (царском) порядке, лишавшем нас всякой возможности организовать страну для решительного национального усиления, победа нами достигнута быть не может. Это убеждение сделалось даже первым источником совершенного народом переворота. Мы рады встретить с вашей стороны правильную оценку нашей новой силы, удвоенной переворотом. Мы уверены, что удвоенная сила удвоит и нашу общую веру в близкую и решительную победу нашего общего дела».

Все вышеприведенные выдержки не оставляют за собой никакого сомнения в смысле определения направления деятельности Временного Правительства в вопросе о войне и мире.

12 марта вождь торгово-промышленной буржуазии, он же военный и морской министр Гучков, еще более заострил вопрос. В новом воззвании, совместно с начальником штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеевым, снова поднимая вопрос о наступлении немцев, Гучков резко говорил о вреде многовластия, а закончил следующим: «Только обладая полнотой власти, Временное Правительство может выполнить свой долг по отношению к России». Это был уже совершенно ясный и недвусмысленный поход на «двоевластие» и на Советы.

23 марта министр иностранных дел Милюков в беседе с представителями газет высказал свой взгляд на цели войны.

Милюков открыто заявил следующее: «Если мы, русские, претендуем на обладание Константинополем и проливами, то этим мы ничуть не посягаем на национальные права Турции и никто нам не в праве бросить упрек в захватных тенденциях. Обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России».

26 марта С'езд партии Народной Свободы, т. е. кадетов, заслушал доклад Н. Щепкина, об отношении партии к войне.

По словам докладчика, лозунг «Долой войну» встречает в армии страшное негодование. Не меньшее негодование встречает и лозунг «война в ничью» и 8-часовой рабочий день, а также решение не посылать в окопы Петроградский гарнизон».

В своей резолюции С'езд выразил полное доверие Временному Правительству и его иностранной политике, основанной на верности заключенным союзам, и в конце резолюции, как полагается, призвал все силы страны сплотиться вокруг Временного Правительства и дать ему возможность довести войну до победного конца и справедливого прочного мира.

27 марта Временное Правительство утвердило текст своего заявления о целях войны, каковое заявление и было опубликовано на следующий день, т. е. 28 марта.

Представляя, — говорилось в заявлении, — воле народа в тесном единении с союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное Правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, как не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе, и русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основание внешней политики Временного Правительства, неизменно проводящего волю народную и ограждающего права нашей родины, при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников».

Таков ход развития воззрений Временного Правительства с первых его дней и по 27 марта, вслед за каковым последовала нота Милюкова от 19 апреля, вызвавшая и первый кризис кабинета.

7. Вопросы войны и мира, социалистическая демократия и большевизм.

Воззрения социалистической демократии были изложены в известном воззвании Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов: «К народам всего мира» от 14 марта 1917 г.

«Мы обращаемся»,—говорило воззвание,—«ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне. Мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с за-

хватными стремлениями правительств всех стран. Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире. В сознании своей революционной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира. Мы обращаемся к нашим братьям пролетариям австро-германской коалиции и прежде всего к германскому пролетариату. С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из вас видели в этом оправдание той поддержке, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания: демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит разорить себя внешней военной силе. Но мы призываем вас сбросить с себя иго вашего полусамодержавного порядка. Подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, и дружными об'единенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы".

29 марта в Петербурге началось Всероссийское Совещание делегатов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Совещание обнаружило почти исключительное влияние в то время меньшевиков и социалистов-революционеров в Советах, ибо резолюция т. Каменева о войне, от имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., большевиков, получила всего 57 голосов против 325, поданных за резолюцию меньшевиков, внесенную Церетелли.

Таким образом, резолюция Совещания Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, вместе с воззванием 14 марта, полностью определяют отношение тогдашней социалистической демократии к вопросу о войне и мире и к политике по этим вопросам Временного Правительства.

Совершенно ясно резолюция Совещания, упомянув как о воззвании „К народам мира" Петербургского Совета, так и об обращении Временного Правительства от 28 марта, заявила следующее:

„Придавая огромное значение этому акту Временного Правительства (упомянутое обращение 28 марта), российская демократия видит в нем важный шаг навстречу осуществлению демократических принципов в области внешней политики. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов со всей энергией

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

будут поддерживать все шаги Временного Правительства в этом направлении и призывают все народы как союзных, так и воюющих с Россией стран оказать давление на свои правительства для отказа от завоевательных программ. Вместе с тем, каждый народ обеих коалиций должен настоять, чтобы его правительство добивалось от своих союзников общего отказа от завоеваний и контрибуций. Со своей стороны, Исполнительный Комитет подтверждает необходимость переговоров Временного Правительства с союзниками для выработки общего соглашения в указанном смысле... Официальный отказ всех правительств от завоевательных программ — могучее средство для прекращения войны на таких условиях".

Однако, далее резолюция выставляла следующее положение: „Пока эти условия не осуществлены, пока продолжается война, российская демократия признает, что крушение армии — ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны. В целях самой энергичной защиты революционной России от всяких посягательств на нее извне, в видах самого решительного отпора всем попыткам помешать дальнейшим успехам революции, Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов призывает демократию России мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла. Этого повелительно требует переживаемый Россией момент, это необходимо для успеха великой революции".

Чтобы покончить с вопросом о войне и мире, как в то время ставился он различными группами, необходимо остановиться и на резолюции, которая т. Каменевым от имени Ц. К. Р. С.-Д Р. П. большевиков и группы интернационалистов, — социалистов-революционеров—была предложена 30 марта Всероссийскому Совещанию Советов.

Резолюция прежде всего устанавливала, что война „возникла на почве империалистических (завоевательных) стремлений господствующих классов всех стран, направленных к захвату новых земель и подчинению мелких и отсталых государств".

Далее резолюция подчеркивала, что каждый лишний день войны „обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих стран. В России же затягивание войны, кроме того, создает громадную опасность для упрочения завоеваний революции и для доведения ее до конца".

Отсюда резолюция делала вывод: „Необходимо, чтобы этой ненужной для народа войне волею народов был положен конец".

Таким образом, неотложной задачей для революционных сил России — пролетариата и армии— ставилось скорейшее пре-

кращение войны на основе мира без аннексий, контрибуций, с предоставлением каждому народу право на самоопределение.

Из этой задачи вытекали и необходимые определенные действия: 1) российская революционная демократия немедленно должна обратиться к народам всех воюющих стран с призывом восстать против их угнетателей, виновников братоубийственной бойни, 2) необходимо за первым шагом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов на этом пути (воззвание 14 марта) продолжать дальнейшую работу по упрочению международных связей в целях прекращения войны, 3) необходим в ближайшее время созыв международного социалистического с'езда, 4) на очередь встает необходимость заставить Российское Временное Правительство не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно открыто формулировать волю народов России, т.-е. предложить всем воюющим мир без аннексий и контрибуций с правом народов на самоопределение.

„Только ликвидация всей внешней политики царизма и империалистической буржуазии, — заканчивала резолюция, — вместе с ликвидацией международных тайных договоров и действительный переход власти в руки пролетариата и революционной демократии, знаменовал бы изменение империалистического характера войны со стороны России и тем самым, в случае отказа какой-либо стороны от мира, заставил бы восставший народ взять в свои руки войну, как войну за свободу народов в союзе с пролетариатом Западной Европы".

Характерно отметить следующее место большевистской резолюции, непосредственно следовавшее за приведенной нами выдержкой и заканчивавшее резолюцию: „вплоть же до этого момента мы, отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи, как оплота против контр-революции, призываем всех солдат и рабочих остаться на своих постах и соблюдать полную организованность".

О резолюции т. Каменева нам придется говорить в дальнейшем, разбирая развитие взглядов большевизма, но пока должно отметить, что она не удовлетворила тогдашнего докладчика на совещании Советов по вопросу о мире—Церетелли.

По его мнению, резолюция т. Каменева ограничивалась „отрицательными формулами в вопросе о защите страны".

„Пока — сказал Церетелли — мы считаем нашу демократию силой, определяющей положение внутри страны и извне, мы прямо должны сказать, что мы призываем к защите страны, ибо эта защита демократии — защита революции".

Следует отметить и те поправки, которые вносились большевиками и были отвергнуты Церетелли.

Так, т. Скрыпник внес в резолюцию меньшевиков поправку — требовать от Временного Правительства открытого заявления о готовности России вступить в мирные переговоры на основе мира без аннексий и контрибуций с правом нации на самоопределение.

Церетелли ответил, что поправка эта требует немедленного вступления в мирные переговоры с Германией, минуя союзников, а это - де ни революционной России, ни Интернационалу ничего, кроме позора, не готовит.

Тов. Ногин внес поправку--подчеркнуть в резолюции, что единственной надеждой на заключение мира является пролетариат.

Церетелли ответил, что надеждой на заключение мира является не только пролетариат, но и все живые силы страны.

Тов. Ногин внес новую поправку: требовать от Временного Правительства порвать с тайной дипломатией и опубликовать те договоры, которые были заключены при царизме за спиною народа с так называемыми союзниками.

Церетелли счел эту поправку абсолютно неприемлемой... Временное Правительство не имеет права опубликовать договоры „без согласия союзных стран, ибо восстановит против себя не только империалистические правительства, но и народные массы".

Таким образом, к апрелю мес. и к моменту первого кризиса Временного Правительства достаточно ясно наметились основные воззрения групп... 1) само Временное Правительство явно стояло на точке зрения войны до победного конца и выполнения обещаний союзникам. Совершенно недвусмысленно и открыто выдвигался лозунг захвата Константинополя и проливов. В этом смысле не могло быть никаких сомнений, что Временное Правительство является лишь приказчиком и выполнителем воли англо-французской биржи, 2) социалистическая демократия, владевшая в те времена Советами, заняла позицию, которую т. Ленин в своей статье в № 27 „Правды", от 8 апреля 1917 г., назвал „луиблановщиной".

8. Оценка воззрений «социалистической демократии» тов. Лениным.

„Французский социалист Луи Блан, — писал т. Ленин, — в революции 1848 г. печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелко-буржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией, якобы, социализма, а на деле служащей лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим"...

„Пролетарская точка зрения в вопросе о войне,—говорил далее т. Ленин, — состоит в отчетливой классовой характеристике войны и в непримиримой враждебности к империалистической войне, т.-е. к войне между группами капиталистических (все равно, монархических или республиканских) стран из-за дележа капиталистической добычи. Мелкобуржуазная точка зрения отличается от буржуазной (прямое оправдание войны, прямая защита отечества, т.-е. защита интересов своих капиталистов, защита их прав на аннексии) тем, что мелкие буржуа отрекаются от аннексий, осуждают империализм, требуют от буржуазии, чтобы она перестала быть империалистской, оставаясь в рамках всемирных империалистских связей и капиталистического хозяйственного строя... Потребовать от буржуазных правительств, чтобы они сделали торжественную декларацию в духе отрицания аннексий—это является для мелкого буржуа верхом смелости... Не трудно видеть, что это луиблановщина худшего типа".

„Во-первых, сколько-нибудь опытный буржуазный политик никогда не затруднится наговорить сколько угодно блестящих, эффектных, звонких, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих фраз против аннексий вообще... Во-вторых, допустите даже, хотя бы на секунду, что буржуазные министры—идеал добросовестности, что Гучковы, Львовы, Милюковы и К° самым искренним образом верят в возможность отказаться от аннексий, сохраняя капитализм, и хотят отказаться от них... Аннексии держатся связями финансового, банкового и империалистского капитала. В этом современная хозяйственная основа аннексий. Аннексии есть, с этой стороны, гарантированная политически прибыль с миллиардов капитала, помещенного в тысячах и тысячах предприятий аннексированных стран. Нельзя даже при желании отказаться от аннексий, не делая решительных шагов к свержению ига капитала".

Отсюда тов. Ленин и выставлял главную задачу: „Надо делать решительные шаги к свержению капитала. Их надо делать умело и постепенно, опираясь только на сознательность и организованность подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян. Но эти шаги надо делать... Раз'яснение массам,—что луиблановщина губит и загубит успех дальнейший революции, успех даже свобод, если массы не поймут вреда мелкобуржуазных иллюзий и не присоединятся к сознательным рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманных, но твердых и немедленных шагах к социализму"...

Если сопоставить вышеприведенные статьи т. Ленина с резолюциями «социалистической демократиии» и с теми возражениями Церетелли, которыми он встречал большевистские поправки, то не трудно увидеть, как громкие, якобы социалистические и революционные, фразы прикрывали в резолю-

циях социалистической демократии лишь прямое услужничество международному капиталу.

Правда, французское правительство даже запретило известный манифест Петербургского Совета „К народам всего мира“ от 14 марта... Тем не менее этот манифест, по справедливому замечанию т. Н. Бухарина, страдал глубоким внутренним противоречием.

„С одной стороны, он призывал к прекращению войны, к борьбе за демократический мир, с другой,—он вменял в обязанность войну, как войну защитительную, несмотря на сохранение тайных договоров с союзниками, договоров явно захватнического характера; с одной стороны, он звал народы, и особенно народы центральных держав, на восстание против своих правительств, а с другой,—молчаливо предполагал гражданский мир с своей собственной буржуазией, мир, нашедший такое яркое выражение в поддержке империалистского Временного Правительства... Но он выдвигал формулу мира без аннексий и контрибуций, он выражал несомненную жажду этого мира. В общем и целом, он был против империалистской войны и апеллировал к социалистическому пролетариату. Этого было вполне достаточно, чтобы обеспечить к Совету злопыхательную, но до поры до времени скрываемую ненависть буржуазии» (Бухарин. «Классовая борьба и революция в России“).

9. Происхождение „Обращения 28 марта к гражданам“.

„Тотчас, после издания обращения к народам всего мира,—рассказывает П. Н. Милюков в своей „Истории второй русской революции“,—руководители Совета Рабочих и Солдатских депутатов обратили особое внимание на внешнюю политику. Министр иностранных дел вел эту политику в духе традиционной связи с союзниками, не допуская мысли о том, что революция может ослабить международное значение России резкой переменой ориентации и изменением взгляда на заключенные соглашения и принятые обязательства... Руководители социалистических партий Совета справедливо считали эту политику полным противоречием основной идее... об общей виновности всех правительств в войне, о борьбе рабочих классов всех стран против всех буржуазных правительств“...

В дальнейшем Милюков рассказывает, что в контактной комиссии (комиссия, в которую входили представители Вр. Прав. и Совета в целях согласования действий и проведения контроля над правительством) Церетелли требовал от прави-

тельства немедленного публичного заявления о целях войны в соответствии с формулой—мир без аннексий и контрибуций.

Под давлением Совета (а как оказывается, и глава правительства князь Львов не поддержал П. Н. Милюкова, бывшего против всяких публичных заявлений о целях войны),—Милюков согласился на опубликование такого заявления, „уступая большинству".

Однако, 1) Милюков настоял, что таковое заявление будет опубликовано не в виде дипломатической ноты, а в виде воззвания к гражданам, 2) будет опубликовано в таких выражениях, которые не исключат возможности его (Милюкова) прежнего понимания задач внешней политики и не потребуют от него (Милюкова) никаких перемен в курсе этой политики.

По словам Милюкова, текст обращения к населению от 28 марта первоначально не удовлетворил представителей Совета в контактной комиссии, которые нашли многие выражения двусмысленными и уклончивыми.

Но тут получился замечательный переплет...

Член правительства, левый кадет Некрасов, указал представителям социалистической демократии, что для нее же выгоднее истолковать уклончивое выражение обращения в своем смысле, как уступку правительства, и на этом основании поддержать «Обращение», в чем Некрасов и убедил социалистическую демократию.

Зато Милюков выговорил себе право, в случае если „Обращение" будет толковаться „односторонне", толковать его в своем смысле и раскрывать «неопределенные выражения в направлении прежней своей политики, согласной с политикой союзников и с национальными интересами России".

Отсюда Милюков в своей „Истории" делает очень правильный вывод: „первая победа над министерством иностранных дел оказалась неполной и мнимой".

Зато Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов сделало, в приведенной нами в своем месте резолюции, совершенно неверную оценку правительственного обращения к гражданам от 28 марта.

„Нужно было—справедливо отметил т. Бухарин—обладать поистине сверхразумным благодушием, чтобы не заметить за благородной внешностью волчьих клыков и лисьего хвоста. Советы не заметили этого. Они увидели в Обращении правительства «важный шаг навстречу осуществлению демократических принципов в области внешней политики", они не поняли, что язык дан дипломатам для того, чтобы скрывать свои мысли, они не учли того, что все правительства выпускают десятки тысяч фраз... Вместо организованного недоверия буржуазии, они призвали массы к организованному доверию этой буржуазии» („От крушения царизма" и т. д.).

10. Происхождение ноты Милюкова от 18 апреля.

Как Милюков стал раз'яснять декларацию Временного Правительства от 28 марта 1917 г., увидели все очень скоро.

11 апреля в центральном органе кадетской партии „Речь" была помещена следующая заметка:

„В бытность свою в Москве, министр иностранных дел П. Н. Милюков, на собрании членов партии Народной Свободы сделал следующее заявление: „Декларация Временного Правительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе, как в согласии с нашими союзниками, согласно Лондонской конвенции. Как бы ни относиться к лозунгу „мир без аннексий", нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворение национальных стремлений австрийских славян".

„Захват Польши,—написал т. Ленин по этому поводу 13 апреля 1917 г., в № 31 „Правды", в статье „Война и Временное Правительство",—Армении, захваты в Австрии (о Константинополе г. Милюков на этот раз умолчал), вот к чему сводится программа мира г. Милюкова. Что скажут по поводу последнего заявления министра иностранных дел Милюкова вожди большинства Совета Рабочих Депутатов? Ограничатся тем, что от имени „Контактной комиссии" поставят на вид Милюкову эти слова... Никакого двоевластия в России не существует. Совет Рабочих Депутатов только осуществляет благожелательный контроль над Временным Правительством. Так говорил, если верить газетным отчетам, Н. С. Чхеидзе на Военном с'езде в Минске. Вот куда мы пришли с этим благожелательным контролем. От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну. Рабочих и солдат кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне".

6 апреля 1917 г. в Мариинском дворце, в Петербурге, происходил торжественный прием социалистов союзных стран—французов Муте, Кашена и Лафона и английских О'Греди, Виль Торна и Сандерса. Все они стояли на точке зрения защиты с в о и х отечеств и прибыли в Россию со специальной целью, поставить на твердые рельсы вопрос «об обороне России от германского империализма», а прямее говоря, о продолжении Россией войны, согласно «принятых обязательств».

Здесь Милюков снова заявил, что, несмотря на переворот, „мы сохранили главную цель и смысл этой войны".

Выступая перед „социалистами“, Милюков, конечно, не преминул распространиться „об уничтожении немецкого милитаризма и об уничтожении в будущем возможности каких бы то ни было войн“.

Министр юстиции, социалист-революционер Керенский, попытался определить точку зрения социалистической демократии и отмежеваться от Милюкова.

„Мы решили“,—так передает Милюков в своей „Истории“ речь Керенского,—„прекратить в нашей стране все попытки к империализму и к захвату... Энтузиазм, которым охвачена русская демократия, проистекает... не из идеи отечества, а из тех идей, которые заставляют нас думать, что мечта о братстве народов всего мира претворится скоро в действительность... Мы ждем от вас, чтобы вы оказали на остальные классы населения в своих государствах такое же решающее значение, которое мы здесь, внутри России, оказали на наши буржуазные классы, заявившие нам о своем отказе от империалистических стремлений“.

Вся эта высокопарная болтовня будущего председателя Временного Правительства и неудачного кандидата в Бонапарты потерпела жесточайший крах в самом скором времени.

„Вопрос об обращении к союзникам, повествует Милюков,—был поднят в самом правительстве, как в сущности предрешенный и весьма спешный. П. Н. Милюков заявил, что он готов послать послание 28 марта союзникам,—но сопроводить его нотой, текст которой он предложил“.

Как мы видели в начале главы, социалист Керенский присоединился к этой ноте Милюкова.

Как мы видели, беря изложение ноты словами самого ее творца Милюкова, нота говорила совсем другим языком, чем воззвание 28 марта.

Ибо нота Милюкова предназначалась уже не для „граждан свободной России“, а для союзных правительств, и тут сказали все, к чему действительно стремились: и о том, что роль России не ослабится в общесоюзной борьбе, и о том, что весь народ стремится довести войну до решительного конца в прочном союзе и согласии с союзниками и, наконец, величайший мошенник социал-оппортунизма, французский социалист, а он же и министр французского правительства Альбер Тома, тоже специально прибывший в Россию, вставил словечки о том, что передовые демократии найдут способ добиться „гарантий и санкций, необходимых для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем“.

Между тем ни для кого не составляло секрета, что „гарантии и санкции прочного мира“ на дипломатическом языке означают как раз те самые аннексии и контрибуции, т.-е. захват чужих земель, т.-е. ограбление побежденных госу-

дарств, против которых якобы должно было протестовать воззвание Временного Правительства от 28 марта, ныне препровождаемое, как дипломатический документ, союзным правительствам с раз'ясняющей и дипломатической нотой г. Милюкова.

Нота была обозначена 18 апреля, иначе говоря 1 мая 1917 г., т.-е. днем первого открытого празднования международного рабочего праздника 1 Мая в России.

Майские манифестации 18 апреля—сменили 20 и 21 апреля в Петербурге и Москве и ряде других городов могучие демонстрации протеста против Временного Правительства и в особенности против Милюкова.

Чтобы понять это движение масс, нам надобно ближе подойти к этим массам со времени первых дней февральской революции и до того дня, когда их первое массовое стихийное выступление нанесло первый удар Временному Правительству буржуазии и вызвало первый его кризис.

11. Две рабочие резолюции.

Для того, чтобы уяснить, „какие директивы были даны петроградским рабочим в эти дни", т.-е. 18 апреля (1 мая), Милюков в своей „Истории" приводит две резолюции, принятые рабочими „Треугольника" 12 апреля и рабочими завода Старый Парвиайнен—13 апреля.

Первая резолюция гласила: „Предлагаем Совету Рабочих и Солдатских Депутатов категорически потребовать от Временного Правительства немедленного опубликования во всеуслышание всех договоров, заключенных им с Англией, Францией и проч. союзниками... Рабочий класс России... не желает оказаться в положении ведущего войну во имя захватнических стремлений английских и французских капиталистов, добившись от своего собственного правительства отказа от завоевательных целей войны... Мы требуем от Временного Правительства, чтобы оно... обратилось ко всем союзным правительствам с предложением, в свою очередь, отказаться от аннексий и контрибуций. Мы требуем от Временного Правительства, чтобы оно взяло на себя инициативу созыва международной конференции для обсуждения целей мира и для начала мирных переговоров.

Резолюция завода Старого Парвиайнена выставляла следующие определенные требования: смещение Временного Правительства, служащего только тормозом революционного дела, и передачу власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, организацию красной гвардии и вооружение всего народа, немедленный захват земель крестьянскими комитетами

и передачу орудий производства в руки рабочих, протест против вывода революционных войск из Петрограда, реквизицию типографий всех буржуазных газет и передачу их в пользование рабочих газет и т. д.

Нетрудно увидеть, что резолюция рабочих „Треугольника“ сильно пропита тем, что тов. Ленин называл „луибланов-щиной“.

Здесь выражалась уверенность, что „мы“ уже добились от своего правительства отказа от завоевательных целей войны; выражалась надежда на то, что международная конференция может как-либо подвинуть дело и т. д., и т. п.

Но и эта резолюция с ее требованием опубликования тайных договоров, требованием отказа от аннексий и контрибуций и всем проникавшим ее желанием окончания войны,—конечно была совершенно неприемлема для Временного Правительства. Тем более, что как это и оказалось впоследствии, те, кто писали резолюцию (т.-е. питерские меньшевики и эс-эры), могли вообще двинуться вправо и отказаться и от „опубликования тайных договоров“ (хотя как раз Петербургская организация меньшевиков и выдвинула их левое крыло, часть которого после июльских дней, во главе с т. Лариным, влилась в партию большевиков)... Однако, рабочие „Треугольника“, голосовавшие за резолюцию, голосовали, в сущности, за прекращение войны, т.-е. целиком п р о т и в политики правительства Милюкова, и обнаруживали склонность, а потом доказали это и на деле, итти в направлении не к Церетелли и Чхеидзе, а, наоборот, к т.т. из Старого Парвиайнена.

Резолюция последних не оставляет никакого сомнения. Она была ярко большевистской.

Это движение рабочей массы—к б о л ь ш е в и к а м—принимало все более значительные размеры, вместе с ростом и усилением партии Р. С.-Д. Р. П. большевиков, вместе со всей политикой Временного Правительства.

12. Рабочие, 8-час. рабочий день, Вр. Пр-во и „социалистическая демократия“.

Эту политику в области коренного вопроса мира и войны мы уже рассмотрели. Но рабочие уже к апрельским дням 1917 г. не имели данных для того, чтобы доверять Временному Правительству. Как указано выше, ни правительственная декларация при образовании Временного Правительства, ни те условия, которые Петербургский Совет выработал при организации Временного Правительства—ничего не говорили о таком вопросе, как 8-ч а с о в о й р а б о ч и й д е н ь.

По отношению к Временному Правительству, как это совершенно ясно вытекает из условий, пред'явленных правительству Советом, Совет решил ограничиться пред'явлением Правительству определенных политических требований и осуществить контроль над выполнением этих требований. Относительно вопросов экономики у „социалистической демократии" того времени было вообще стремление отложить борьбу рабочих за свои экономические требования, „чтобы не вносить раскола в общенародное движение".

5 марта 1917 г. в заседании Пленума Петербургский Совет признал законченной забастовку и постановил: „одновременно с возобновлением работ приступить к разработке программы экономических требований, которые будут пред'явлены предпринимателям от имени рабочего класса"...

Но тщетно в первых номерах „Известий Петроградского Совета" мы искали бы лозунга или статьи с требованием введения 8-часового рабочего дня.

В № 8 „Известий" от 7 марта 1917 г. огромная передовица посвящена вопросу о возобновлении работ. В ней задается вопрос: „можно ли думать о продуктивной энергичной работе, если перед рабочими на фабриках и заводах снова станет плотной стеной произвол предпринимателей, переставших считаться даже с жалким фабричным законодательством довоенного времени". Однако, если отбросить „революционную словесность", то можно в передовице усмотреть лишь следующие требования—коллективного договора, выдачи заработной платы за те дни, которые рабочие „провели вне фабрик и заводов, завоевывая свободу для всего народа", точное соблюдение со стороны предпринимателей коллективного договора, восстановление и развитие заводских комитетов „для контроля над заводской и фабричной администрацией, правильной организации работ и установления нормального распорядка работ и отношений внутри предприятий", противодействие отказу предпринимателя по личным соображениям продолжать производство, при чем, однако, противодействие это ни в какой степени „не должно было выливаться в стачку", урегулирование женского и детского труда и, наконец,—памятуя, что „царизм низвергнут, но не добит, его приспешники все время делают и будут делать попытки всячески вредить народу",—охрана рабочими вооруженной силой фабрик и заводов, „соразмеряя и связывая эту охрану с местной милицией и общими защитными организациями страны".

Как в столь подробной программе орган „социалистической демократии", всецело находившийся в руках меньшевиков и эс-эров, позабыл сказать о 8-часовом рабочем дне — после важнейшего постановления Совета о выработке рабочими их экономических требований,—сообразить трудно. Но дело ста-

нет ясным, если мы поймем, что проистекало это из соглашательской природы „социалистической демократии", которая требованием 8-часового рабочего дня боялась „нарушить общенациональное единство с буржуазией"... 10 марта в Известиях снова длиннейшая передовица о наших ближайших задачах, ибо „рабочие петроградских фабрик и заводов начали приступать к работам", и снова ни одного слова о 8-часовом рабочем дне.

Однако, рабочие Петербурга очень хорошо помнили об этом основном требовании социалистической программы-минимум.

Новый Лесснер на собрании в 7.000 чел. почти единогласно против 6 постановил, что прекращение стачки является преждевременным, что, отмечая это, рабочие становятся на работу лишь во имя согласования и единения всех революционных сил страны. Но основными лозунгами своей борьбы оставляют 8-часовой рабочий день, демократическую республику и конфискацию всех земель в пользу крестьян.

Такие резолюции выносились на ряде заводов, выносились вплоть до „группы петроградских прислуг", требовавших и для себя 8-часового рабочего дня.

9 марта Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков постановил предложить Исполнительному Комитету Советов Раб. и Солд. Деп. немедленно ввести 8-часовой рабочий день во всех областях наемного труда... Одновременно Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков предложил рабочим организовать явочным порядком профессиональные союзы.

К 10 марта далеко еще не все фабрики и заводы стали на работу, и Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов пришлось, наконец, не только „подтвердить в самой энергичной форме свое постановление о необходимости всем рабочим немедленно приступить к работам", но и сделать кое-что большее.

Между Петербургским Советом Раб. и Солд. Деп. и петербургским обществом фабрикантов и заводчиков состоялось соглашение о введении 8-часового рабочего дня, фабрично-заводских комитетов и примирительных камер.

Задачи фабрично-заводских комитетов определялись так: представительство перед правительственными органами и общественными организациями, разрешение вопросов взаимоотношений между рабочими и предпринимателями и представительство от рабочих перед администрацией.

Примирительные камеры организовывались на заводах на началах „равного представительства сторон", а Центральная примирительная камера создавалась из 10 представителей от

Общества фабрикантов и заводчиков и 10 представителей от Совета Раб. и Солд. Деп. Об обязательности ее решений ничего не говорилось.

Только тогда в № 12 Известий от 11 марта появилась очень жидкая передовица о „первой великой экономической победе“, хотя в этой передовице вскрыто было и обстоятельство, почему пришлость ввести 8-часовой рабочий день и покуситься таким образом на „национальное единство“. Передовица выражала уверенность, что 8-часовой рабочий день будет немедленно введен и во всех казенных и правительственных учреждениях, ибо слишком высоко поднялась революционная волна, чтобы теперь можно было рискнуть на исключение из правила, созданного волею рабочих (курсив наш).

Однако, Временное Правительство ограничилось пока тем, что поручило Военному и Морскому ведомствам выработать условия для введения 8-часового рабочего дня в военных и морских предприятиях, а министру торговли и промышленности—обсудить вопрос о возможности и условиях введения „сокращенного рабочего времени“ в различных местностях России по отдельным отраслям предприятий и представить свои предположения...

В силу такой быстроты правительственных действий, 15 марта рабочие многих фабрик и заводов в Москве забастовали и выставили требование—введение 8-часового рабочего дня.

16 марта фракция большевиков Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов внесла предложение о введении 8-часового рабочего дня явочным порядком... Меньшевики и социалисты-революционеры сейчас же выступили с резолюцией, в коей признавали недопустимыми сепаратные, т.-е. отдельные, выступления в борьбе за 8-часовой рабочий день...

Как смотрела на дело буржуазия, явствует из постановления Московского Торгово-Промышленного Комитета от 14 марта 1917 г., в котором говорилось: „вопрос о 8-часовом рабочем дне не может быть рассматриваем, как вопрос взаимного соглашения между предпринимателями и рабочими, так как он имеет значение общегосударственное. В разрешении его заинтересовано все население, почему он не может быть даже предметом временного законодательства, а должен быть разрешен волею всего народа, в правильно образованных законодательных учреждениях... Всякое сокращение рабочего дня в данный момент было бы опасным, принимая во внимание громадный недостаток ценностей в стране и потребность в них армии и народа“.

В конце концов 8-часовой рабочий день в Москве и во всех крупных городах России был введен—явочным рево-

люционным путем. Обращение же Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к Временному Правительству, которое даже „социалистическая демократия“ должна была под напором рабочих принять 18 марта, — это обращение „с требованием немедленного издания декрета о повсеместном введении 8-часового рабочего дня“ пропало втуне, ибо правительство отнюдь не спешило с разрешением этого вопроса законодательным путем.

13. Рабочие начинают не доверять Временному Правительству.

Зато уже 17 марта Петербургское Общество фабрикантов и заводчиков постановило, после целого ряда жалоб на ненормальный ход работ и на конфликты на заводах, обратиться к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов с просьбой восстановить нормальную жизнь.

3 апреля Временное Правительство обратилось к рабочим металлургических заводов с воззванием о необходимости повысить производительность труда и увеличить производство боевых снарядов для армии. При этом было указано, что Временное Правительство уже приступило к спешной разработке мероприятий, направленных к всестороннему коренному улучшению условий рабочего быта, и что рабочие и промышленники, в сознании лежащей на них ответственности перед армией и страной, приложат все усилия к тому, чтобы мирным соглашением по всем важнейшим вопросам труда обеспечить непрерывное и правильное течение работ на оборону.

8 апреля Временное Правительство, никак еще не добравшееся до законодательного утверждения 8-часового рабочего дня, снова обратилось с воззванием к гражданам-рабочим, призывая к усилению производительности труда.

В это время уже начиналось натравливание деревни и солдат на рабочих, якобы не желающих работать и срывающих дело обороны...

Таким образом, по двум важнейшим вопросам—о войне и 8-часовом рабочем дне—рабочий класс с каждой неделей мог все менее и менее доверять Временному Правительству.

В области политики, в области государственного устройства он видел попытку Милюкова установить регентство Михаила, видел попытку Временного Правительства отправить Николая II и его семью заграницу, в Англию, видел, как правительство тормозит отдачу под суд и наказание явно контр-революционных и реакционных генералов... Наконец, демократической республики, провозглашения ее, какой-либо гарантии от восстановления царизма пролетариат со стороны Временного

Правительства не мог наблюдать никаким образом. То же было в таком жгучем вопросе, как продовольственный, или как обложение прибылей капиталистов.

Поэтому не удивительно, что рабочий класс, особенно в передовой своей части и особенно в Петрограде, начинал проникаться все большим недоверием к правительству буржуазии, и в то же время, по выражению т. Бухарина, началась „эпоха самоорганизации революционных масс".

Фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, рабочая милиция, принявшая форму красной гвардии, росли с каждым днем, и при этом среди рабочих и среди их организаций, несомненно, росло влияние большевизма, а одновременно усиливалась к рабочим и ненависть буржуазных классов.

14. Крестьяне, армия и Временное Правительство.

Крестьян в деревнях и крестьян в серых шинелях в армии Временное Правительство также не могло удовлетворить.

Для деревни и армии двумя коренными вопросами революции являлись вопросы: о земле и войне.

Ярославский Губернский С'езд крестьян выразил доверие Временному Правительству, но постановил: землю предоставить трудящимся.

Таких постановлений в то время можно было насчитать и привести сколько угодно.

Московское Губернское Учредительное Собрание крестьян высказалось за немедленную приостановку покупки и продажи земли.

В это время Всероссийский с'езд торгово-промышленных организаций, собравшийся в Москве под председательством Рябушинского, крупнейшего московского капиталиста, очень скоро призвавшего „задушить революцию костлявой рукой голода", признал, что война должна быть доведена до конца и что земельный вопрос должен быть разрешен только Учредительным Собранием и на условиях справедливых, как для крестьян, так и для крупных землевладельцев. С'езд, между прочим, отверг предложение о хлебной монополии и о твердых ценах.

Когда крестьяне на местах, не дожидаясь „справедливого" решения Учредительного Собрания о земле, принялись кое-где осуществлять свое право на землю таким же явочным порядком, как рабочие в городах 8-часовой рабочий день, то Временное Правительство 17 марта обратилось к народу с воззванием по земельному вопросу, в котором указывалось на „недопустимость насилий в разрешении этого вопроса и со-

общалось о скором образовании при министерстве земледелия Земельного Комитета.

8 апреля министр внутренних дел циркулярным сообщением об'явил Губернским Комиссарам, что на их ответственность, совместно с местными общественными комитетами, возлагается незамедлительное всеми законными средствами, в том числе и вызовом воинских команд, устранение аграрных беспорядков и посягательств на аграрной почве против личности и собственности граждан. Такие меры ни в какой степени не могли поднять доверия к правительству со стороны крестьянства, особенно крестьянства, сосредоточенного в городах, в казармах и, стало быть, всего живее участвовавшего в политической жизни и в ходе революции.

Вопрос о войне, вопрос о мире стоял в армии так.

„Что думали про войну,"—писал в своей книжке, „Революция и фронт", Виктор Шкловский, социалист-революционер, злейший враг большевизма, дважды изменник Советской России и ныне пребывающий во вторичной эмиграции.—„Мне кажется,—писал он,—верили в то, что она сама кончится. Вера эта была всеобщей ко времени воззвания к народам всего мира. Помню, что приехавшие с Монзунской позиции говорили, что там уже сговорились с немцами: ни мы, ни они стрелять не будут. В общем, преобладало пасхальное настроение; было хорошо, и верилось, что это только начало всего хорошего.

Фронтовые с'езды в Минске, в Пскове и других местах, как ни пытались их обработать сторонники „защиты отечества", прошли под знаком протеста против захватнической политики. „Лозунг международного братства,—писал т. Бухарин,—приобрел, казалось, колоссальное количество приверженцев. Жажда мира была видна даже для слепого. Братание в траншеях служило достаточно ярким тому доказательством".

Даже Всероссийское совещание делегатов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, почти целиком, как мы видели в своем месте, состоявшее из социалистов-революционеров и меньшевиков или их последователей, даже оно давало следующие образчики солдатского настроения...

Совет Солдатских Депутатов в Баку признал необходимым довести войну до полной победы—но без завоевательных целей. Камышловский гарнизон заявил, что он будет поддерживать Временное Правительство, поскольку оно будет отстаивать лозунг революционной демократии и считаться с мнением Рабочих и Солдатских Депутатов.

Правда, находились делегаты, заявлявшие, что армия будет драться до полной победы над Вильгельмом и определит условия мира „совместно с нашими союзниками", но делегат фронта Остромоухов бросил очень простые и верные слова: „Солдаты в окопах прислушивались к речам, которые произ-

носили в Государственной Думе Чхеидзе, Скобелев и Керенский, потому что они всегда стояли за то, что война—это зло народов, и никогда не говорили: „война до победного конца". Солдаты обрадовались перевороту и готовы защищать свободу, но они все-таки хотят конца войны".

В первую половину апреля все более учащаются солдатские резолюции, в которых высказывается самое отрицательное отношение к войне.

16 марта в Москве собрание районных комитетов 84 пех. зап. полка приняло резолюцию, в которой требовало от Временного Правительства торжественного заявления, что Свободная Россия не преследует завоевательных целей. Такую же резолюцию вынес солдатский митинг в Москве в Введенском народном доме. 23 марта в „Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов" появилась „основная программа" Советов Солдатских Депутатов, присланная из действующей армии от 109 дивизии и примкнувших к ней частей.

В число основных пунктов программы внесено требование немедленного начала мирных переговоров между всеми воюющими державами и контроль над оперативною частью со стороны солдатских Исполнительных Комитетов. В то же время от массы воинских частей с фронта прибыли солдатские делегации для приветствия Петроградского Совета Раб. и Солд. Деп. Некоторые делегаты отправились на фабрики и заводы, на которых произносились большевистские речи.

24 марта кронштадтские рабочие и матросы на многочисленном митинге постановили: 1) требовать немедленной передачи всей земли в руки всего народа, 2) просить Петроградский Совет пред'явить Временному Правительству требование немедленного об'явления условий, на которых должен быть заключен мир без насильственных присоединений и денежной контрибуции.

Того же числа в кабинете Государственной думы состоялось совещание делегатов от воинских частей фронта и провинциальных городов. Несмотря на то, что совещание это было далеко от большевизма, как от неба, оно в принятой резолюции сказало следующее:

Собрание считает, что свободная Россия не может желать порабощения других народов, и Временное Правительство должно об'явить всем народам, что, не стремясь ни к каким завоеваниям, Россия будет вести войну лишь для своей обороны.

25 марта митинг крестьян, рабочих и солдат в Гатчине принял резолюцию за демократическую республику, немедленную передачу земли крестьянам и поддержки воззвания Совета к народам всего мира.

28 марта солдаты Литовского полка постановили приветствовать Совет, который повлиял на немедленное выступление Временного Правительства против ненужных народу завоеваний.

С каждым днем постановления такого рода все усиливались и усиливались.

Было бы величайшим преувеличением сказать, что солдатская масса к моменту апрельского выступления целиком или в какой-либо значительной части своей (во всероссийском масштабе) шла за большевиками.

Ничего подобного.

Большевизм притягивал к себе уже организационно лучшие элементы армии. В Петербурге была уже создана военная организация, но если не было еще „большевистской армии", то солдатская масса была политикой Временного Правительства в вопросе о войне, в вопросе о земле, приготовлена к самому широкому усвоению большевизма.

По поводу солдатских голосований за „мир без анексий и контрибуций", опять-таки не плохо привести выдержку из однажды уже нами упоминавшегося Виктора Шкловского.

„И еще одно,—писал он,—союзники, будь они прокляты, не давали согласия на наше определение мира без аннексий и контрибуций, а эти в газетах затрепанные слова,—я знаю, как священны они были в душе каждого окопника, которому вода траншеи глодала ноги, а вши грызли шею,—эти слова были поистине священны среди босых солдат". Шкловский не понял только одного, что за „священными словами" раскрывалась неутолимая жажда крестьянством мира. И когда П. Н. Милюков в своей ноте от 18 апреля ясно и недвумысленно подчеркнул, что воевать будем „до победного конца", это было толчком, который выбросил солдатские полки на улицы Петрограда.

15. Переход буржуазии в наступление на революцию.

Уже 24 марта на заседании Петербургского Центрального Городского Продкомитета по вопросу о выпечке хлеба предприниматели заявили, что упадок выпечки происходит от введения 8-часового рабочего дня. 27 марта была предпринята попытка использовать делегатов фронта и рабочих тыловых учреждений для натравливания их на пролетариат. Заседание приняло резолюцию, в которой призывало—„т.т. рабочих, в виду усиленного наступления внешнего врага, к энергичной работе, без ограничения сверхурочных часов, в предприятиях, работающих на оборону".

Того же числа на с'езде партии Народной Свободы, иначе кадетов, в Москве—докладчик Винавер заявил: „Велики заслуги Петроградского Совета Раб. и Солд. Депутатов в революционные дни, но в настоящее время, к сожалению, он вышел за пределы своих функций. Создалась опасность многовластия, опасность чрезвычайно вредная... Ц. К. партии (кадетов) указывал на недопустимость подобного поведения. Единственная исполнительная и законодательная власть в стране в настоящее время есть Временное Правительство, и никакая другая не должна брать на себя ее функций.

Одновременно заседал Всероссийский кооперативный с'езд, на котором тогдашняя кооперация показала во всем блеске, что она из себя представляла.

Доклад делала небезызвестная мадам Кускова, пребывающая в настоящее время заграницей, ближайший соратник г. Милюкова.

„Необходима,—сказала Кускова,—единая власть во всех своих действиях, опирающаяся на общественное мнение организованной страны. Поскольку Временное Правительство будет неуклонно проводить об'явленную им демократическую программу, постольку все кооперативные организации должны оказывать ему всестороннюю и сознательную поддержку".

28 марта в Петербурге конференция рабочих из представителей 12 заводов артиллерийского ведомства, выслушав доклады с мест, принуждена была вынести резолюцию с протестом против обвинения рабочих в нежелании работать.

3 апреля Временное Правительство постановило обратиться к рабочим с призывом не допускать произвольного смещения на заводах и в предприятиях технического персонала, а 11 апреля Московский Совет Раб. и Солд. Деп. был вынужден вынести постановление об организации комиссии для расследования причин сокращения и закрытия предприятий, ибо начинался знаменитый предпринимательский саботаж: капиталисты закрывали свои фабрики и заводы, ибо при новых условиях полагали для себя невыгодным „работать на оборону" дорогого отечества.

Таким образом, первый этап русской революции, к моменту падения первого, чисто буржуазного, правительства, заканчивался: 1) походом буржуазии против рабочих, 2) стремлением натравить крестьянство и главным образом солдат против рабочих, якобы нежелающих работать, 3) начинающимся походом против 8-часового рабочего дня, 4) открывался поход и против двоевластия, т.-е. против Советов, за предоставление полноты власти Временному Правительству.

16. „Отпор“ социалистической демократии.

Уже 7 апреля 1917 г. „Известия“ в № 34, в передовице „На удар отвечайте ударом“, отметили „поход против рабочих, предпринятый буржуазными кругами и их прессой, с целью внесения раскола между пролетариатом и армией“.

„И „Речь“ и „Русская Воля“ и др. газеты,—писали „Известия“—систематически печатавшие на своих столбцах непроверенные, с ветра подхваченные известия о том, что рабочие считаются только с своими интересами и губят дело обороны, теперь торжественно возвещают: „Рабочие у станков, работы идут полным ходом“. Все это очень хорошо, но ни рабочие, ни армии не должны успокоиться... Они тщательно разобрались в вопросе, действительно ли верно то, что писалось в буржуазных газетах о неурядицах в промышленной жизни, и убедились, что на многих фабриках и заводах производство действительно сократилось или прекращено вовсе. Но в то же время они выяснили, что главною причиною этого явления оказалась не злая воля рабочих, а недостаток топлива и сырья, а также многих машин. И выяснили с такой добросовестностью, что даже их противники должны были с этим согласиться“.

Так писали эс-эро-меньшевистские „Известия“ и, касаясь далее буржуазных газет, „Известия“ не могли не написать следующего: „Они—буржуазные газеты—ничего не говорят о тех колоссальных прибылях, которые получают предприниматели, работающие на оборону: они молчат о массовом мародерстве тыла, отнюдь не уменьшившемся и после революции; они тщательно обходят такие явления, как скрытые локауты в целом ряде производств, вызванные якобы чрезмерной требовательностью рабочих. Они делают вид, будто им неизвестно, что повсюду на фабриках и заводах попрежнему царствуют доверенные лица предпринимателей, своим деспотизмом доводящие рабочих до озлобления. Почему? А потому, что, вскрыв все эти факты, буржуазная пресса показала бы, что весь поход против рабочих направлен не по адресу, что истинными виновниками задержки в ходе производства являются не рабочие массы, а те, кто несет ответственность за промышленную жизнь страны, те, кто являются ее полными господами“.

Мы нарочно приводим выдержки не из „большевистских“ газет, а из главного органа „социалистической демократии“.

Под напором буржуазии на „двоевластие“ „Известиям“ пришлось 11 апреля 1917 г. высказаться по этому вопросу.

В передовице, под заглавием „Снова о двоевластии,“ было указано, что до революции „наши буржуазные газеты были очень либеральны и прогрессивны. Они постоянно твердили

о том, что правительство должно считаться с обществом... После революции тон этой печати коренным образом изменился".

„Буржуазные газеты — писали далее „Известия" — ведут систематическую борьбу против трудящихся классов. То они натравливают солдат на рабочих... то стараются восстановить прежние порядки в армии... Но больше всего и настойчивее всего они ведут кампанию против Совета Раб. и Солд. Деп., домогаясь лишить его всякого влияния. Если поверить буржуазным газетам, то выходит так, что Россия накануне гибели от пагубного двоевластия".

Надо отметить, что эс-эры и меньшевики еще в то время кое-что способны были понимать.

„Причина такой перемены позиции буржуазной прессы, — говорила упомянутая нами передовица „Известий" — весьма понятна. До революции у власти стояла кучка крупнейших помещиков и бюрократов, с царем во главе и с целой сворой всякого рода „фараонов" внизу. Теперь правительственная власть перешла в руки представителей буржуазии, и она настойчиво борется против всяких попыток ограничивать эту власть. Ведь все эти вопли о двоевластии не что иное, как борьба буржуазии за полноту власти".

„Известия" заканчивали очень энергично:

„Кто сеет ветер, тот рискует пожать бурю. Вы охотно взываете всегда к гражданскому миру и страшитесь ужасов гражданской войны. Но, ведь, гражданскую войну начали вы — тем, что повели неустанную борьбу против завоеваний демократии... Народ уступил правительственную власть представителям буржуазии, но он не допустит самодержавия класса буржуазии, и если вы будете упорствовать в стремлении создать это самодержавие, вы вынудите демократию к самому энергичному отпору". Как известно, демократия не оказалась способной ни на какой энергичный отпор, а отпор помимо демократии уже после милюковской ноты дали рабочие и солдаты Петрограда под лозунгами большевиков.

17. Натиск буржуазии на большевизм. Легенда и правда о „запломбированных вагонах". Позиция „социалистической демократии".

Буржуазия и буржуазная интеллигенция, буржуазная пресса, нападая и на рабочих и на Советы, в то же время своим безошибочным классовым чутьем знали, где находится настоящий противник, со стороны которого надо ожидать и организацию отпора, и отпор, и нападение.

С самого начала Мартовской революции Р.С.-Д.Р.П. большевиков сразу стала переживать самые яростные нападки со стороны буржуазной желтой печати.

От кадетской „Речи", „Биржевки" через желто-черные „Маленькую газету" и „Живое Слово" партия встречала не только самую ожесточенную ненависть, но и клевету без конца. Эта клевета особенно усилилась с возвращением из-за границы т.т. Ленина и Зиновьева, проехавших с группою товарищей через Германию, с того времени, когда было пущено крылатое словцо о запломбированных вагонах. „Большевики прибыли за германскою пломбою!".

В то время, однако, меньшевистская и эс-эровская печать еще старалась отгородиться от буржуазных газет. В „Известиях", в № 32 от 5 апреля 1917 г., был полностью напечатан доклад т.т. Зиновьева и Зурабова о проезде через Германию. В этом докладе были названы все факты и имена иностранных социалистов двух нейтральных стран, Швейцарии и Швеции, проверявших протоколы.

Исполнительный Комитет Совета не выразил ни осуждения, ни какого-либо недовольства к проезду т. Ленина и др. через Германию.

Наоборот, редакция „Известий" следующим образом изложила в означенном выше номере постановление Исполнительного Комитета: „Исполнительный Комитет, заслушав доклад т.т. Зурабова и Зиновьева, постановил немедленно обратиться к Временному Правительству и принять меры к немедленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношения к войне. О результатах переговоров с правительством мы сообщим в ближайшие дни. Редакция „Известий".

Здесь, следовательно, не было еще ни одного слова против Ленина и его товарищей, а Исполнительный Комитет ясно требовал от Временного Правительства принятия мер к тому, чтобы не затянулся пропуск эмигрантов в Россию.

Что русским эмигрантам, особенно стоявшим на точке зрения борьбы с империалистической войной, фактически невозможно было проникнуть в Россию, теперь достаточно известно.

По распоряжению английской охранки выезд русских эмигрантов, не стоявших на платформе защиты отечества, из Швейцарии, Франции, Англии, Америки был фактически воспрещен.

Пускались клеветы о подкупе этих русских эмигрантов германским правительством, производились аресты.

Тогда-то т. Троцкий по поводу своего ареста английскими властями писал: „Английской дипломатии, вообще говоря, нельзя отказать ни в осторожности, ни в декоративном, чисто внеш-

нем джентльменстве. Между тем, заявление английского посла о полученной нами немецкой субсидии явно страдает отсутствием обоих этих качеств: оно низко и глупо в равной степени".

Под влиянием этой союзнической работы, в силу того, что нельзя было проехать через союзные страны и союзные консульства, целый ряд эмигрантов был вынужден ехать через Германию.

В своей статье:—„Как мы доехали"—т. Ленин подробно рассказывает „о проезде в запломбированном вагоне".

Из статьи следует, что приехало 32 эмигранта разных партий, среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника Парижской интернациональной газеты „Наше Слово". Цюрихский комитет по эвакуации эмигрантов, в который входили представители 23 групп, в том числе меньшевики, бундовцы и т. д., в единогласно принятой резолюции публично констатировал тот факт, что английское правительство решило отнять у эмигрантов - интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в деятельности против империалистской войны.

Меньшевик Л. Мартов выдвинул план добиться пропуска эмигрантов через Германию, в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных. В Россию были посланы телеграммы, но две недели Временное Правительство задерживало ответ.

Тогда-то швейцарский социалист-интернационалист Фриц Платтен заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии.

Главные пункты условия: 1) едут все эмигранты без различия взглядов на войну, 2) вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности: никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена, никакого контроля ни паспортов ни багажа, 3) едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Протокол о поездке подписан французскими социалистами-интернационалистами Гильбо и Лорио, германским с.-д. группы Либкнехта Хартштейном, швейцарским Платтеном, шведским городским головой Стокгольма Линдхагеном и др. Протокол подписан в Берне 7 апреля 1917 г. и заканчивается следующим: „Мы считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им предоставляется".

„Если-бы,—говорит т. Ленин в упомянутой статье,—Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюков выпустил бы его в Германию; „Бетман Гольвег выпускает вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело—ехать в Россию и бороться

там и с германским и с русским империализмом". Так сказали нам названные т.т. интернационалисты. Мы думаем, что они были правы".

Следовательно, вот каким образом обстояло дело с запломбированными вагонами и с первой клеветой, которую буржуазная печать пустила о большевиках, приехавших по поручению германского правительства на германские деньги, в германских вагонах и за германскою пломбой. Затем травля все увеличивалась и увеличивалась.

Правда, „Известия" все еще пытаются отмежеваться от буржуазных клевет и от буржуазной кампании лжи.

В № 43 мы читаем: „Приехал Ленин, занявший крайнюю позицию во взглядах на нашу революцию; с ним стали не соглашаться. И вот, вместо того, чтобы спокойно обсудить вопрос, сейчас же темные силы, черная сотня, продажные газеты стали распространять по Петрограду ложные сведения, вздорные слухи, умышленно искажая его мысли и взгляды, внося и сея смуту, натравливая всех и каждого на т. Ленина... Можно соглашаться или не соглашаться со взглядами т. Ленина, но разве можно у нас, в свободной стране, допускать мысль, что вместо открытого спора будет применено насилие к человеку, всю жизнь отдавшему на служение рабочему классу, на служение всем угнетенным и обездоленным. Решительно и твердо всюду и везде прекратим эту недостойную мерзкую травлю".

Однако, „недостойная и мерзкая травля" продолжалась.

Ко времени выхода милюковской ноты, т.-е. к 18-21 апреля, атмосфера становилась все накаленнее.

В апрельское выступление рабочие колонны и первые красногвардейские взводы вплотную схватились с остервенелыми шляпками, котелками, офицерскими фуражками и юнкерскими отрядами буржуазии. Картина этого столкновения будет гораздо полнее для нас, если мы остановимся на том, что организационно представляла тогда из себя Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия большевиков, каковы к моменту апрельского выступления были ее лозунги и каково было участие партии в самом выступлении.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Апрельское выступление 1917 года и Р. С.-Д. Р. П. большевиков.

1. Положение партии в апреле 1917 года.

24 апреля 1917 г., т.-е. непосредственно вслед за апрельскими выступлениями, в Петербурге состоялась Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. большевиков. На конференции было представлено до 80.000 членов партии. Делегаты прибыли со всех концов России, хотя многие партийные организации не смогли послать своих делегатов.

Можно считать, что Петроградская организация насчитывала в это время до двух десятков тысяч членов партии, увеличившись таким образом за полтора месяца революции более, чем в шесть раз. Таким образом, рост партии, который впитывал в себя главным образом рабочие элементы, а через военную организацию, основанную ПК в начале марта,—и передовые элементы солдатской массы, не оставлял никакого сомнения.

2. Резолюция апрельской конференции по текущему моменту.

Из резолюции, принятой на Всероссийской конференции, явствует, как партия относилась к важнейшим вопросам, которые выдвигались тогда перед Р. С.-Д. Р. П. большевиков.

В резолюции о текущем моменте конференция отметила, что об'ективные предпосылки социалистической революции, „несомненно бывшие уже на-лицо перед войной в наиболее развитых передовых странах“, назревали дальше и продолжают назревать, вследствие войны, с громадной быстротой.

Резолюция отметила далее, что „братское“ доверие и братский союз между рабочими разных стран—рабочими, ныне истребляющими друг друга ради интересов капиталистов, начинают понемногу восстанавливаться, а это создает в свою очередь предпосылки для единодушных революционных действий рабочих разных стран. Такие действия одни только в состоянии гарантировать наиболее планомерное развитие и возможно более верный успех всемирной социалистической революции“.

Применительно к России резолюция заявляла сразу следующее: „пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелко-крестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования. Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле раз'яснения народу неотложности ряда практически-назревших шагов к социализму“.

Резолюция намечала и эти шаги: 1) национализация земли, 2) установление государственного контроля за всеми банками (с об'единением их в единый центральный банк), а равно за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов (синдикат сахарозаводчиков, продуголь и т. д.), с постепенным переходом к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имуществ, 3) осуществление всеобщей трудовой повинности через советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и проч. депутатов.

„В осуществление названных мероприятий, — заканчивала резолюция,—необходима чрезвычайная осмотрительность и осторожность, завоевание прочного большинства населения и его сознательного убеждения в практической подготовленности той или иной меры, но именно в эту сторону должны быть направлены внимание и усилия сознательного авангарда рабочих масс, обязанных помочь крестьянским массам найти выход из создавшейся разрухи“.

Таким образом, резолюцию нельзя ни в какой мере обвинять в отсутствии крайне осторожного и делового подхода.

Резолюция была совершенно права, когда утверждала, что такие меры, как национализация земли или установление государственного контроля за банками и синдикатами—„экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях“. Выставление необходи-

мости завоевания прочного большинства населения как раз определяло собой всю тактику большевизма и, как небо от земли, было далеко от эс-эро-меньшевистских и кадетских измышлений о том, что большевики хотят совершить переворот, опираясь лишь на меньшинство и на отдельные организованные группки.

3. Резолюция апрельской конференции о войне.

Чрезвычайно важна резолюция конференции о войне.

Резолюция, отметив в самом начале, что „современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистская, т.-е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром", установила, что „переход государственной власти в России к Временному Правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России".

Пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, как никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т.-е. от захватов чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Нота Милюкова от 18 апреля и раз'яснение ее от 22 апреля подтвердили захватный характер политики Вр. Правительства.

Отвечая на самый важный вопрос — о том, „как окончить возможно скорее и притом не насильнически, а истинно-демократическим миром войну капиталистов", конференция вынесла следующее решение: 1) „Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одной из воюющих сторон". 2) Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно: будто бы мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как капиталистов русских, английских, французских и др., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николая II и монархов английского, итальянского и пр. 3) Конференция заявляла, что партия Р. С.-Д. Р. П. большевиков будет терпеливо, но настойчиво раз'яснять народу, что эту войну можно окончить демократическим миром только посредством перехода всей государственной власти, по крайней мере в нескольких воюющих странах, в руки класса пролетариев и полупролетариев. 4) Пока

революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, партия Р. С.-Д. Р. П. большевиков будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы заграницей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии. 5) В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата.

4. От резолюций начала марта — к резолюциям апрельской конференции.

Если сравнить вышеприведенную резолюцию с той, которая была внесена 30 марта т. Каменевым на Всероссийском Совещании Советов Раб. и Солд. Деп. и которая нами в своем месте приведена, то мы увидим существенную разницу.

В каменевской резолюции есть еще такой пункт, как поддержка воззвания Совета „К народам всего мира“ от 14 марта, дальнейшая работа по упрочению международной связи и даже созыв Международного социалистического с'езда.—Резолюция конференции, наоборот, ясно говорит лишь о поддержке таких социалистических групп, которые уже на деле ведут заграницей борьбу со своими правительствами против войны.

Резолюция т. Каменева считала необходимым сохранение мощи армии и, стало быть, имела как бы некоторый налет „революционного оборончества“. Конференция относительно „революционного оборончества“ во втором пункте резолюции о войне сказала следующее: „Революционное оборончество (эс-эры, меньшевики — Чхеидзе, Церетелли и др.) по своему классовому значению, с одной стороны представляет собою интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыль из насилия над слабыми народами. С другой стороны, революционное оборончество является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистской войне не заинтересованы“.

Отсюда конференция признала недопустимым какие бы то ни было уступки революционному оборончеству. Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то конференция постановила „бороться с этими настроениями неустанным раз'яснением той истины, что бессознательное доверчивое от-

ношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех быстрого окончания войны".

Наконец, в резолюции т. Каменева ничего не говорилось о братании, в то время как резолюция конференции выразилась об этом с полной определенностью.

В своем месте мы приводили резолюции Ц.К. Р. С.-Д. Р. П. больш. от 3 марта и Бюро Ц.К. Р. С.-Д. Р. П. больш. от 4 марта.

Первая резолюция, как известно, даже говорила:—„не противодействовать власти Временного Правительства, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата" и т. п., и лишь подчеркивала решение вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного Правительства восстановить монархический образ правления.

Вторая резолюция уже определенно говорила, что с Временным Правительством не может быть никаких соглашений.

Путь, пройденный от первых резолюций до резолюции Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. большевиков, показывает лишь то, что взгляды партии развивались и уточнялись, найдя свое наиболее точное и ясное выражение и с возвращением т. Ленина из-за границы 4 апреля 1917 г., и с коллективным и широким обсуждением основных вопросов тактики перед конференцией, и на самой конференции.

Однако, резолюция конференции о войне с неоспоримостью устанавливала, что никакого „сепаратного мира с Германией" большевики не хотят, в чем особенно в то время обвиняли большевиков.

Что закончить войну просто отказом от войны большевики никак не находят возможным, что истинный демократический мир большевики попрежнему сочетают лишь с рабочей революцией, что взгляды свои большевики собираются только р а з'я с н я т ь, завоевывая большинство в пролетарских и народных массах, но что войну под знаменами Временного Правительства большевики никак не считают „обороной революции", к такому „революционному оборончеству" не причастны и в то же время не верят, чтобы Временное Правительство вообще во имя революции могло отказаться от аннексий и контрибуций.

5. Три основных вопроса большевиков—в статье т. Ленина.

В статье „Наши взгляды", от 18 апреля 1917 г. в № 35 „Правды", т. Ленин особенно заострил вопрос об окончании войны.

„Пока власть в руках капиталистов и помещиков (Гучкова, Львова, Милюкова)," —писал он,—„война остается на деле под

руководством капиталистов; все обещания на счет мира без аннексий остаются только обещаниями, недоверие рабочих масс всего мира к правительству капиталистов неизбежно; война, значит, будет все затягиваться. Вопрос: как быть, если в России власть перейдет в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а в Германии не произойдет такой революции, которая бы низвергла не только Вильгельма II, но и немецких Гучковых и Милюковых (ибо если немецкого Николая II заменят немецкие Гучковы и Милюковы—то по отношению к войне ровно ничего не изменится). Наш ответ: власть в руках Советов Рабочих и Солдатских Депутатов будет властью большинства народа, а большинство—это рабочие и беднейшие крестьяне. Они действительно не заинтересованы в аннексиях, они не на словах, а на деле от них откажутся, они на деле перестанут быть стражами прибылей капиталистов. При таких условиях и мы согласны на революционную войну против капиталистов любой страны, ибо это будет на деле война против интересов какого угодно капитала, а не за интересы капиталистов одной страны".

Тов. Ленин ясно ответил на вопрос: „как на практике, тотчас, немедленно ускорить дело мира, если невозможно кончить войну простым втыканием штыков в землю".

„Войну,—писал он,—невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран. Практическое, немедленное средство для того, чтобы ускорить мир, есть и может быть только одно (кроме победы рабочей революции над капиталистами), именно: братание солдат на фронте. Немедленная энергичнейшая, всесторонняя безусловная помощь с нашей стороны братанию солдат обеих воюющих групп на фронте. Такое братание уже началось. Давайте помогать ему".

К вопросу о братании мы еще вернемся, ибо он с особенной силою встал в следующие за апрелем месяцы и подвергся неоднократному обсуждению с разных сторон. Пока же необходимо остановиться еще на двух вопросах, стоявших тогда в центре внимания.

16 апреля Исполнительная Комиссия Советов Солдатских Депутатов опубликовала следующую резолюцию:

„Обсудив сообщение товарищей о распространении дезорганизаторской пропаганды, прикрывающейся революционным, часто даже социал-демократическим флагом, в частности о пропаганде так называемых ленинцев, и считая эту пропаганду не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа, признавая в то же время невозможным принимать репрессивные меры против пропаганды, пока она остается лишь пропагандой, Исполнительная Комиссия Совета Солдатских Депутатов признает крайне необходимым принять

все меры к тому, чтобы противопоставить этой пропаганде нашу пропаганду и агитацию. Мы должны стремиться к тому, чтобы наши организации были достаточно сильны, чтобы в любой момент всякому контр-революционному действию, откуда бы оно ни исходило, противопоставить наши действия. Мы выражаем настойчивое желание, чтобы Исполнительный Комитет в целях борьбы с дезорганизационной пропагандой открыл планомерную агитацию как в печати, так и, в особенности в воинских частях".

Как известно, Военная секция Совета являлась оплотом эс-эров и меньшевиков и была всего позднее завоевана большевиками. Солдатская масса лишь медленно и постепенно переходила на сторону большевиков, переизбирая своих старых представителей, попавших в Совет еще в феврале. Тов. Ленин посвятил этой резолюции целую, уже упомянутую нами, статью „Наши взгляды".

„Пропаганду Ленина,—писал т. Ленин,—резолюция об'являет не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа... Правые—за власть монарха. Капиталисты за власть капиталистов (ибо Временное Правительство есть правительство капиталистов): они обещают действовать по соглашению с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Мы хотим убедить большинство народа, что власть должна быть т о л ь к о у Советов Рабочих, Солдатских и других депутатов".

„Сторонники соглашения,—т. е. Советы,—писал т. Ленин,—сейчас опираются на большинство народа. Как же они могут называть „столь же вредной, как правая", нашу пропаганду, у б е ж д а ю щ у ю большинство взять всю власть?"

В чем по существу,—спрашивал т. Ленин далее,—наши разногласия?

„Главным образом, по трем пунктам: 1) О земле. Мы за то, чтобы крестьяне, по собственному решению большинства самих крестьян на местах, брали в с ю землю тотчас, увеличивая таким образом производство хлеба и мяса для солдат. Временное Правительство за соглашение крестьян с помещиками, т.-е. за соглашение 300 крестьян с одним помещиком. 2) Мы за такую республику, в которой бы снизу до верху не было ни полиции, ни постоянной армии (вместо нее, по нашему убеждению, должно быть всеобщее вооружение всего народа), ни чиновничества, пользующегося на деле несменяемостью и привилегированной буржуазной платой за труд. Мы за полную выборность, за сменяемость в любое время всех чиновников и за пролетарскую плату им".

„Временное Правительство за восстановление полиции обычного типа, за постоянную армию, за обычное чиновничество".

Т р е т и й в о п р о с—был вопрос о в о й н е, о чем слова т. Ленина нами уже приведены.

Как бы ни оценивать ту республику, которая выдвигалась тогда т. Лениным — фактически в первые месяцы Советской власти мы имели государственное устройство, близкое к такой республике.

Такая республика была необходима для сметения всех остаков царского хлама, без такой, республики невозможно было бы организовать советское государство, которое, в силу капиталистического окружения, медленного хода и развертывания международной революции, было вынуждено отойти от многих начал, выставлявшихся в апреле 1917 года. Со всем тем это совершенно не значит, чтобы отказались большевики вообще от такого типа республики и не стремились бы к ней, или бы почитали себя удовлетворенными нынешними формами Советского государства.

Мы изложили главнейшие воззрения Р. С.-Д. Р. П. большевиков в апреле 1917 г., как и указали на рост партии и количество ее членов. Два десятка тысяч организованных членов в Петрограде, где одних рабочих насчитывалось свыше 400.000, а кроме этого находился многочисленный гарнизон— было не особенно много. Но в том-то и дело, что влияние „ленинцев" росло, что к лозунгам „ленинцев" прислушивались все большие и большие массы!..

6. Рост влияния партии на массы.

Мы уже упоминали о том походе клеветы, который повелся буржуазной печатью против большевиков.

„Страшна та проповедь насилия, которая ныне раздается на Каменноостровском проспекте",—заявил министр Временного Правительства Некрасов на московском собрании партии к. д. 9 апреля („штаб большевизма", как выражались буржуазные газеты, находился во дворце Кшесинской, а излюбленным местом митингов и собраний был снесенный уже нынче цирк Модерн, на Петербургской стороне. Некоторые буржуазные газеты с ужасом заявляли, что Ленин даже „говорил на митинге Модерн с крыши").

Однако, против всего хора клеветников, против таких газет, как „Речь", „Русская Воля", „Маленькая газета", „Живое Слово" и даже „Единство" Плеханова (в это время „Известия", как мы уже имели случай упоминать, затем „Рабочая газета" меньшевиков и „Дело Народа" эс-эров пытались вести себя более или менее прилично)—16 апреля собрание в зале Морского корпуса вынесло большевистскую резолюцию, в которой заявило:

„Собрание с негодованием протестует против травли, ведущейся буржуазными классами против наших товарищей-бор-

цов. Мы находим, что долг честных борцов побуждал т.т. Ленина, Зиновьева и др., в интересах дела свободы, за неимением другого пути, воспользоваться проездом через Германию. В интересах справедливости мы требуем, чтобы Временное Правительство передало этот вопрос на рассмотрение гласного суда, где означенные товарищи сумеют документами превратить суд над ними в суд над политикой Милюкова и К°".

За резолюцию голосовало 3.500 чел., против 5, воздержалось 15.

Если просмотреть резолюции заводских собраний, резолюции полков, отдельных команд и т. д., то везде мы встретим этот начинавшийся прилив самого дружеского отношения трудящихся масс к партии большевиков социал-демократов.

„Широкие народные массы",—как справедливо отметила резолюция Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П. большевиков о коалиционном министерстве, резолюция, которой нам придется коснуться позже—„широкие народные массы, особенно солдаты, начинают разочаровываться во Временном Правительстве, разуверяются в правильности соглашения с ним, в политике доверия к нему".

Отсюда у этих масс рождалось непреодолимое влечение к той партии, которая всего энергичнее критиковала Временное Правительство, всех более раз'ясняла массам истинный характер этого правительства, всех более звала массы на борьбу за лозунги, близкие и понятные этим массам.

Поэтому и случилось, что первое стихийное выступление трудящихся масс, как ни считала сама партия большевиков его преждевременным, не могло произойти без участия партии... Не могло произойти, чтобы партия совершенно отстранилась от этого движения масс и оставила бы их одних на произвол стихийного развития событий.

7. Апрельское выступление 1917 года в изложении Милюкова.

В своей „Истории второй русской революции" П. Н. Милюков следующим образом излагает апрельские события.

„Опубликование 20 апреля ноты от 18 апреля дало новый благоприятный повод большевикам для первой уличной манифестации вооруженных сил против Врем. Правительства. К 3—4 час. дня к Мариинскому дворцу пришел запасный батальон Финляндского полка, несколько рот Кексгольмского полка и около роты 2-го флотского Балтийского экипажа. Большинство солдат не знало, зачем они пришли. Кроме войск, в демонстрации участвовали рабочие-подростки, громко заявлявшие, что им за это заплачено по 10—15 руб. Позднее был

арестован известный своими германскими связями литератор Колышко, в письмах которого в Стокгольм найдены выражения удовольствия по поводу того, что после долгих усилий наконец удалось свалить Милюкова и Гучкова. Вернувшиеся в Россию из Берлина сестры милосердия Фелькерзам рассказывали, что задача устранения обоих министров прямо была поставлена в Германии. Все это показывает, что движение 20 и 21 апреля было инсценировано из тех же темных источников, как и другие, ранее упоминавшиеся уличные движения".

До показаний „сестер милосердия" и литераторов мы доберемся в своем месте, излагая обвинительный материал по делу 3—5 июля. Сейчас же мы с величайшим удовольствием приводим эту выдержку из „Истории" Милюкова.

Так пишется „серьезная" буржуазная история „серьезными" буржуазными историками, для коих незыблемым авторитетом являются „сестры милосердия Фелькерзам"!

8. Апрельское выступление на деле. Демонстрации буржуазии и демонстрации рабочих.

Посмотрим, как на самом деле разыгрались события. Главным днем их явился день 21 апреля.

Волнения, вызванные опубликованием ноты Врем. Правительства от 18 апреля, не утихали в течение всего этого дня, и дело доходило до вооруженных столкновений.

Во всех этих столкновениях зачинщиками выступали черносотенцы, уже давно подготовлявшие свои выступления и подкупавшие наиболее податливых людей. Они использовали в своих целях возбуждение толпы, сваливая потом все на ленинцев и призывая к активной борьбе с ними.

Демонстрации начались 21 апреля в центре города сторонниками Врем. Пр-ва, ибо Временное Правительство, ибо буржуазия решила мобилизовать и свои силы.

Сначала эти силы были очень незначительны: много учащихся средних учебных заведений, барышен и представителей „чистого общества", завсегдатаев Невского; плакаты: „Да здравствует Временное Правительство", „Да здравствует П. Н. Милюков" и пр.

Разбрасывались и расклеивались прокламации от имени партии „Народной Свободы", призывающие к манифестациям с выражением доверия Временному Правительству. Были и другие прокламации от представителей Петроградского гарнизона, выражавшие доверие Сов. Р. и С. Д.

На некоторых плакатах были надписи „Долой Ленина", „Арестовать Ленина" и пр. Имя Ленина раздавалось во всех падежах по Невскому проспекту. Слышались даже призывы

итти немедленно к Мариинскому дворцу и требовать от Временного Правительства указа об аресте Ленина.

Демонстрации, выражающие недоверие Временному Правительству, начались с полудня. Процессия—части Выборгского района—днем... Другая,—более грандиозная, двигалась по Невскому пр.—к вечеру. Демонстрировали и другие районы: Петроградский, П-ой городской и пр. Толпы рабочих, среди которых было очень много женщин, несли плакаты и знамена с надписями: „Вся власть Совету Р. и С. Д.“, „Долой Временное Правительство“, „Мы за немедленный мир без аннексий и контрибуций“ и пр.

9. Столкновения демонстраций. Вызов Корниловым батареи. Общая картина выступления.

При встрече враждебных демонстраций происходили столкновения.

Мирная демонстрация Выборгского района, с плакатом „Долой Временное Правительство“, „Да здр. С. Р. и С. Д.“, шла по Невскому пр. с пением Марсельезы. В ней было много рабочих, между прочим и с завода Лесснер—и женщин.

На углу Садовой ул. из вагона проходившего трамвая какой-то суб'ект в форме офицера направил в толпу, проходившую под этим флагом, револьвер. Милиционеры Выб. ст., шедшие с этой же манифестацией, взяли винтовки на прицел, но не стреляли. В это время с панели от „Вечернего Времени“ отделилось несколько человек в солдатской форме—и произвели выстрелы по рабочей манифестации.

В последних манифестациях появились „солдаты с фронта“—защитники лозунга „войны до полной победы“. Но каково же было удивление окружающих, когда по пред'явлению некоторым из них требования показать удостоверения—эти воины показывали—паспорт.

„Разве теперь выдают солдатам паспорта взамен воинских удостоверений?“ „Чистая публика“ бросилась на толпу женщин-работниц, вырвала и разорвала их знамя.

Около 3 час. дня, на углу Невского пр. и Екатерининского канала собралась большая толпа, обсуждавшая текущие события.

Скоро началась свалка, послышались выстрелы. В результате трое убитых и двое раненых.

Около 4 час. дня на Казанской ул. произошло столкновение двух враждебных демонстраций. С одной стороны, шли вооруженные рабочие, работницы и „частная публика“; впереди несли плакат с надписью: „Долой Временное Правительство“. Навстречу шла другая демонстрация с плакатом: „Доверие Временному Правительству“.

Когда две демонстрации подошли вплотную друг к другу, то офицер и сестра милосердия, шедшие впереди правительственной демонстрации, подбежали к плакату с враждебной им надписью и разорвали его. Вслед за этим раздались выстрелы. Казалось, выстрелы были со стороны—с тротуара или, может быть, из окна.

Произведенными выстрелами оказались тяжело раненными двое солдат и одна женщина.

Рабочие Петроградского и некоторых других районов направились от Народного Дома через В. О. к Невскому пр. Толпа выросла до 10—12 тыс., шла с пением революционных песен и возгласами: „Всю власть Совету Р. и С. Д“. На углу Садовой и Невского сомкнутая цепь из юнкеров и студентов пыталась задержать демонстрантов, но была прорвана простым напором толпы.

Когда демонстрация завернула по Садовой, то на углу Итальянской раздались выстрелы в тыл: как утверждают очевидцы, стреляли городские милиционеры и юнкера. Выстрелы были произведены и одним юнкером из проходившего вагона трамвая, (стрелявший скрылся неизвестно куда). Рабочие милиционеры ответили выстрелами. Большая часть манифестантов после стрельбы рассеялась, оставшаяся же часть (около 2—2½ тысяч) пошла на Петроградскую сторону и около Троицкого моста разошлась по приглашению районного комитета.

Часов в 8 вечера толпа рабочих тысяч в 15 двинулась от Морского корпуса, где заседал Совет Р. и С. Д., к Невскому пр. с песнями и знаменами, на которых было между другими много надписей с лозунгами—„Да здравствует III Интернационал“, „Да здравствует социализм“, „Долой Временное Правительство“, „Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов“.

Стройно и мирно двигались демонстранты по Невскому, решив направиться к Петроградскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. большевиков и выразить ему солидарность.

Буржуазная публика на панелях приветствовала демонстрацию криками: „Ленинцы, провокаторы“ и т. д.

В конце демонстрации шли рабочие 2-го Городского района, Галерного островка и часть путиловцев.

Когда большая часть демонстрантов свернула уже на Садовую, часть, шедшая в конце, была отрезана трамваем и осталась на Невском.

Вдруг стали раздаваться крики: „Товарищи, знамя берут, знамя рвут, отнимают“.

Одни хватали знамена, а рабочие не давали. Внезапно из дома, что на углу Садовой и Невского, раздались два выстрела. Рабочие бросились к дому, сзади опять раздались выстрелы, и открылась беспорядочная стрельба. Было дано

около 30 выстрелов—в результате убитые и раненые. Кто первый выстрелил из дома, так и не удалось выяснить, но после окончания стрельбы на панели улицы виднелась местами кровь, и группы рабочих, волнуясь и негодуя, обсуждали вопрос, как быть дальше, как реагировать. С трудом удалось уговорить разойтись спокойно по домам и не прибегать к эксцессам.

В это время на Казанской площади происходил митинг доверия Временному Правительству, а около 5 час. дня в Михайловском Артиллерийском училище была получена телефонограмма от главнокомандующего Петроградским военным округом ген. Корнилова (того самого, который встал в 1917 г. во главе белогвардейского восстания против Советской власти) о высылке 2 училищных батарей на Дворцовую площ. Однако собрание юнкеров и солдат училища постановило: приказание ген. Корнилова не исполнить и командировать делегатов в Совет для выяснения, с согласия ли Совета действовал ген. Корнилов.

Выяснилось, что приказ был издан без санкции Исполнит. Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а Комитет просил передать, что его приказы будут даваться только письменно за подписью одного из членов Исп. Комитета. Тогда-то через два часа в училище был получен новый письменный приказ ген. Корнилова с отменой первого распоряжения о высылке пушек.

А вот другое описание апрельских демонстраций: около 9 час. вечера на Невском происходили грандиозные манифестации. Это рабочие и работницы Петроградской ст., окончив работы на фабриках и заводах, пришли выразить свое отношение к Временному Правительству. Многотысячная процессия, растянувшаяся на громадное расстояние, двигается от Адмиралтейства к Знаменской пл. Во главе процессии идет отряд вооруженных солдат с офицером на коне, а за ним следует большой отряд рабочей красной гвардии, вооруженный винтовками. В промежутках между отдельными колоннами манифестантов также идут отряды красной гвардии.

Целый ряд знамен и плакатов с надписями: „Долой Временное Правительство“,—„Вся власть Совету Р. и С. Д.“,—„Мир без аннексий и контрибуций“,—„Да здравствует братство народов“ и т. д. Стройными рядами, с пением революционных песен, двигаются рабочие батальоны. Воздух оглашается возгласами: „долой Временное Правительство, долой Милюкова, долой империалистскую войну“ и пр. Чтобы не задержать движения трамваев, манифестанты стараются держаться одной стороны проспекта. У Казанской площади процессия встречается с другой рабочей манифестацией, идущей из-за Нарвской заставы и также направленной против Временного Правительства.

Небольшая остановка. С обеих сторон несется приветственное ура, несутся рабочие лозунги дня: „Долой Временное Правительство“, „Вся власть Совету Р. и С. Д.“ и др. Нарвская манифестация, идущая в живой цепи, делает поворот и присоединяется к Петроградской, составляя продолжение ее и замыкая ее. Вместе они двигаются дальше к Знаменской площади. В вечерних сумерках долго еще видны рабочие знамена и слышно пение рабочей Марсельезы и Интернационала. Из проходящих трамваев солдаты приветствуют демонстрантов криками ура.

10. Ложь буржуазных газет.—Кто „подкупал“.—События в Москве.

Из этих описаний,—а всякий, кто был в Петрограде в апрельские дни, знает, что они являются точной фотографией событий,—видно, как справедливо было изложение г. Милюкова. Справедливость его соответствовала тогдашним передовицам и статьям буржуазных газет. Кадетская газета „Речь“, во главе которой стоял сам Милюков, ухитрилась изобразить апрельские события так: „Весь Петроград проснулся, вышел на улицу и громко и торжественно заявил, что он верит Временному Правительству“.

По этому поводу „Правда“, в № 39 от 23 апреля, писала: „Весь Петроград—на меньшем министерская газета не мирится... Если из „всего“ Петрограда вычесть всех р а б о ч и х, демонстрировавших п р о т и в Временного Правительства, если вычесть громадное большинство тех солдат, которые вышли на улицу и которые демонстрировали п р о т и в Временного Правительства, если вычесть те сотни и сотни тысяч людей, которые просто остались дома, если под „всем“ Петроградом понимать ничтожное меньшинство буржуазии, небольшую часть учащихся, часть высших чинов армии,—тогда министерская газета права: „весь“ Петроград высказался за Гучковых и Милюковых“.

„Правдивое“ изложение „Речью“ апрельской демонстрации, вполне соответствующее „Истории“ Милюкова, можно усмотреть и из следующих строк кадетской газеты: „Эти выстрелы каких-то вооруженных людей, эти убийства солдат, в связи с неслыханно наглыми вывешиваниями пораженческих флагов на германском посольстве... Вчерашнее кровавое бесчинство ленинства переполнило чашу терпения и нанесло непоправимый удар этой анти-национальной, предательской пропаганде. Будем надеяться, что эта пропаганда уже не осмелится поднять своей головы“.

„На чьей стороне тут наглость—писала „Правда“—пусть судит читатель. Здесь что ни слово—то ложь и клевета. Никаких флагов наши товарищи на германском посольстве не вывешивали. В убийствах солдат наши товарищи не повинны. Ответственность за вчерашние акты насилия падает на Временное Правительство и только на него. Пусть судит читатель, чья пропаганда является воистину предательской“.

„Известия Совета Р. и С. Д.“ в № 47 как раз коснулись вопроса о пропаганде особого рода, ведшейся по Петрограду перед апрельскими днями.

„Уже давно по Петрограду—писали „Известия“—бродят темные слухи о готовящемся выступлении черной сотни. По трактирам, чайным, на рынках замечены люди, ведущие различные толки о том, что 23 апреля, в день именин арестованной б. императрицы, эти люди хотят устроить погром. Замечено, что на площадях и по дворам раздают деньги наиболее податливым людям. Как видим, здесь все те же старые приемы погромщиков черной сотни. Доводя до сведения жителей столицы о происках черной сотни, уже пробовавшей производить дебоши на улицах, мы вместе с тем предупреждаем скрывающихся черносотенцев, что если они осмелятся вновь проявить свою злую волю, то власть революционного народа через все свои органы немедленно проявит себя, обрушившись на этих нетерпимых в свободном государстве людей“.

Так писали эс-эро-меньшевистские „Известия“,—отнюдь не большевистская „Правда“. И из этой выдержки видно, кто тогда в действительности раздавал по 10 целковых на черносотенное рыло, кто мобилизовал буржуазную публику с черносотенной толпой, кто в Петрограде собирался громить эстонскую соц.-демократическую газету „Кийр“, при чем среди погромщиков оказался и один правительственный милиционер, кто производил провокационные выстрелы, пытался отнять у рабочих революционные знамена, пытался вызвать против революционных рабочих и солдат артиллерию,—пытался, словом, двинуться на захват всей полноты буржуазной власти, но—сорвался.

Не в одном Петрограде, а и в Москве буржуазное наступление встретило соответствующий отпор. Вот что было 21 апреля в Москве.

Рабочие, с пением революционных песен, толпами выходили из фабрик, направляясь к центру города и устраивая митинги. На многочисленных митингах ораторы призывали присутствующих к борьбе с Временным Правительством. На знаменах манифестантов лозунги: „Долой Временное Правительство“—„Долой Гучкова и Милюкова“—„Долой буржуазное правительство“ Особенно много плакатов с надписью—„Долой Милюкова!“

С пением Марсельезы демонстрация пошла к губернаторскому дому. На балкон вышел Исполнительный Комитет Совета Р. и С. Д. и призывал рабочих к спокойствию и к тому, чтобы быть готовыми к организованному выступлению, если это понадобится.

22 апреля к дому генерал-губернатора прибыли солдаты и офицеры 55 зап. полка с оркестром и красными знаменами. Председатель Совета Раб. Деп. произнес речь, призывая не делать неорганизованных выступлений. Представители полка заявили, что они вышли демонстрировать свою силу и выразить готовность выступить на защиту Совета Р. и С. Д.

Солдаты 55 запасн. полка правильно поняли смысл событий, как наступление буржуазии на советы, а буржуазия в Москве, по примеру питерской, где могла производила на улицах бесчинства и изорвала на Тверской ул. „знамя ленинцев“ с лозунгом—„долой войну!“

11. Действия „социалистической демократии“.

„Руководителей Совета Р. и С. Д.,—пишет Милюков в своей „Истории“—винить в этом (апрельском) движении нельзя уже потому, что для них лозунг „свержение Временного Правительства“ был неприемлем, и занимать место правительства они не собирались, предпочитая оказывать на него „давление“.

20 апреля состоялось об'единенное заседание Временного Правительства и Исполнит. Комитета.

„Министры,—говорит Милюков,—решили воспользоваться этой первой встречей, чтобы дать понять руководителям Совета всю трудность и сложность положения в государстве... Доклады (министров) произвели сильное впечатление, и готовность пойти на соглашение еще усилилась в результате заседания. После отказа министра иностранных дел (т.-е. Милюкова) от издания новой ноты, Церетелли согласился на опубликование официального раз'яснения только двух мест, вызывавших особенно ожесточенные нападки. На другой день к 5 часам дня текст раз'яснений был обсужден Правительством, предварительно показан Церетелли и им одобрен“.

22 апреля Временное Правительство раз'яснило, что „нота министра иностранных дел была предметом тщательного обсуждения Временного Правительства, при чем текст ее был принят единогласно“. Выражение о „решительной победе над врагами имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта“, а под упоминавшимися в ноте—„санкциями и гарантиями прочного мира“—Временное Правительство подразумевало ограничение вооружений, международ-

ные трибуналы и пр". Это раз'яснение министр иностранных дел обещал передать послам союзных держав.

Тут Милюков делает весьма справедливое замечание по адресу „социалистической демократии".

„Очевидное несоответствие этих скромных раз'яснений, — пишет он — с тем раздражением, которое было вызвано действительным противоречием между нотой 18 апреля и циммервальдской точкой зрения Совета, лучше вего характеризует шаткость позиции вождей Совета. Эта шаткость вполне сказалась уже в заседании Совета 20 апреля, в котором ряд ораторов заявил, что „брать власть в свои руки преждевременно и опасно", что захват власти может привести к гражданской войне, в которой, по словам В. М. Чернова, „темные силы покажут свою живучесть".

„Кто заменит правительство?"—спрашивал один оратор. — „Мы?—Но у нас руки дрожат".

21 апреля Исп. Комитет Совета решил 34 голосами против 19 признать раз'яснения правительства удовлетворительными и считать инцидент исчерпанным.

Предложенная Комитетом резолюция заявляла, чта раз'яснение кладет конец возможности истолкования ноты 18 апреля „в духе", противном интересам и требованиям революционной демократии, что сделан первый шаг для постановки на международное обсуждение вопроса об отказе от насильственных захватов и что это должно быть признано „крупным завоеванием демократии".

22 апреля 17 г. Совет в течение двух дней воспретил всякие уличные митинги и манифестации, а солдатам предложил, кроме обычных нарядов, законным признавать только такое распоряжение о выходе воинской части на улицу, которое скреплено печатью Исп. Комитета на его бланке и имеет подпись не менее двух из семи членов И. К.—Чхеидзе, Скобелева, Бинасика, Филипповского, Скалова, Гольдман-Либера и Богданова. Тут, как видим, не оказалось ни одного большевика.

12. Как оценивала события „социалистическая демократия" (эс-эры и меньшевики).

Как оценивала „социалистическая демократия" в то время события 21 апреля?

В № 47 от 22 апреля 1917 г. передовица писала: „Манифестации были различны не только по лозунгам, но и по классовому составу. Резко отличались друг от друга демонстрации рабочих и демонстрации зажиточных классов. В этой резкой противоположности стремлений манифестантов обнаружилась вся острота конфликта между Советом Р. и С. Д. и

Временным Правительством. Петроград расслоился в связи с этим вопросом на два лагеря".

„Возбуждение в рабочих кварталах",—писали далее „Известия",—было слишком велико. Возмущение против призрака возрождения завоевательной политики царизма вызвали рабочих на улицы. При крайнем обострении страстей создалась опасность столкновений между гражданами различных партий и различных классов".

Эта опасность всего более беспокоила „социалистическую демократию", и передовица „Известий" спешила заявить, что „Совет добивался, чтобы правительство предприняло определенные шаги в области внешней политики. Но, борясь с правительством на этой почве, Совет не стремился к захвату власти в свои руки. Между тем на многих знаменах сторонников Совета были надписи, требовавшие свержения правительства и перехода всей власти к Совету". Правда, тут же „Известия" удостоверяли, что „на знаменах сторонников правительства нередко оказывались надписи, разжигавшие страсти и вызывавшие раздражение рабочих".

В том же номере статья „Новый успех демократии" заявляла: „18 апреля Временное Правительство исполнило требования Исп. Комитета. Но оно сделало это в форме, которая возбудила справедливое негодование демократии. Оно обставило свое сообщение такими оговорками и комментариями, которые заставили сомневаться: да точно ли хочет правительство отстаивать ту программу мира без захватов, которую 27 марта оно об'явило своею. Но правительство ошиблось, если думало, что демократия допустит в этом вопросе какую бы то ни было двусмысленность. Революционной демократии России слишком дорог интерес мира, чтобы она позволила умалить или затемнить успехи, уже достигнутые ею в этой области. Весь революционный Петроград встрепенулся при мысли, что делу восстановления международного мира и братства народов, над которым демократия так упорно работает, грозит опасность. К счастью, правительство во время поняло смысл грозных предзнаменований и во время уступило демократии. Своим раз'яснением, доводимым до сведения союзных держав, оно уничтожило все пагубные двусмысленности ноты 18 апреля и тем сняло с очереди дня тот лозунг—долой Временное Правительство,—который начал уже находить себе сторонников в широкой рабочей и солдатской массе и который таит в себе в настоящий момент грозный призрак гражданской войны, способной погубить все славное дело революции. Надо полагать, что происшедшее послужит спасательным уроком Временному Правительству. А революционная демократия России, учтя правительственные раз'яснения как новый крупный успех свой, удвоит свою бдительность по отношению

к внешней политике Временного Правительства, толкая его на все новые и новые шаги в желательном направлении.

Столь розовые оценки „успеха демократии“ были как раз во вкусе „социалистической демократии“.

13. Как оценивал события Ц. К. большевиков.

22 апреля 1917 г. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. большевиков принял следующую резолюцию...

„Политический кризис, разыгравшийся 19-21 апреля, следует признать, по крайней мере, в его первой стадии законченным. Мелкобуржуазная масса поколебалась сначала от капиталистов, возмущенная ими—к рабочим; а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими „доверие капиталистам и соглашательство“ с ними. Названные вожди пошли на компромисс, сдав «целиком все свои позиции, удовлетворившись пустейшими, чисто словесными оговорочками капиталистов“.

„Причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно. Суть кризиса: мелкобуржуазная масса колеблется между старым вековым доверием к капиталистам и озлоблением против них, стремлением довериться революционному пролетариату“.

В дальнейшем резолюция говорила...

„Лозунг — „долой Временное Правительство“ — потому неверен сейчас, что без прочного, т.-е. сознательного и сорганизованного большинства народа на стороне революционного пролетариата, такой лозунг либо есть фраза, либо об'ективно сводится к попыткам авантюристического характера. Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы Рабочих и Солдатских Депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки“.

Резолюция прямо заявляла: „Организация нашей партии, сплочение пролетарских сил оказались явно недостаточны в дни кризиса“.

Резолюция намечала лозунги момента: 1) раз'яснение пролетарской линии и пролетарского пути к окончанию войны; 2) критика мелкобуржуазной политики доверия и соглашательства с правительством капиталистов; 3) пропаганда и агитация от группы к группе среди каждого полка, на каждом заводе, особенно среди самой отсталой массы прислуги, чернорабочих и т. п., ибо особенно на них пыталась

в дни кризиса опереться буржуазия; 4) организация, организация и еще раз организация пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале.

Резолюция заканчивалась следующим образом...

„Постановление Петроградского Совета Р. и С. Д. от 21 апреля—о воспрещении всяких уличных митингов и манифестаций в течение двух дней—должно быть безусловно соблюдено всеми членами нашей партии. Ц. К. еще вчера распространил с утра и сегодня напечатал в „Правде“ резолюцию о том, что „в такой момент бессмысленна и дика всякая мысль о гражданской войне“, что демонстрации должны быть только мирными и что ответственность за насилие падет на Временное Правительство и его сторонников. Поэтому наша партия все вышеназванные постановления Совета Р. и С. Д., в особенности против вооруженных демонстраций и выстрелов в воздух, считает совершенно правильными и подлежащими безусловному выполнению. Мы призываем всех рабочих и солдат тщательно обсудить итоги кризиса последних дней и послать делегатами в Совет Р. и С. Д. и Исполнительный Комитет только таких товарищей, которые выражают волю большинства. Во всех тех случаях, когда делегат не выражает мнения большинства на фабриках и в казармах, необходимо произвести перевыборы“.

14. Тов. Ленин о лозунгах дня и попытках взять „чуточку левее Ц. К.“. Апрель—прообраз июля.

В номере „Правды“ от 23 апреля т. Ленин, в статье „Уроки кризиса“, писал:

„Масса колеблется между доверием к старым господам, капиталистам, и озлоблением против них, между доверием—к новому, открывающему путь в светлое будущее для всех трудящихся, единственному последовательно-революционному классу—пролетариату... Не первое и не последнее колебание мелкобуржуазной и полупролетарской массы“.

„Урок ясен, товарищи рабочие. Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых, массового товарищеского, непосредственного, не только митингового сближения с каждым полком, с каждой группой еще не прозревших трудящихся слоев. Все силы на собственное сплочение, на организацию рабочих снизу до верху, вплоть до каждого района, до каждого завода, до каждого квартала столицы и ее предместий“.

„Не давайте сбить себя ни мелкобуржуазным соглашателям с капиталистами, „оборонцам“, сторонникам „поддержки“, ни одиночкам, склонным торопиться и раньше прочного спло-

чения большинства народа восклицать—долой Временное Правительство".

„Кризиса нельзя изжить насилием отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками „захвата власти", „ареста Временного Правительства" и т. д.".

„Лозунг дня: раз'ясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны. Стройтесь крепче, шире, повсеместно в пролетарские ряды и колонны. Сплачивайтесь вокруг своих советов; внутри их—товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство".

Чтобы понять места в статье т. Ленина „об одиночках" и „о слишком поспешных выступлениях", необходимо остановиться еще на одной его статье, напечатанной в № 40 „Правды", от 25 апреля 1917 г., под заглавием „Неумное злорадство".

Дело в том, что меньшевистская „Рабочая газета", опираясь на резолюцию Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. большевиков, уже приведенную нами, с великим злорадством написала о том, что большевики-де бьют отбой, что „большевики испугались тех духов, которых вызвали сами".

„Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики",—ответил т. Ленин.

„Нас это не смутит. Ведь у меньшевиков нет никакой организации: Чхеидзе и Церетелли—одно,—это министры без портфеля, О. К. (Организационный Комитет меньшевиков)—другое; это — социал-демократы без линии; оборонцы — третье... Удивительно ли, что люди без организации, без партии, с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации. Нам нечего бояться правды. Да, товарищи рабочие, кризис обнаружил недостатки нашей организации... За работу для исправления ее! Кризис обнаружил очень слабые попытки взять „чуточку полевее" нашего Ц. К. Наш Ц. К. не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстанавливается и притом добровольное, сознательное, самое полное. Наша линия подтверждается с каждым днем... Будем строить тотчас же снизу повсюду массовую крепкую пролетарскую организацию и среди рабочих масс и среди войска. Не будем смущаться злорадством врагов, не будем бояться частных ошибок и недостатков. Мы их исправим. Будущее за нами".

Апрельские выступления не были „вызваны и организованы" Р.С.-Д.Р.П. большевиков в целом. Демонстрации начались „как солдатские демонстрации с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести, лозунгом—долой Милюкова!—точно перемены лиц или группок могли изменить

суть политики". Так определил эти демонстрации т. Ленин в № 39 „Правды".

Совершенно верно, что в Р.С.-Д.Р.П. большевиков, и в особенности в Петроградской организации существовало течение, которое пыталось взять линию (хотя пыталось и очень слабо) „чуточку левее Ц. К.". Но как только стихийное движение началось, началось не по указанию Ц. К., началось вопреки Ц. К.,—Ц.К.Р.С.-Д.Р.П., большевиков, не счел возможным оставить массы одних на улицах, под обстрелом буржуазных автомобилей, с противоречивыми и несознательными лозунгами...

21 апреля пролетариат поднялся из своих центров—из рабочих предместий,—уже организованный вокруг призывов и лозунгов Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. большевиков, которые передавались через аппарат организаций массам пролетариата. А все попытки Ц. К. сводились к тому, чтобы не допустить преждевременного вооруженного столкновения, не допустить никаких авантюристских попыток, перевести движение в русло широкой мирной демонстрации с точными лозунгами рабочего класса, уберечь рабочий класс от всякой возможности преждевременного разгрома и в то же время фактом усвоения широчайшими народными массами правильных лозунгов пролетариата поднять сознание этих широчайших народных масс.

В этом смысле апрельские события явились прообразом июльских дней 1917 г., конечно, в другом масштабе, в другой обстановке, ибо в революции нет ни одного дня, когда бы не совершалось ее движение вперед, и от апреля до июля революция и народные массы проделали целый огромный этап своего развития.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

От апрельского выступления к июльским дням.

1. Отставка Милюкова и Гучкова. Зарождение мысли о коалиции.

Военный и морской министр А. И. Гучков официально вышел в отставку и особым приказом по армии и флоту сложил с себя министерские обязанности 30 апреля. Отставка министра иностранных дел П. Н. Милюкова последовала 2 мая. 5 мая образовалось второе Временное Правительство, открывшее собою полосу коалиционной власти, т.-е. когда власть разделяли и сотрудничали вместе буржуазия и „социалистическая демократия“. Таким образом, потребовалось до двух недель для того, чтобы кризис правительства, худо ли, хорошо ли,—а разрешился.

„Мысль руководящей группы в правительстве (к этому времени уже совершенно выяснилось, что таковой является Керенский, Некрасов, Терещенко, к которым склоняются, с одной стороны, кн. Львов, с другой—правые члены правительства—В. Н. Львов и большей частью И. В. Годнев) окончательно остановилась на идее коалиции с членами партии, входившими в Совет, как на лучшем выходе из создавшегося положения. Чтобы поставить Совет перед необходимостью высказаться по вопросу, желает ли он нести формальную ответственность перед страной за то „давление“, которое парализует работу правительства, намечен был проект обращения к стране с отчетом в двухмесячной деятельности правительства и с указанием на встретившиеся трудности“.

Так рассказывает Милюков („История второй“ и т. д.) о зарождении мысли о необходимости к о а л и ц и и у самого Временного буржуазного правительства. При этом Милюков

заявляет, что он был против замены первого правительства коалиционным, как менее авторитетным, и против опубликования документа, который неизбежно должен был повести к кризису власти. Однако, „в руководящем кружке уже стал на очередь вопрос об удалении самого П. Н. Милюкова, откровенно поставленный в совещании 21 апреля В. М. Черновым (вождем эс-эров), который предлагал П. Н. Милюкову переменить портфель министра иностранных дел, например, на портфель министра народного просвещения".

2. Воззвание Первого Временного Правительства о коалиции. Роль Керенского.

26 апреля Временное Правительство опубликовало воззвание к населению.

По утверждению Милюкова оно было написано кадетом Кокошкиным и первоначально являлось суровым обвинительным актом против Совета Рабочих Депутатов, но после троекратной переделки эта часть воззвания была очень сильно затушевана.

Воззвание заявляло, что Временное Правительство в основу государственного управления полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе.

В дальнейшем шли строки, которые, по утверждению Милюкова, были вставлены социалистами-революционерами, товарищами Керенского, вместо открытого обвинения Совета „в парализовании правительства и в содействии распаду страны".

По крайней своей темноте, запутанности и трусливой подлости строки эти действительно носят явный отпечаток „социалистической" мысли.

„К сожалению и к великой опасности свободы,—говорило воззвание,—рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя... Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем, по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения, грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину... Перед Россией встает страшный призрак междоусобной анархии и войны, несущей гибель свободе".

В заключение воззвание заявляло, что необходимо с особой настойчивостью возобновить усилия, направленные к расширению состава Временного Правительства путем „привлечения к ответственной государственной работе представителей

тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством".

Это уже было прямое обещание коалиции и зазывание социалистов из Совета на министерские посты.

Одновременно с этим министр юстиции Керенский, тот самый, который вошел во Временное Правительство первого состава вопреки постановлению Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и вопреки постановлению меньшевиков и эс-эров, счел необходимым обратиться сразу по четырем адресам—в Ц. К. партии эс-эров, в Петроградский Совет Р. и С. Д., во фракцию трудовой группы Государственной Думы и в Исполнительный комитет Государственной Думы—с заявлением, что, при изменившихся условиях, он может взять на себя бремя власти лишь по непосредственному избранию и формальному уполномочию тех организаций, к которым он принадлежит.

„Представители трудовой демократии,—торжественно заявлял Керенский,—совсем забыв о своих действиях в начале марта, могут брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранию и формальному уполномочию тех организаций, к которым они принадлежат". В ожидании решения „органов демократии", он—Керенский „будет вести до конца тяжесть фактического исполнения обязанностей".

3. „Правда" о коалиции.

„И министр Керенский и Временное Правительство,—писал т. Зиновьев в № 43 „Правды" от 28 апреля,—поставили вопрос о составлении коалиционного министерства... Коалиция означает—союз, соглашение. Коалиционное министерство означает министерство соглашения. Кого же и с кем хотят согласить теперь?.. Совершенно ясно. При данном положении вещей дело идет о том, чтобы в нынешнее министерство Гучкова, Милюкова вошли, кроме Керенского, еще, скажем, Чхеидзе, Церетелли, Чернов, т.-е. несколько из тех деятелей Совета, которые и без того проводят политику доверия к Временному Правительству и фактически являются министрами без портфеля".

„Почему,—спрашивал т. Зиновьев,—Временное Правительство хочет пополнить теперь министерство некоторыми вождями Совета Р. и С. Д.?—и отвечал:

„Чтобы поднять доверие к Временному Правительству капиталистов, нужно ввести туда парочку-другую социалистов. Пусть сидят там заложниками и покрывают своим именем грабительскую политику Гучковых—Милюковых".

„За что же стоят,—заканчивала статья,—сознательные рабочие и солдаты? Они отвергают коалиционное министерство...

Они добиваются того, чтобы Советы Р. и С. Д. сами взяли всю власть в собственные руки и сместили Временное Правительство. Дело это нелегкое, слов нет, но это единственно верный выход из нынешнего тяжелого положения... Если бы Советы Р. и С. Д. в нынешнее правительство капиталистов послали в добавление к Милюкову и К° еще несколько таких людей, как Керенский и Церетелли, от этого ничего серьезно не изменится. Это была бы только заплата на дырявом зипуне".

4. „Социалистическая демократия" и коалиция.

Однако, 1 мая 1917 г. экстренное заседание Исполнительного Комитета Советов Р. и С. Д., посвященное вопросу о правительственном кризисе, созданном событиями 20—21 апреля, закончилось так... Все народнические группы, т. е. социалисты-революционеры, народные социалисты и пр. и социал-демократы меньшевики высказались за коалиционное министерство. Против вступления в состав Временного Правительства высказалась только фракция с.-д. большевиков. Голосование дало такие результаты: 44 за коалицию, 19 против, 2 воздержалось.

Социал-демократы большевики внесли заявление, в котором указали, что спасение России может быть обеспечено лишь рядом революционных мер во внутренней и внешней политике, которые могли бы быть решительно и искренно проведены в жизнь лишь при переходе всей власти к Советам Р. и С. Д.

Исполнительный Комитет избрал особую комиссию для переговоров с правительством, в которую вошли Церетелли, Чхеидзе, Б. Богданов, Авксентьев, Пешехонов, Дан, Гоц, Войтинский, Филипповский, Станкевич и Л. Брамсон. Имена все достаточно известные нынче по своей контр-революционности и приверженности белогвардейскому делу.

Одновременно Временный комитет Государственной Думы, который еще продолжал существовать под председательством б. председателя 4-ой Государственной Думы Родзянко, также высказался за образование коалиционного министерства.

„Известия Петроградского Совета" в № 56 от 3 мая посвятили передовицу вопросу о „создании революционной власти".

„Правительство признало, — начиналась передовица,—что в своем прежнем составе, без участия представителей демократии, оно не в силах управлять, не в силах спасти страну от угрожающей гибели".

Дальше шло изображение „края гибели": „трехлетняя война истощила все силы страны. Расстройство финансов, расстройство железнодорожного сообщения, недостаток сырья

и топлива, нужда в хлебе в городах и на фронте—все это родит глухое недовольство и брожение... Идет разложение в армии. Местами идут беспорядочные захваты земли, истребление и расхищение скота и инвентаря. Растет самоуправство. Уполномоченных правительства никто не слушает, широкие народные массы не верят правительству... Правительство находится в таком незавидном состоянии, что А. И. Гучков спешит покинуть тонущий корабль и слагает с себя звание военного и морского министра. Но вместе с правительством в отчаянном положении находится и страна".

Передовица заявляла, что „революционная демократия обязана взять на себя ответственность за спасение страны".

Как взять ответственность?

„Известия" раз'ясняли: „Взять всю власть в свои руки Совет Р. и С. Д. не может. Это оттолкнуло бы от дела революции и бросило бы в об'ятия сторонников старого режима широкие круги населения, которые сейчас могут еще итти вместе с революционной демократией. У демократии и без того много врагов. Если бы она без нужды плодила себе лишних врагов, она потерпела бы крушение. Но участие во власти, посылка своих представителей во Временное Правительство стало необходимой".

„Известия" раз'ясняли далее, что вступление представителей Совета в Правительство „только тогда сыграет спасительную роль, если будет сопровождаться последовательным и решительным проведением в жизнь той программы внешней и внутренней политики, которую правительство по существу уже давно приняло, но проводило до сих пор в жизнь крайне робко и слабо... Вот почему Исполнительный Комитет поставил непременным условием вступления представителей Совета в правительство принятие последним определенной программы деятельности в области внешней и внутренней политики". (Разрядка везде наша).

Прежде чем перейти к этой программе, нельзя не упомянуть о некоторых действиях революционной демократии за две недели правительственного кризиса, которые кое о чем нам скажут.

5. Демократия перед коалицией. Против Красной Гвардии и „анархии", за русский империализм.

28 апреля произошло общегородское собрание представителей фабрик и заводов—один от тысячи—Петрограда по вопросу об окончательной организации красной гвардии.

Собрание избрало делегацию для переговоров с Исп. Ком. С. Р. и С. Д.

В № 52 „Известий“ от 28 апреля был опубликован проект организации красной гвардии.

Пункт 1 гласил: красная гвардия существует для охраны завоеваний революции и борьбы с контр-революционными попытками. В своей деятельности красная гвардия находится в тесном единении с Советом Р. и С. Д. Пункт 2-ой определял, что „членами красной гвардии состоят рабочие, рекомендуемые социалистическими партиями“. Следующие пункты касались техники и организации.

„Проект этот—писали „Известия“ в передовице того же номера—вызывает самые серьезные возражения“.

Затем шли возражения.

Во-первых,—не увлекаться примерами Великой Французской революции, когда будто бы революция делалась без армии... Здесь передовики „Известий“ намеренно постарались извратить события Великой Французской Революции, ибо тогда армия как раз переходила на сторону революционного народа.

Во-вторых, у нас „несокрушимый союз рабочих и армии“ и, стало быть, „противопоставлять жалкие берданки и револьверы красной гвардии всем чудесам военной техники современной армии было бы безумием,—и притом безумием ненужным“. Почему нельзя вооружить рабочих не берданками, а трехлинейными винтовками и пулеметами, советские „Известия“ умолчали...

В-третьих,—рассудительно заявляли „Известия“—„организация какой-то самостоятельной боевой единицы в виде красной гвардии может в этом отношении сыграть роль вредную. Она дает врагам повод внушать солдатам мысль, будто рабочие вооружаются против них“.

Помянув призрак экспроприаций 1905—6 г., „Известия“ заканчивают: „Красная гвардия в том виде, как она проектируется, является прямою угрозою единству революционных сил. Все сознательные рабочие и солдаты должны высказаться решительно против нее“.

29 апреля Временное Правительство обратилось к Исп. Комитету Совета Р. и С. Д. с просьбой о „содействии“ в связи с захватом анархистами дома герцога Лейхтенбергского и дачи Дурново.

Уже 28 апреля Исп. Комитет выпустил воззвание „о недопустимости захвата помещений, принадлежащих частным лицам, без соглашения с владельцами имущества“.

Уже в № 53 от 29 апреля „Известий“, где помещено упомянутое воззвание, помещена и передовица под знаменательным заглавием: „Анархия—гибель революции“.

„Мы—писала передовица—не исполнили бы своего долга перед революционной демократией, доверяющей нам, если бы не протестовали против ударов, наносимых делу свободы, если бы не призвали к порядку людей, которые, будь это с самыми хорошими намерениями, срывают революцию своими самочинными поступками".

29 апреля Бюро Исп. Ком. С. Р. и С. Д. постановило предложить организаторам красной гвардии не предпринимать никаких организационных выступлений и воздержаться от агитации за образование красной гвардии впредь до рассмотрения этого вопроса в Исп. Комитете.

30 апреля Совет Р. и С. Д. против голосов большевиков и анархистов принял „обращение к армии о поддержании ее боеспособности и о наступлении".

6. Тов. Ленин о действиях социалист. демократии.

„Правда", в № 47 от 3 мая, в статье т. Ленина „Печальный документ", сделала оценку этому воззванию, как означающему новый переход вождей Совета, народников и меньшевиков на сторону русской империалистической буржуазии.

„Сбивчивость мысли в этом воззвании,—писал т. Ленин,—прямо поразительная"...

„Война не нужна была трудовому народу. Не он ее начал. Затеяли цари и капиталисты всех стран"...

„Правильно. Вот это так"...

„Но как же можно"—спрашивал т. Ленин—„рядом с этой несомненной правдой говорить следующую вопиющую неправду"...

„Вы, русские солдаты, защищаете грудью не царя, не Протопоповых и Распутиных, не богачей-помещиков и капиталистов"...

„Подчеркнутые нами слова"—писал т. Ленин—„явная, вопиющая неправда. Ибо если война не нужна трудовому народу, если войну эту затеяли не только цари, но и капиталисты всех стран (как признало воззвание Совета с полнейшей определенностью), то очевидно, что пока любой из народов в этой войне терпит у себя правительство капиталистов, он защищает именно капиталистов".

„Допустим,—продолжал т. Ленин,—что воззвание Совета зовет германских рабочих и крестьян к восстанию не только против Вильгельма, но и против германских капиталистов. Тогда мы отвечаем: правильный, верный призыв. Сочувствуем вполне. Но только, любезные граждане, Чернов, Чхеидзе, Церетелли, справедливо ли это, разумно ли это, достойно ли это:

звать немцев к восстанию против капиталистов, а самим поддерживать правительство капиталистов у себя дома... Не получается ли тройной неправды, когда вы во имя русской революции, давшей власть русским капиталистам-империалистам, требуете от немцев революции против капиталистов и империалистов".

„Чернов, Чхеидзе, Церетелли—заканчивал т. Ленин,—окончательно скатились к защите русского империализма. Это печальный факт, но факт".

Примерно, в это же время Исп. Комитет Совета Р. и С. Д. выпустил „Обращение к социалистам всех стран".

„Временное Правительство революционной России усвоило платформу мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов"—заявляло „Обращение"...

„Слов против империализма,—написал по поводу „Обращения" т. Ленин („Правда" № 47)—наговорено бездна, но все эти слова сведены на нет одной" (приведена нами выше) „маленькой фразой... Эта фраза есть защита русского империализма, есть его прикрытие и прикрашивание... Воззвание Исп. Комитета приносит величайший вред делу революции и делу пролетариата, ибо говорит прикрытую самыми добренькими словами неправду об аннексиях. Во-первых, воззвание не отличает отказа от аннексий на словах (в этом смысле все без исключения капиталистические правительства мира „усвоили" себе платформу мира без аннексий) от отказа от аннексий на деле (в этом смысле ни одно капиталистическое правительство в мире не отказалось от аннексий). Во-вторых, воззвание прикрашивает несправедливо, неосновательно, вопреки истине—русское Временное Правительство капиталистов, тогда как оно ничуть не лучше (и, вероятно, не хуже) других капиталистических правительств".

С такими-то действиями „революционная", „социалистическая" демократия подходила к новому этапу революции—к созданию коалиционного правительства.

Правда, решение пойти на коалицию было принято не очень легко.

Первое заседание Исп. Комитета 29 апреля большинством 23 против 22, при 8 воздержавшихся, высказалось против участия в правительстве.

По авторитетному свидетельству Милюкова, который на этот раз, пожалуй, пишет правду, „наиболее влиятельные руководители Совета, вместе с И. Г. Церетелли, вовсе не были склонны нести ответственность за пользование правительственной властью в такую ответственную и трудную минуту.

Лишь после известия об отставке Гучкова, заявившего: „В том угаре, который нас охватил, мы зашли за ту роковую черту, за которой начинается не созидание, не сплочение, не

укрепление военной мощи, а постепенное разрушение"; лишь после заявления Керенского о том, что он официально „подает в отставку", если не будет изменено положение в смысле необходимости создания коалиции, — Исп. Комитет пересмотрел свое решение о невступлении в правительство и голосованием, уже приведенным нами выше, постановил участвовать в коалиционном правительстве.

7. „Условия" заключения коалиции.

В № 59 от 6 мая „Известия" опубликовали: „на каких условиях наши товарищи вступили в правительство", ибо, как заявили „Известия", „демократия должна знать, как создалось новое Временное Правительство и как была выработана программа его деятельности".

Условия Исп. Комитета сводились к следующему: 1) деятельная внешняя политика, открыто ставящая своею целью скорейшее достижение мира на началах самоопределения народов, без аннексий и контрибуций, и, в частности, подготовка к переговорам с союзниками, в целях пересмотра соглашений на основе декларации Временного Правительства от 27 марта.

Так как „Известия" одновременно привели и проект декларации Временного Правительства обновленного состава, то мы приведем соответствующий пункт проекта правительственной декларации: „1) Во внешней политике Временное Правительство, отвергая в полном согласии со всем народом сепаратный мир, открыто ставит своей целью скорейшее достижение мира всеобщего, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий,— мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что, с падением в России царского режима и утверждением демократических начал, во внутренней и внешней политике для союзных демократий создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное Правительство предпринимает подготовительные шаги к соглашению с союзными правительствами на основе декларации Временного Правительства 27 марта".

Пункт 2 условий Исп. Комитета гласил следующее: „Демократизация армии, организация и укрепление боевой силы ее и способности к оборонительным и наступательным действиям для предотвращения возможного поражения России и ее союзников, что не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы и сделало бы невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе".

Пункт 2-ой правительственной декларации в своем проекте излагал это так: „В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное Правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всею силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и и наступательных действиях будут являться важнейшей задачей Временного Правительства".

Пункт 3-й условий Исп. Комитета касался „борьбы с хозяйственной разрухой путем установления контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов и организации производства в необходимых случаях". Пункт 4-й был краток: „Всесторонняя защита труда".

Соответствующие пункты проекта декларации Временного Правительства были следующие.

Пункт 3-й — „Врем. Прав. будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегать и к организации производства".

Пункт 4-й—„Мероприятия по всесторонней защите труда получат дальнейшее энергичное развитие".

Пункт 5-й условий Исп. Комитета касался земельного вопроса: „Аграрная политика,—регулирующая землепользование в интересах народного хозяйства и подготовляющая переход земли в руки трудящихся".

В проекте правительства это было выражено так: „предоставляя Учредительному Собранию решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительную работу, Временное Правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы урегулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения".

Пункт 6-й условий Исп. Комитета намечал: „переустройство финансовой системы на демократических началах в целях переложения финансовых тягот на имущие классы (обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог и т. п.)".

Проект правительства говорил следующее: „Стремясь к последовательному переустройству финансовой системы на демократических началах, Временное Правительство обратит

особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог и т. п.)".

Пункт 7-й условий Совета требовал введения и укрепления демократического самоуправления и пункт 8-й—скорейшего созыва Учредительного Собрания в Петрограде.

Соответствующие пункты проекта правительственной декларации были таковы: 7-й—„работы по введению и укреплению демократических органов самоуправления будут продолжены со всей возможной настойчивостью и спешностью"; пункт 8-й,—„равным образом Временное Правительство приложит все усилия к скорейшему созыву Учредительного Собрания в Петрограде".

Условия Исп. Комитета заканчивались таким заявлением:

„Принимая на себя изложенное обязательство, представители демократии, вступивши в правительство, впредь до создания Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, признают себя ответственными пред Петроградским Советом Р. и С. Д. и обязуются отдавать ему отчет о всех своих действиях. Пребывание представителей Совета в составе правительства возможно лишь при энергичном проведении в жизнь вышеуказанной программы, и потому самое присутствие во Временном Правительстве обусловливает новому правительству полное доверие революционной демократии и всю полноту власти, столь необходимой для закрепления завоеваний революции и дальнейшего ее развития".

Со своей стороны декларация Временного Правительства заявляла:

„Ставя своей целью решительное проведение в жизнь вышеуказанной программы, Временное Правительство категорически заявляет, что его плодотворная работа возможна лишь при условии полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа и возможности осуществлять на деле всю полноту власти, столь необходимую для закрепления завоеваний революции и дальнейшего ее развития. Обращаясь ко всем гражданам с решительным и настойчивым призывом к сохранению единства власти, осуществляемой Временным Правительством, последнее заявляет, что для спасения родины оно примет самые энергичные меры против всяких контр-революционных попыток и против анархических, неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контр-революции" (Разрядка наша).

Все вышеописанное привело передовика „Известий" в совершенное умиление, и он написал: „Сопоставляя текст декларации обновленного Временного Правительства с платформой

Исп. Комитета, мы должны признать, что отныне Временное Правительство стоит целиком на почве требований демократии как во внешней, так и во внутренней политике. Присутствие в составе правительства испытанных вождей демократии дает нам уверенность, что отныне Временное Правительство будет неуклонно и твердо без всяких колебаний итти по возвещенному им пути".

Напомнив особенно „товарищам и гражданам" последний пункт декларации правительства о его готовности к решительным мерам против всех контр-революционных попыток и анархических действий, дезорганизующих страну, „что вполне соответствует стремлениям и требованиям Совета Р. и С. Д. и в чем правительству обеспечена деятельная поддержка всей демократии",—„Известия" заканчивали: „мы призываем товарищей солдат и рабочих и всех граждан к поддержке правительства".

Таким образом, отныне „правительство целиком стояло на почве требований демократии"—так засвидетельствовала главная газета „социалистической демократии".

Мы посмотрим, как проводились требования демократии и обновленного Временного Правительства на протяжении от 5 мая и до 3 июля 1917 г., т.-е. до дня, когда рабоче-солдатские массы Петрограда вышли снова на улицу против „обновленного правительства".

Но предварительно надлежит остановиться на самих требованиях демократии, каковые выработали „испытанные демократические вожди на предмет соглашения с буржуазией", или, как выражается Милюков в своей „Истории", на предмет „защиты социалистами буржуазной революции от социалистической".

8. Каковы были на деле желания буржуазии. „Условия" кадетов.

„Первоначальной задачей декларации,—пишет Милюков,—было договориться, наконец, до конца и все сказать так ясно, чтобы не было места дальнейшим недоразумениям и скрытым конфликтам. Но на первом же шагу оказывалось, что ясная и определенная постановка задач для коалиционного правительства невозможна и что коалиция есть действительно компромисс, заранее парализующий власть изнутри, как до сих пор ее парализовало давление извне".

Чтобы понять, что такое „ясная и определенная постановка задачи", надо остановиться на заявлении Ц. К. Партии Народной Свободы—кадетов, крупнейшей партии буржуазии, возглавлявшей контр-революцию и сыгравшей потом такую роль

в борьбе с Советской властью. Ц. К. кадетов 6 мая 1917 г. выставил следующие требования:

1) Всецело одобряя стойкую защиту П. Н. Милюковым в международных интересах России, Ц. К. к.-д. заявил, что внешняя политика должна быть основана на тесном и неразрывном единении с союзниками, направленном к соблюдению обязательств и к ограждению прав достоинства и жизненных интересов России.

2) В области внутренней политики должно быть упрочение авторитета и укрепление власти правительства, а все организации и группы должны отказаться от присвоения себе прав распоряжений, отменяющих, либо изменяющих акты Временного Правительства и вторгающихся в область законодательства или управления.

3) Единство власти правительства должно быть обеспечено его силою. С элементами, ставящими себе прямой целью разрушение всякого порядка и посягательство на чужие права, нельзя ограничиться увещаниями, а необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся перед применением всех находящихся в распоряжении государства мер принуждения.

4) Меры борьбы против дезорганизации армии и решительные меры противодействия попытками подорвать в ней дисциплину и боевую мощь.

5) Ни в социальных, ни в национальных, ни в конституционных вопросах Временное Правительство не должно предвосхищать Учредительного Собрания. Вопросы эти следующие:—установление основных начал государственного строя,—республика или парламентская монархия; создание новых форм политического устройства—единое государство или федерация; удовлетворение справедливых требований национальностей,—автономия или федерация; разрешение коренных проблем экономического бытия, земельная собственность, отношение капитала и труда. Впредь до созыва Учредительного Собрания правительство могло проводить только неотложные мероприятия с целью „установления разумной и целесообразной экономической и финансовой политики, подготовки к земельной реформе, направленной к передаче земли трудовому земледельческому населению, охране интересов трудящихся масс, развитию местного самоуправления, правильного устройства и надлежащего функционирования суда и удовлетворения других разнообразных потребностей государственного управления".

6) Партия к.-д. поручала своим членам в коалиционном правительстве осуществлять такую программу и в таких пределах, а в противном случае оставляла за собой право отозвать своих членов из состава правительства.

Такова была программа буржуазной контр-революции. Надобно иметь в виду, что по условиям времени она была еще сдобрена кое-где либеральной фразой.

9. Вождь буржуазии о коалиции, коалиционном правительстве и о демократии.

Применительно к правительственной декларации по пункту 1-му, т.-е. о внешней политике, Милюков об'ясняет, почему кадеты в конце концов согласились на него.

„Вместо определенного советского заявления, — пишет Милюков, — о подготовке и переговорах с союзниками, в целях пересмотра соглашения, декларация обещала лишь предпринять подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основах декларации 28 марта. Эта уклончивость в главном вопросе соответствовала интересам России... Таким образом, выдавалась Советом лишь личность Милюкова, а не его политика. Этим удовлетворялось и требование Гос. Думы и партии Народной Свободы о сохранении единства фронта с союзниками".

Однако, „главная цель—создание нового правительства, сильного ясностью и единодушием своих стремлений—не только не была достигнута, но, наоборот, была молчаливо признана недостижимой".

Относительно „социальных" пунктов декларации Милюков очень справедливо замечает, что „декларация сделала эластичные" (т.-е. понимай их, как хочешь) „советские формулы еще более неопределенными, введя в них необходимые оговорки. В области контроля над промышленностью и производством декларация обещала лишь дальнейшее планомерное проведение мер, уже применявшихся раньше, и тем самым лишила свое заявление характера принципиальной перемены. В области финансовых вопросов правительство лишь обещало „обратить особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов". А в аграрном вопросе декларация и по существу разошлась с требованиями совета, обещав лишь принять все необходимые меры для одной вполне конкретной задачи— „обеспечения наибольшей производительности хлеба для нуждающейся в нем страны".—Что касается „вопроса о переходе земли в руки трудящихся", новое правительство, в согласии с тем, чем ограничивалось и старое, хотело лишь „выполнить для этого подготовительные работы, предоставляя Учредительному Собранию решение самого вопроса".

Так отзывался о декларации нового правительства виднейший и умнейший вождь буржуазии.

А о самом правительстве коалиции касаясь буржуазной его части, он заявлял: „Два правых министра (В. Н. Львов и Годнев) часто поддерживали социалистов, но даже в тех случаях, когда они примыкали к группе четырех не-социалистов и вотировали шесть против шести, решающее значение имели Терещенко и Некрасов, линия которых клонилась влево и увлекала туда же министра-председателя. Это было хоть и буржуазное правительство, но такое, которое действительно вполне заслуживало полного „доверия и поддержки“ умеренных социалистических групп, к которым принадлежало большинство в Совете Р. и С. Д. Беда была лишь в том, что, чем эта поддержка становилась тверже и основательней, тем более само большинство Совета теряло поддержку в массах и таяло... Постоянные компромиссы с очередными криками дня привели, наконец, если не к потере основной тактической линии, то к полной потере понимания этой линии и доверия к ней в тех рабочих и солдатских массах, на которые опирались советы“.

10. Тов. Ленин о „коалиции“.

6 мая 1917 г. в № 50 „Правды“ т. Ленин, в статье „Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала“, писал:

„Именно так поставлен вопрос историей, и притом не историей вообще, а экономической и политической историей России сегодня. Народники и меньшевики, Чернов и Церетелли, перенесли контактную комиссию из соседней комнаты (с той, где заседали министры) в самую министерскую комнату. Таково и только таково чисто-политическое значение события: новое министерство. Его экономическое или классовое значение: в лучшем случае верхушки крестьянской буржуазии, с 1906 г. возглавляемой Пешехоновым, и мелкобуржуазные вожди меньшевистских рабочих обещали капиталистам свое классовое сотрудничество“.

„Допустим — писал т. Ленин, — что этот лучший случай есть факт. Даже и при таком допущении не может быть и тени сомнения в том, что обещавшие не в состоянии выполнить своих обещаний... Кризис так глубок, так широко разветвлен, так всемирно велик, так тесно связан с капиталом, что классовая борьба против капитала неизбежно должна принять форму политического господства пролетариата и полупролетариев. Иначе выхода нет“.

„Вы хотите, — говорил т. Ленин, — революционного энтузиазма в войске, граждане Чернов и Церетелли. Вы не смо-

жете создать его, ибо революционный энтузиазм масс рождается не от смены вождей в министерствах, не от пышных слов в декларациях, не от обещаний сделать шаги к пересмотру договора с английскими капиталистами,—а только от всех и каждому видных повседневных, повсеместных фактов революционной политики п р о т и в всевластия капитала, против извлечения им прибыли от войны, — политики, на деле улучшающей радикально условия жизни для массы бедных"...

„Вы хотите наступления, граждане Чернов и Церетелли. Вы не можете побудить армию к наступлению, ибо насилие н а д народом сейчас невозможно. А без насилия над народом он пойдет на наступательную войну лишь в великих интересах великой революции против капитала всех стран и притом революции—не обещанной только, не провозглашенной только, а уже осуществляемой на деле, уже проводимой в жизнь для всех и каждого наглядно, для всех и каждого ощутительно"...

„Вы хотите организации снабжения, граждане Пешехоновы и Скобелевы, снабжения крестьян—продуктами, войска—хлебом и мясом, промышленности—сырьем и т. д. Вы хотите контроля за производством, частью даже организации его"...

„Вы не сможете дать это без революционного энтузиазма пролетарских и полупролетарских масс, рождаемого лишь революционными мерами против привилегий и прибылей капитала. Без этого обещанный вами контроль останется мертвой чиновничье-капиталистической полумерой".

И товарищ Ленин заканчивал, что опыт классового сотрудничества с капиталом, проводимый Черновым и Церетелли, уроки его „тем полезнее будут для народа, когда он,—а это будет, по всей видимости, скоро,—убедится в несостоятельности, в безнадежности такого сотрудничества".

11. Состав Первого и Второго (коалиционного) правительств.

Министры:	Первое Правительство.	Второе, коалиционное.
1) Председатель	кн. Г. Е. Львов.	Он же.
2) Внутр. Дел	Он же.	Он же.
3) Воен. и Морск.	А. И. Гучков.	А. Ф. Керенский, соц.
4) Иностр. Дел	П. Н. Милюков.	М. И. Терещенко.
5) Пут. Сообщ.	Н. В. Некрасов.	Он же.
6) Земледелия	А. И. Шингарев.	В. М. Чернов, соц.
7) Почт и Тел.	—	И. Г. Церетелли, соц.
8) Труда	—	М. И. Скобелев, соц.
9) Продовольствия	—	А. В. Пешехонов, соц.
10) Юстиции.	А. Ф. Керенский.	П. Н. Переверзев, соц.

Министры:	Первое Правительство.	Второе, коалиционное.
11) Торг. и Пром.	А. И. Коновалов.	А. И. Коновалов.
12) Финансов.	М. И. Терещенко.	А. И. Шингарев.
13) Нар. Просв.	А. Мануйлов.	А. Мануйлов.
14) Гос. Призр.	—	кн. Д. И. Шаховской.
15) Об.-Прок. Син.	В. Н. Львов.	Он же.
16) Гос. Контроля	И. В. Годнев.	Он же.

Таким образом, на 15 членов коалиционного министерства и 16 министерств, 6—Керенский (эс-эр), Чернов (эс-эр), Пешехонов (нар. соц.), Переверзев (нар. соц.), Церетелли (меньш.) и Скобелев (меньш.),—принадлежали к социалистическим партиям кои Милюков окрестил „умеренными социалистами“.

Министры-социалисты являлись ответственными, до создания Всероссийского Советского органа, перед Петроградским Советом, что, между прочим, дало повод вождю эс-эров Чернову заявить, что „Совет Р. и С. Д. будет в сущности решать государственные дела, а министры только исполнять“.

Из 9 министров не-социалистов (десять министерств),—сообщает Милюков,—только „небольшая группа трех министров к-д., не считая Некрасова, держалась вместе с А. И. Коновалловым дружно“. Как пошла работа правительства коалиции до краха этого правительства, который последовал 2 июля, т.-е. спустя 57 дней после образования коалиции, мы сейчас проследим.

12. Первые шаги по „борьбе с разрухой“ и „организация производства“.

Рассмотрение деятельности коалиционного правительства мы начнем с тех сторон его, которые Милюков назвал „социальными“, и в первую голову рассмотрим, как правительство „боролось с хозяйственной разрухой страны“, одновременно решая и вопросы производства и вопросы труда.

5 мая 1917 г., по соглашению Совета Р. и С. Д. с Союзом инженеров и по полномочию Временного Правительства, был образован в Петрограде, в составе представителей: 1) Исп. Комитета Совета Р. и С. Д., 2) Врем. Ком. Гос. Думы., 3) Всеросс. Союза Земств, 4) Всеросс. Союза Городов, 5) Петроградск. Городск. Общ. Управл., 6) Союза инженеров, 7) Совета офицерских депутат., 8) Совета с'ездов предст. пром. и торг., 9) Петроградск. общ. заводч. и фабрикантов, 10) Центр. военно-пром. комит., 11) Союза земств и городов, 12) Комитета военно-техн. помощи, 13) Вольно-экономического общества,—из всех этих многочисленных организаций был организован Центральный Комитет по восстановлению и поддержа-

нию нормального хода работ в промышленных предприятиях.

По этому поводу т. Ленин, в № 51 „Правды“ от 7 мая 1917 г., в статье „Идут наперерез“, написал следующее...

„Центральный Комитет,—читаем в об'явлении,—ставит своими главнейшими задачами разработку и согласование всех мероприятий по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях и организацию над всеми промышленными предприятиями постоянного деятельного общественного контроля“.—Последние два слова подчеркнуты в об'явлении. Они напоминают сенатские и прочие чиновничьи комиссии доброго старого царистского времени... Так было, так будет,—хочется сказать, когда читаешь высокопарное об'явление о новом центральном Комитете. Г.г. капиталисты пошли наперерез. В рабочих кругах растет сознание необходимости пролетарского контроля за фабриками и синдикатами. И гениальным воротилам делового мира из министерских и около-министерских кругов пришла гениальная мысль: пойдем наперерез. Потянем в хвосте за собою советы Р. и С. Д... Этого не трудно достигнуть, пока в нем главенствуют народники и меньшевики. Устроим „общественный“ контроль: это будет выглядеть так важно, так государственно мудро, так министериабельно, так солидно. И это похоронит всякий контроль на деле и всякий пролетарский контроль так верно, так бесшумно.

Касаясь же состава Комитета (мы видели, какие почтенные учреждения заполонили его), тов. Ленин говорил: „Если кто полагает, что демократия требует посылки от 200.000 рабочих двадцати представителей, от 10.000 инженеров, капиталистов и проч.—одного представителя, то это было бы, разумеется, „анархическим“ заблуждением“.

„Ну, а если,—спрашивал тов. Ленин,—один и тот же крупный банк или один и тот же синдикат капиталистов будет раз пять или раз десять представлен среди этих десяти или двенадцати учреждений (центрального комитета) через своих акционеров?—О, не надо придираться к „частностям“, когда суть дела в том, чтобы обеспечить „постоянный деятельный, общественный контроль!“

8 мая министр торговли и промышленности, крупнейший в России фабрикант и заводчик Коновалов, уже отправил на имя председателя министерства кн. Львова письмо „о самоуправных действиях многочисленных Исполнительных Комитотов на местах“.

Дело в том, что кое-где Исполнительные комитеты Советов обнаружили склонность вторгаться „в сферу компетенции заводчиков“ касательно вопросов рабочего дня, заработной платы, капиталистического саботажа, контроля над производством

и т. д. и т. п.,—что, конечно, заводчик Коновалов одобрить ни в какой мере не мог.

Того же числа конференция промышл. Южн. России заявила протест против требования конференции Раб. и Солд. Деп. повысить зараб. плату на 50%.

11 мая Временное Правительство уже заседает с представителями промышленности по поводу „непомерных требований", пред'являемых рабочими, а 12 мая совещаются три министра—Коновалов, Терещенко и Скобелев „об урегулировании взаимоотношений между трудом и капиталом".

15 мая Временное Правительство поручает министрам Коновалову и Скобелеву составить от Временного Правительства обращение к рабочим „по поводу чрезмерных требований рабочих об увеличении заработной платы".

16 мая открывается Всероссийский с'езд военно-промышленных комитетов, на котором происходит резкое столкновение между представителями промышленности—Гучковым, Коноваловым, Бубликовым и др.—и представителями рабочих.

10 мая представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности во главе с Н. Н. Кутлером делали коалиционному правительству „обстоятельный доклад о положении промышленности". По этому докладу выходило, что в Донецком районе 18 металлургических предприятий владеют основным капиталом в 195 миллионов руб., имеют валовую прибыль за последний год 75 миллионов и дивиденд 18 миллионов. Рабочие же требуют увеличения заработной платы—на 240 миллионов в год более существовавшей до тех пор. Промышленники соглашаются увеличить плату на 64 миллиона, но рабочие не хотят и слышать об этом. Они не соглашаются и на предлагаемую владельцами уступку всей прибыли. Они говорят: пусть предприятие перейдет к государству. Но ведь и государство,—заявляла коалиционному правительству промышленная делегация,—не может оплачивать рабочих в ущерб дальнейшему существованию предприятия!

По этому докладу выходило, что южные промышленники суть люди почти что ангельского чина и готовы отдать рабочим всю прибыль.

Однако, 16 мая в Исп. Комитет Совета Р. и С. Д. явилась делегация рабочих Донецкого бассейна, которая доложила о стремлении владельцев предприятий к сокращению производства, о расхищении сырья и продуктов, об отказе предпринимателей в снабжении рабочих продовольствием и т. д., что угрожает фактической остановкой производства.

В № 63 „Известий" от 11 мая была напечатана резолюция Экономического Отдела Исп. Комитета Совета Р. и С. Д., в которой говорилось следующее:

„Для многих отраслей промышленности назрело время для торговой государственной монополии (хлеб, мясо, соль, кожа), для других—условия созрели для образования регулируемых государством трестов (добыча угля и нефти, производство металлов, сахара, бумаги) и, наконец, почти для всех отраслей промышленности современные условия требуют регулирующего участия государства в распределении сырья и вырабатываемых продуктов, а также фиксации цен... Одновременно с этим следует поставить под контроль государственно-общественной власти все кредитные учреждения для борьбы со спекуляцией товарами, подчиненными государственному регулированию... Вместе с тем следует... принять самые решительные меры для борьбы с тунеядством, вплоть до введения трудовой повинности. Страна уже в катастрофе, и вывести из нее может лишь творческое усилие всего народа во главе с государственной властью, сознательно возложившей на себя грандиозную задачу спасения разрушенной войною и царским режимом страны".

Приведя эти строки, т. Ленин в передовице от 14 мая в № 57 „Правды" писал: „Кроме последней фразы со слов подчеркнутых нами, — фразы, с чисто мещанской доверчивостью возложившей на капиталистов задачи, коих они решить не могут,—кроме этого программа великолепна. И контроль, и огосударствление трестов, и борьба со спекуляцией, и трудовая повинность... Помилуйте, да чем же это отличается от „ужасного большевизма!"...

„Вот в этом-то и гвоздь", — говорил далее т. Ленин — „вот в этом-то и суть, вот этого-то и не хотят упорно понять мещане и филистеры всех цветов: программу „ужасного" большевизма приходится признать, ибо вне этой программы выхода из действительно грозящего, действительно ужасного краха быть не может!... Но... но капиталисты „признают" эту программу для того, чтобы не исполнять ее. А народники и меньшевики „доверяют" капиталистам и учат народ этому губительному доверию. В этом вся суть всего политического положения".

В №№ 58 и 59 „Правды" т. Ленин поместил две статьи под общим заглавием: „Неминуемая катастрофа и безмерные обещания".

Тов. Ленин прежде всего излагает программу меньшевика Скобелева, которая в министерской газете „Речь" была передана так:

„Министр (Скобелев) заявляет, что... государственное хозяйство на краю пропасти. Необходимо вмешательство в хозяйственную жизнь во всех ее областях, так как в казначействе нет денег. Нужно улучшить положение трудящихся масс, и для этого необходимо забрать прибыль из касс предпринима-

телей и банков" (голос с места: каким способом?)—„Безпощадным обложением имуществ—отвечает министр труда Скобелев.—Финансовая наука знает этот способ. Нужно увеличить ставки обложением имущих классов до 100% прибыли (голос с места: это значит—все). К сожалению,—заявляет Скобелев—разные акционерные предприятия уже роздали акционерам дивиденд, но мы должны поэтому обложить имущие классы прогрессивным индивидуальным налогом. Мы еще дальше пойдем, и если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов, чтобы клиентов не упускать... Мы должны ввести трудовую повинность для г.г. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать... Мы должны заставить г.г. акционеров подчиниться государству, и для них должна быть повинность".

„Программа сама по себе,—писал т. Ленин,—не только великолепна и совпадает с большевистской, но в одном пункте идет дальше нашей,—именно в том пункте, что обещает забрать прибыль из кассы банков в размере 100% прибыли. Наша партия—гораздо скромнее. Она требует в своей резолюции меньшего, именно: только установления контроля за банками и постепенного перехода к более справедливому прогресивному обложению доходов и имущества. Наша партия умереннее Скобелева".

„Но,—говорил т. Ленин,—не только выполнить программу Скобелева, но даже сделать вообще сколько-нибудь серьезные шаги к ее осуществлению нельзя ни под ручку с десятью министрами из партии помещиков и капиталистов, ни тем бюрократическим, чиновничьим аппаратом, которым правительство капиталистов (с придатком меньшевиков и народников) вынуждено ограничиться. Поменьше обещаний, гр. Скобелев, побольше деловитости!".

Во второй статье т. Ленин остановился на фразе Скобелева: „если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов, чтобы клиентов не упускать".

„Это, — писал т. Ленин, — на деле — попытка, вероятно, бессознательная со стороны Скобелева и, наверное, сознательная со стороны капиталистов, отстоять всевластие капитала, пожертвовав на короткое время прибылью. Рабочие берут слишком много — разсуждают капиталисты — мы возложим на них ответственность, не давая им ни власти, ни возможности распоряжаться на деле всем производством. Пусть мы, капиталисты, на время окажемся без прибылей,—но, „сохраняя буржуазный способ ведения хозяйства, не упуская клиентов, мы ускорим крах этого промежуточного состояния промы-

шленности, мы будем расстраивать его всячески, сваливая вину на рабочих".

„Для капиталистов, — заканчивал т. Ленин, — и для чиновников выгодно давать безмерные обещания, отвлекая внимание народа от главного, именно от перехода действительного контроля в руки действительно рабочих. Рабочие должны отметать прочь фразерство, обещания, декларации, прожектерство чиновников в центре, готовых засесть за сочинение эффектнейших планов, положений, уставов, нормировок. Долой все это лганье! Долой эту шумиху бюрократического и буржуазного прожектерства, провалившегося всюду с треском! Долой эту манеру класть дело под сукно! Рабочие должны требовать немедленного осуществления контроля на деле и при том обязательно через самих рабочих".

13. Начало „кризиса власти" и отставка Коновалова.

Министр торговли и промышленности Временного Правительства Коновалов, по утверждению Милюкова, «скептически относился к той форме общественного контроля и к тому способу урегулирования промышленного производства, который намечало в своей декларации правительство. По мнению Коновалова, насаждение демократических органов при нынешних условиях русской действительности сведется к тому, что в большинстве промышленных предприятий окажутся люди, экономически неопытные, и вместо улучшения получится дезорганизация».

17 мая на с'езде военно-промышленных комитетов в Москве Коновалов произнес большую речь...

„Бросаемые в рабочую среду лозунги — заявил он — возбуждают темные инстинкты толпы, несут за собою разрушение, анархию и разгром общественной и государственной жизни... Одни требования беспрерывно сменяются другими... Формы пред'явления этих требований принимают все более нетерпимый и недопустимый характер... Если руководящим элементом Совета Р. и С. Д. не удастся овладеть движением и направить его в русло закономерной классовой борьбы, то мы будем свидетелями приостановки десятков и сотен предприятий. Государство не может взять на себя обязательства предоставить рабочему классу исключительно привилегированное положение за счет всего населения".

18 мая Коновалов подал в отставку и заявления своего обратно не взял.

Таким образом, в коалиции появилась первая трещина,—спустя две недели после образования коалиции!

По этому поводу в № 72 „Известий“ от 21 мая 1917 г. было написано:

„Представители крупной буржуазии один за другим дезертируют из Временного Правительства... А. И. Коновалов ссылается на развал и разложение русской промышленности, обвиняет в этом развале безудержную классовую борьбу, которую ведет теперь рабочий класс. О безудержной борьбе со стороны капиталистов Коновалов почему-то умалчивает или говорит очень глухо“...

„Известия“ очень правильно говорили: „требовательность рабочих совершенно бледнеет по сравнению с требовательностью г.г. капиталистов, и если требовательность рабочих лишь иногда может показаться чрезмерной, то требовательность капиталистов, избалованных скандальными барышами и правительственными подачками за последние годы, и даже—увы—за последние месяцы, оказывается чрезмерной почти всегда“.

Но после этих верных строк мы читаем: «от А. И. Коновалова, казалось, можно было ждать, что он сумеет возвыситься над классовыми интересами крупной буржуазии и обретет в себе ту железную волю, которая необходима, чтобы заставить крупную буржуазию принести временно свои интересы в жертву стране“.

С какой стати Коновалов должен был поступаться классовыми интересами, понять было дано только эс-эро-меньшевистскому соглашательскому уму, а вывод для себя „революционная демократия“ делала такой: „уход А. И. Гучкова показал, что во главе военного ведомства должен быть поставлен революционный демократ, беззаветно преданный делу революции и бестрепетной рукой проводящий в жизнь ее веления“ (поставили, как известно, Керенского, и об этом „демократе“ мы потолкуем особо). „Уход А. И. Коновалова показывает, что во главе министерства торговли и промышленности должен быть поставлен человек, абсолютно свободный от всяких связей с организациями капиталистов и рукой бестрепетной способный заставить представителей крупного капитала на деле, а не на словах, притти на помощь разоренной стране“ (после Коновалова оказался кадет Степанов!).

„Снова кризис власти“,—писал т. Зиновьев в передовице от 21 мая, в № 63 „Правды“.—„Обреченное на смерть умирает быстро... Коновалов остался бы на посту только в том случае, если бы Временное Правительство „стало на путь“ восстановления нарушенной дисциплины и проявило энергию в борьбе с непомерными требованиями крайних социалистов. Возьмите за горло рабочих и зловредных большевиков, тогда

мы согласны остаться, так говорит класс капиталистов устами Коновалова... Коновалов—не случайное лицо... Он один из лучших представителей капиталистов. В нынешнем кабинете он одна из центральных фигур. Вопрос поставлен серьезный. Газета „Речь“ говорит открыто о начинающемся новом кризисе власти“.

14. Действия правительства, прибыли капиталистов и рабочий класс.

Чтобы увидеть, как пошли дела в области промышленности и труда после ухода Коновалова, достаточно остановиться хотя бы на таких фактах, как требование 15 июня министра путей сообщения Некрасова отменить 8-часовой рабочий день, введенный Николаевской дорогой; как то, что 22 июня Всероссийской конференции профессиональных союзов пришлось принимать резолюцию о немедленном издании декрета об осуществлении 8-часового рабочего дня во всех областях наемного труда, ибо Временное Правительство не удосужилось еще издать такой закон; как то, что, когда 6 июня забастовали рабочие Николаевской жел. дор. с требованием повышения заработной платы,—Временное Правительство заявило о недопустимости таких способов борьбы и указало, что они „не могут иметь никакого влияния на решения Временного Правительства“.

26 июня министр труда Скобелев, тот самый, который обещался взять все 100% прибыли у капиталистов, опубликовал воззвание к рабочим России.

В этом воззвании об'являлось об открытии действий Главного Экономического Комитета и указывалось на недопустимость захвата фабрик и заводов рабочими, насилий над служащими и директорами и вмешательства в техническое управление предприятиями.

Как в то время производилось техническое управление на фабриках и заводах и почему рабочим приходилось „вмешиваться“, станет ясным из постановления Экономического Отдела Исп. Комитета Петроградского Совета Р. и С. Д., помещенного в „Известиях“, от 26 июня 1917 г.

Экономический Отдел Исп. Комитета постановил довести до сведения Временного Правительства, что металлическая промышленность московского района находится в остро-критическом состоянии, что заводоуправление Гужона явно дезорганизует производство, сознательно ведет к остановке предприятия, что московскому заводскому совещанию и временному бюро комитета московского района уже пришлось воспрепятствовать приостановке паровозостроительного Коло-

менского завода, а также и заводов Сормовского и Брянского в Бежецке.

Какие прибыли в то время получали капиталисты, видно из цифр, опубликованных в „Правде“ и в ряде статей тов. Ленина, при чем цифры эти брались на основании официальных документов и отчетов обществ.

Вот Сормовское Акционерное общество. Выдача дивиденда за 1916 г. достигла $17^1/_2{}^0/_0$.

„Но это не значит,—писал т. Ленин — что сормовские акционеры получали только эти $17^1/_2{}^0/_0$... Только четверть чистого дохода пошла в дивиденд. Остальное распределено по разным рубрикам баланса, чтобы замаскировать действительную прибыль. Так, почти половина всей чистой прибыли 4.837.000 руб. списана в погашение имущества. Затем идут другие ухищрения: скрыты настоящие барыши. Происходят разные отчисления, сверхпрограммные списывания лишь затем, чтобы не пришлось выдавать слишком скандальных дивидендов, хотя в $17^1/_2{}^0/_0$ прибыль достаточно скандальная“ („Правда“ № 91, „Капиталисты за работой“).

В статье „Почему нужен контроль над производством“ т. Ленин приводил пример Общества Коломенского машиностроительного завода, согласно валовому отчету, напечатанному в кадетской газете „Речь“.

„На основной капитал в 15 миллионов рубл. с облигационным капиталом,—т.-е. взятым взаймы у других капиталистов и банкиров—в 482.500 руб.—общая прибыль за год равна 7.482.832 руб. 35 коп., т.-е. около $50^0/_0$. Это означает, что, не ударяя палец о палец, каждый рубль приносил капиталистам доход—50 коп. в год“.

Таковы были доходы капиталистов и такая цена была их воплем по поводу „крайне тяжелого“ положения промышленности и непомерных требований рабочих. Никакие обращения к буржуазии о том, чтобы она на деле помогла разоренному отечеству, никакие грозные слова Скобелевых ни к чему не приводили. Капиталисты, не желая поступиться никакой долей своей прибыли, сознательно прекращали производство, сознательно дезорганизовали его.

„Катастрофа не ждет“,—писал т. Ленин в № 95 „Правды“, от 30 июня 1917 г.—„она надвигается с ужасающей быстротой... Правительство, поддержанное эс-эрами и меньшевиками, прямо тормозит борьбу с разрухой... Пальчинский, товарищ министра торговли, фактически коллега Церетелли и Чернова, по жалобе промышленников запретил „самочинные“ контрольные комиссии—в ответ на анкету Донецкого комитета о количестве металлов. Подумайте только, что это за дом сумасшедших получается: страна гибнет, народ накануне голода и краха, угля и железа не хватает, хотя добыть их можно. Донецкий

комитет через Советы Р. и С. Д. производит анкету о количестве металла, т.-е. разыскивает железо для народа. А слуга промышленников, слуга капиталистов, министр Пальчинский в товариществе с Церетелли и Черновым запрещает анкету. И кризис продолжает расти, катастрофа надвигается все ближе... Гужоны и проч. капиталисты при содействии Пальчинских сознательно (это слово принадлежит Экономическому Отделу Исп. Ком. Петрогр. Сов. Р. и С. Д.) ведут к остановке предприятий. Правительство на их стороне. Церетелли и Черновы—простое украшение или простые пешки. Не пора ли понять все же, господа, что партии эс-эров и меньшевиков, как партии, ответят перед народом за катастрофу".

Народ—и в первую голову революционные рабочие Петрограда—стал уже разбираться, с кем он имеет дело в лице Временного Правительства и „революционной демократии".

30 мая 1917 г. в Петербурге собралась первая конференция заводских комитетов г. Петрограда.

На ней большинством $^2/_3$ голосов—290 из 421 была принята резолюция, предложенная и защищавшаяся т. Зиновьевым.

Смысл этой резолюции был такой: ни бюрократическим путем, т.-е. созданием учреждений с преобладанием капиталистов и чиновников, ни при условии охраны прибылей капиталистов, их всевластия в производстве, их господства над финансовым капиталом, их коммерческой тайны по отношению к их банковым, торговым и промышленным делам—спасения от катастрофы найти нельзя.

Для действительно рабочего контроля над производством и распределением продуктов, необходимо: 1) во всех решающих учреждениях обеспечить большинство за рабочими не менее $^2/_3$ всех голосов, при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно-образованного персонала; 2) фабричные и заводские комитеты, а равно профессиональные союзы должны получить право участвовать в контроле, с открытием для них всех торговых и банковых книг и с обязательством сообщать им все данные, при чем рабочий контроль должен быть продолжен также и на все финансовые и банковые операции с выяснением всего финансового положения дела, с участием немедленно организуемых Советов и С'ездов банковских, синдикатских и прочих служащих.

Планомерное же и успешное проведение всех указанных мер—заканчивала резолюция—возможно лишь при переходе всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

За резолюцию меньшевиков голосовало всего 42 чел.

Авангард революционного народа—питерский пролетариат—определенно становился под знамена большевизма. Ничего хо-

рошего Временному Правительству „революционной демократии“ ждать от него не приходилось.

Каковы же были действия Временного Правительства по отношению к крестьянству сел и к крестьянству в серых шинелях, т.-е. к армии?

15. Земельный вопрос. Чего хотели помещики и что делало правительство.

В основном вопросе для крестьян: должна ли земля быть передана трудящемуся народу или остаться попрежнему предметом частной собственности, купли и продажи—о решительной и последовательной линии Временного Правительства можно судить хотя бы по следующим фактам.

17 мая министр юстиции Переверзев отдал распоряжение старшим нотариусам о приостановке сделок на землю впредь до распоряжения.

26 мая министр юстиции Переверзев отменил запрещение сделок на землю, т.-е. земля была Временным Правительством официально признана частной собственностью, каковая могла продаваться и покупаться.

7 июня министр Переверзев телеграфно раз'яснил, что „воспрещение актов на землю не распространяется на установление и переход залоговых прав, а должно применяться лишь к случаям перехода права собственности на сельско-хозяйственные земли и притом, кроме земель, приобретаемых горнозаводскими предприятиями для разработки недр и для других надобностей этих предприятий“.

23 июня товарищ министра юстиции Демьянов телеграфно сообщил на места, что „циркулярное распоряжение о земельных сделках отменяется. Все земельные сделки подлежат совершению и утверждению на точном основании действующих законов“.

Все это чрезвычайно соответствовало желаниям контр-революции, ибо 28 июня частное совещание членов Гос. Думы заслушало речь б. председателя 4-ой Думы, затем председателя Временного Комитета Гос. Думы и богатейшего помещика, М. Родзянки, против запрещения сделок купли-продажи земли.

За день перед этим, т.-е. 27 июня, Временный Комитет Гос. Думы, ставший чем-то вроде организующего центра контр-революции, постановил обратиться к Временному Правительству с указанием на необходимость решительными мерами прекратить нарастающую сельско-хозяйственную разруху, выражающуюся в том, что „крестьяне в ложном убеждении своих прав на частновладельческие и казенные земли, внушенном преступными элементами, пред'являют непомерные

требования об увеличении арендных и посевных площадей, сопровождаемые зачастую самовольными захватами, запрещают рубку и вывоз леса, останавливают деятельность сельско-хозяйственных заводов, снимают рабочих и т. п.".

Еще 20 мая совещание членов Гос. Думы (должно отметить, что Гос. Дума 4-го созыва и Временный Комитет Гос. Думы, созданный в дни февральской революции на предмет организации Временного Правительства, продолжали существовать на-ряду с Временным Правительством и Советом Рабочих Депутатов, являясь по сути дела контр-революционными центрами) вынесло специальную резолюцию по аграрному вопросу, в которой призывало сельское население „воздержаться впредь до Учредительного Собрания от насильственных действий"; но уже 19 мая Главный Земельный Комитет вынес решение „организовать местные земельные комитеты в целях борьбы с аграрными беспорядками и захватом земель крестьянами". Правда, тот же Земельный Комитет в своей декларации от 20 мая упомянул, что „в основу будущей земской реформы должна быть положена мысль о переходе всех земель, имеющих сельско-хозяйственное значение, в пользование трудового земледельческого населения".

Таким образом в декларативной форме вопрос о земле в сущности откладывался до Учредительного Собрания, а текущие меры правительства сводились лишь к тому, чего собственно и требовал от Временного Правительства Всероссийский с'езд земельных собственников, открывший свои заседания в Москве 1 июля 1917 г., а именно: немедленно обеспечить землевладельцам спокойное пользование и распоряжение принадлежащими им земельными имуществами, а также повсеместно восстановить органы правосудия и улучшить состав и деятельность милиции.

Лишь к 1-му июля социалистический министр Чернов добрался еще только до законопроекта о запрещении сделок купли-продажи земли!..

16. „Революционная демократия" и большевики о земельном вопросе.

Чтобы понять, как относилась к делу „социалистическая демократия" достаточно остановиться на заседании 1 Всероссийского С'езда Советов от 23 июня, на котором с докладом от имени аграрной секции С'езда выступил министр земледелия, он же вождь партии эс-эров, В. Чернов.

Чернов указал, что в настоящий момент решение аграрного вопроса вышло из стадии теоретической подготовки и перешло

в стадию реализации и соответственно этому нуждается в конкретной разработке. Важно поэтому, чтобы социалистические партии, об'единенные в Совете, нашли некоторую общую платформу в решении аграрного вопроса... Чернов и огласил эту „общую платформу" в виде следующей резолюции:

„Принимая во внимание, что вопрос о великом земельном переустройстве России вышел из стадии предварительного, чисто теоретического, дебатирования и вступил в стадию непосредственной реализации и необходимой для этого разработки;

что не только окончательное разрешение вопроса в Учредительном Собрании, но и все подготовительные работы в местных земельных комитетах, неизбежно попадают в руки самого трудового земледельческого населения;

что воля этого трудового населения недвусмысленно выражена местными Советами крестьянских депутатов и Всероссийским С'ездом этих Советов;

что предстоящее решение земельного вопроса настоятельно требует возможно большего единения всей рабочей демократии, города и деревни, фронта и тыла,—

Всероссийский С'езд Советов Р. и С. Деп. высказывается за радикальную ломку всего старого аграрного строя и проведения в жизнь об'единенными силами всех рабочих и социалистических организаций страны — нового аграрного кодекса, в основу которого должны быть положены следующие начала:

1) Земля с ее недрами, водами и лесами должна быть из'ята из товарного обращения.

2) Верховное право распоряжения ими должно принадлежать всему народу через демократические органы своего самоуправления от волостных земств и кончая центральной народной властью.

3) Пользование землей должно быть обеспечено за трудовым и земледельческим населением, при условиях, гарантирующих рост производительных сил и развития кооперативного и общественного хозяйства.

4) Права пользователей, как индивидуальных, так и коллективных, должны быть гарантированы специальными юридическими нормами на началах общегражданского равенства.

5) Местные нормы, срок и условия пользования вырабатываются и периодически пересматриваются ближайшими к народу органами самоуправления под контролем высших.

6) Передача участков одними пользователями другим, равно как порядок вознаграждения за неиспользованные улучшения и т. п. регулируются специальными выборными органами.

7) Характер переходных мер, необходимых в местностях с наиболее запутанными поземельными отношениями, равно

как срок и действие этих переходных мер, определяются специальными законоположениями, предварительно разработанными на местах.

Чтобы сравнить, как ставили вопрос о земле большевики, мы приведем резолюцию по аграрному вопросу уже упоминавшейся нами Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. большевиков, заседавшей с 24 по 29 апреля 1917 г., т.-е. как раз в дни кризиса первого Временного Правительства.

Резолюция в своей практической части выставляла 9 определенных требований:

1) Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России, а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.

2) Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы Крестьянских Депутатов, или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3) Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве: означенная передача права собственности на все земли в руки государства, национализация, передает право распределения землей в руки местных демократических учреждений.

4) Партия должна решительно бороться как против Временного Правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам „добровольное соглашение с помещиками“, т.-е. на деле помещичий характер реформы, и грозит крестьянам карами за „самоуправство“, т.-е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, — так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков с.-д., советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного Собрания.

5) Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

6) Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т.-е. с одной стороны—при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны—при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху местном самоуправлении.

7) Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной самостоятельной организации сельско-хозяйствен-

ного пролетариата как в виде Советов Депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых Советов Депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах Крестьянских Депутатов во всех органах местного и общегородского управления и т. д., и т. д.

8) Партия должна поддержать почин тех Крестьянских Комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий, живой и мертвый, инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулированного использования всех земель,

9) Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добились образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами Депутатов от сельско-хозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

Если мы сравним две эти резолюции, то будет понятно, почему тов. Муранов, предлагавший от фракции большевиков на С'езде большевистскую резолюцию, заявил, что в общем большевики согласны с теми тезисами, которые имеются в резолюции Чернова, но принципиально возражают против принятия в данном вопросе полумер. Аграрный вопрос должен быть разрешен коренным образом, и поэтому необходимо сейчас же провозгласить конфискацию помещичьих земель и утвердить принцип уничтожения частной собственности на землю.

17. Как обманули крестьян рассуждения С. Маслова и действия „демократии".

Хорошим дополнением к эс-эровской резолюции будут рассуждения социалиста-революционера С. Маслова, впоследствии сменившего Чернова в министерстве Керенского в качестве министра земледелия. Рассуждений этого господина коснулся т. Ленин в статье о „Самочинном захвате земли", напечатанной в № 62 „Правды" от 20 мая 1917 г.:

„В № 10 „Известий" от 19 мая напечатан доклад С. Маслова, с рассуждением о „земельных захватах". „В некоторых местностях,—сказал С. Маслов,—крестьянство стремится осуществить свое право на землю самочинным захватом соседних помещичьих земель. Возникает вопрос, насколько это целесообразно. С. Маслов считает это нецелесообразным и приводит четыре довода. Рассмотрим их внимательно:

„Довод первый. Земельные запасы распределены в России по областям и губерниям неравномерно. Указывая на этот

бесспорный факт, С. Маслов говорит: „Не трудно представить себе осложнения для правильного решения земельного вопроса, если каждая губерния или область будет претендовать только на свои земли и захватывать их для себя. Не трудно предвидеть, если отдельные селения крестьян будут захватывать земли соседних помещиков, оставляя других крестьян без земли". Рассуждения эти явным, вопиющим образом отступают от истины. Рассуждение побивает тех, кто выдумал бы советовать крестьянам захватывать, и притом неорганизованно захватывать, земли в собственность. Захватил, поделил и баста".

„Но речь идет не об этом, и С. Маслов сам выдал себя, упомянув главное и существенное: захват помещичьих земель. Вот в чем суть. Вот в чем гвоздь. Вот вокруг какого вопроса ходит С. Маслов кругом да около. Помещичьи земли должны быть тотчас конфискованы, т.-е. собственность на них отменена тотчас и притом без выкупа. А как быть с владением этими землями? Кто должен сразу завладеть ими, засеят их? Местные крестьяне и притом организованно, т.-е. по решению большинства. Вот совет нашей партии. Владение помещичьими землями отдать сразу местным крестьянам, собственность оставить у народа. Окончательное право владения установит Учредительное Собрание (или Всероссийский Совет Советов, если народ сделает его Учредительным Собранием). При чем же тут неравномерность запасов земли в разных областях? Ясно, не при чем. Эта неравномерность все равно остается до Учр. Собрания—при всех планах: и при плане помещиков, и при плане С. Маслова, и при плане нашем. С. Маслов только отвел внимание крестьян в сторону от дела. Он заслонил суть дела пустыми словами, не относящимися к делу. Эта суть дела—вопрос о помещичьих землях. Помещики хотят их сохранить. Мы хотим их сразу передать крестьянам без выкупа, без всякой платы. Маслов хочет оттяжки посредством „примирительных камер".

„Второй довод С. Маслова:

„К захватам стремятся крестьяне в надежде на то, что если они успеют что-либо запахать, то все это останется за ними. На это способны только те крестьянские дворы, которые имеют в достаточном количестве работников и лошадей. Семьи безлошадные, семьи, отпустившие большую часть рабочей силы в армию, не в состоянии будут использовать захватный способ для обеспечения землей. Ясно, поэтому, что он может быть выгодным для более сильных и даже более земельных, но не для тех, кто более нуждается в земле".

„Этот довод,—писал т. Ленин,—опять вопиющая неправда. Опят от сути дела, от вопроса о помещичьих землях, С. Маслов отводит внимание крестьян в сторону. Ибо, если крестьяне

будут брать помещичьи земли не „по захвату“ (т.-е. бесплатно, как мы предлагаем), а в аренду, т.-е. за плату (как предлагают помещики и С. Маслов), то разве дело изменится? Разве для запашки арендуемых у помещиков земель не нужны лошади и работники? Разве семьи, отпустившие работников в армию, могут арендовать землю наравне с многосемейными? Вся разница по данному пункту между нашей партией, большевиками, и Масловым—та, что он предлагает брать землю у помещиков за плату и после „примирительного“ соглашения, а мы—брать сразу и бесплатно. Вопрос о богатых среди крестьян здесь не при чем. Даже более того: бесплатно брать выгоднее для бедных. За плату брать легче для богатых“.

„Третий довод:

„Первое время, в первые дни революции, когда в армии среди солдат разнеслась молва, что будто бы там, на родине, происходит раздел земли, многие из опасения остаться отделенными, стали рваться домой, усиливая дезертирство“.

„Этот довод—отвечал т. Ленин—относится к немедленному разделу земель в собственность. Никто этого не предлагал. Опять мимо стреляет С. Маслов“.

„Четвертый довод:

„Наконец, земельные захваты угрожают просто сокращением посевов. Известны случаи, когда, захватывая помещичьи земли, крестьяне засевают их плохо, малым количеством семян или оставляют свои земли не засеянными. Теперь, когда наша страна так нуждается в продовольствии—такое положение решительно недопустимо“.

„Ну, это уж совсем плохой довод, — заключал возражения т. Ленин — довод, над которым люди только хохотать будут. Выходит, что, если за плату брать помещичьи земли, то их лучше будут обрабатывать. Не срамите себя, любезный гражданин С. Маслов, такими доводами. Если крестьяне плохо засевают поля, надо помочь крестьянам, и притом именно беднейшим, переходом к общей обработке крупных хозяйств. Иного средства помочь беднейшим нет. И именно этого средства не предлагает, к сожалению, С. Маслов...“

В другой своей статье: „Как и почему крестьян обманули“, помещенной в № 96 „Правды“ от 1 июля 1917 г., т. Ленин дал замечательную сжатую сводку того, как пустые обещания эс-эров и меньшевиков на деле приводят лишь к постоянному обману крестьян и как на деле Россией правит союз к.-д. с монархистами помещиками, имеющими, по вине эс-эров и меньшевиков, большинство в правительстве. Вот главные выдержки из упомянутой статьи т. Ленина.

„Известно,—писал т. Ленин,—что когда крестьянские депутаты всей России с'ехались в Петроград на Всероссийский С'езд Кр. Деп., крестьянам обещали — обещали социалисты-

революционеры, обещало правительство — немедленно запретить куплю-продажу земель. Министр Переверзев сначала было действительно хотел выполнить обещание и телеграммой приостановил сделки по купле-продаже земли. Но, затем, чья-то невидимая рука вмешалась в дело, и министр Переверзев взял назад свою телеграмму нотариусам...

Крестьяне обеспокоились. Если мы не ошибаемся, они послали даже, кажется, особую делегацию в министерство. Крестьян успокоили, крестьян уговорили, как уговаривают малых детей. Их уверили, что немедленно будет издан закон, запрещающий куплю-продажу земли, что «т о л ь к о» в целях издания такого закона временное распоряжение Переверзева было «отложено». Социалисты-революционеры успокоили крестьян, накормили их обещаниями. Крестьяне поверили. Крестьяне успокоились. Крестьяне раз'ехались. Проходили неделя за неделей. 24 июня (только 24 июня!) появляется в газетах известие, что министр Чернов, вождь партии социал-революционеров, внес в правительство законопроект (только еще законопроект!) о запрещении сделок купли-продажи земли. 29 июня газеты опубликовали сообщение о «частном совещании» Г. Думы, состоявшемся 28 июня. В этом совещании г. Родзянко, по сообщению газеты «Речь» (газеты, принадлежащей той партии, которая имеет большинство во Вр. Правительстве):

«В заключительном слове остановился на вопросе о сделках с землею в связи с новыми» (о, да, чрезвычайно новыми, в высшей степени новыми!) «мероприятиями правительства. Он доказывает, что если сделки на землю будут воспрещены, то земля потеряет ценность» (для кого? для помещиков, очевидно... Но, ведь, от помещиков-то крестьяне и хотят отсбрать землю), «будет обесценено обеспечение кредита, и землевладельцам» (бывшим землевладельцам, г. Родзянко), «будет закрыт всякий кредит... Из каких же средств, спрашивает М. Родзянко, землевладение будет уплачивать свои долги банкам? В большинстве случаев сроки уж пропущены, и такой законопроект приведет к немедленной ликвидации земельной собственности... Вот когда невидимая рука показалась на свет божий! Вот она, хитрая механика коалиционного правительства с почти социалистическими министрами, разоблаченная проболтавшимся бывшим председателем бывшей Гос. Думы!.. Факт остается непререкаемым и безусловным фактом: крестьян обманули, не исполнив немедленно того, что им на Всероссийском Совете Кр. Депутатов обещали исполнить немедленно»...

«Почему, спрашивал т. Ленин—обманули крестьян?»

«Потому что орудия обмана, социалисты-революционеры—берем лучшее для них предположение—сами не понимали хитрой механики классового господства и классовой поли-

тики в современном управлении Россией... На деле правит Россией блок двух блоков, союз двух союзов. Один блок есть блок кадетов с монархистами помещиками, от них же первый есть г. Родзянко... Этот блок имеет большинство в правительстве по вине эс-эров и меньшевиков. Этот блок оттягивал запрещение сделок, купли-продажи земель, этот блок поддерживает помещиков, капиталистов-локаутчиков. Другой блок есть блок эс-эров и меньшевиков, обманувший народ пустыми обещаниями. Скобелев и Церетелли, Пешехонов и Чернов обещаний надавали тьму. Обещания давать легко. Прием социалистических министров кормить народ обещаниями испытан во всех передовых странах мира и везде привел к краху. Особенность России состоит в том, что этот крах партии эс-эров и меньшевиков будет острее, и наступит скорее обычного вследствие революционного положения страны».

Крах этот стоял не за горами.

Земельная политика коалиционного правительства по сути дела лишь продолжала политику буржуазного Временного Правительства первого состава. Среди крестьянства она начинала находить свою справедливую оценку. Правда, крестьянство шло к этому неизмеримо медленнее, чем рабочий класс. Однако, крестьянство в серых шинелях, т. е. армия все более проникалась недоверием и ко второму правительству.

Здесь к вопросу земли присоединился главенствовавший тогда над всем вопрос войны и мира, ибо от этого вопроса, от того, какую линию вело в нем второе Временное Правительство, вытекала и вся его политика по отношению к армии.

18. Армия, „демократия“ и вопросы войны и мира.

П. Н. Милюков, касаясь всвоей «Истории внешней политики Коалиционного Правительства и действий сменившего Милюкова министра иностранных дел Терещенко, говорит следующее:

«При его управлении союзные дипломаты знали, что «демократическая» терминология его депеш является невольной уступкой требований момента, и относились к ней снисходительно, пока рассчитывали, что уступками по форме они выиграют по существу. Но наступали, наконец, такие моменты, когда это молчаливое согласие правительства с Советом Р. и С. Д., с одной стороны, а с другой стороны, с союзной дипломатией упиралось в границы, перейти которую было нельзя. И тогда должно было вскрыться для Советов, что политика И. М. Терещенко была в сущности лишь продол-

жением политики П. Н. Милюкова, а для союзников, что все принесенные ими жертвы не увеличили способности русской революции к реальной поддержке союзного дела» (Курсив наш).

Чего хотели «союзники» от России?

Французский министр Рибо очень ясно сказал об этом во французской палате депутатов 9 мая 1917 г. Он заявил, что Франция не может отказаться от Эльзас-Лотарингии и возмещения причиненного ущерба, что мира можно добиться только путем продолжения войны... «Пусть,—воскликнул г. Рибо,—реорганизованная русская армия докажет мощным наступлением, что она понимает обращенный к ней призыв».

19 и 24 мая Рибо выразился еще определеннее: вопрос о мире не может быть делом партийным, а должен быть делом правительства... Вредно и опасно внушать стране мысль, что мир уже близок—мысль, которая может быть вызвана всякого рода совещаниями... Мир может быть достигнут только путем победы. При этом Рибо недвусмысленно намекнул, что «соблазнительные формулы мира» возникли не в Петрограде, а «ввезены извне и происхождение их слишком ясно». Иными словами г. Рибо заговорил уже о «германском влиянии».

27 мая Временное Правительство опубликовало английскую и американскую, а 28—французскую ноты, которые являлись ответом на Декларацию Временного Правительства, были получены еще 11—13 мая и задержаны Терещенко, ибо последний надеялся добиться в этих нотах изменений.

Французская нота прямо заявляла о том, что не сомневается, что провозглашенные меры, имеющие целью улучшить условия, при которых русский народ намерен продолжать войну до победы над врагом... позволят ему... принять деятельное участие в совместной борьбе союзников.

Английская нота, гораздо более осторожная, в общем и целом говорила то же самое.

Американская нота президента Вильсона, который мужами II Интернационала был возведен в чин потомственного и почетного творца и созидателя «истинного демократического мира», еще яснее заявила о необходимости борьбы до победного конца, прикрыв все это, как водится, весьма длинными рассуждениями о том, что «борьба будет вестись для установления братства человечества, каковое не должно быть долее красивой, но пустой фразою».

Таким образом, «демократические» союзники ясно требовали от русской революции войны до победного конца и наступления во что бы то ни стало.

Г. Рибо об этом выразился достаточно ясно.

Задачей союзнической «демократической» печати являлось оклеветать всех тех, кто шел против этой политики.

И уже очень рано, еще 3 апреля, в бульварной французской газетке «Пти-Паризьен» было написано ни много ни мало как следующее: «Действия провокаторов и немецких агентов, которые везде и повсюду проповедуют самые крайние меры, требуют немедленного раздела земель, побуждают рабочих выставлять неисполнимые требования и ведут пропаганду против войны... В этом отношении их поддерживает единственная газета крайних левых «Правда»; установлено, что эта газета получила деньги из немецкого источника».

«Правда», поместив это сообщение в № 45 от 30 апреля, написала следующее: «Рабочим и солдатам не вредно знать правду об этой газете очень распространенной среди французского мещанства. Эту гнусную клевету преподносит та самая газета, которая состояла и состоит на содержании пушечного завода Шнейдер и некоторых банков. Неподкупность французской печати этого сорта была доказана в 1912 г. Тогда было выяснено, что газеты французские и немецкие всякий раз поднимали крик о внешней опасности и необходимости новых расходов на армию и флот, когда замечалась заминка в делах немецкого Круппа или французского Шнейдера».

Мы приведем только один этот образчик заграничной клеветы, ибо их было бесчисленное множество; по своей подлости и глупости друг от друга они мало отличались и росли по мере того, как союзники все сильнее и сильнее толкали революционную демократию на наступление.

Итак, чтобы не рвать с союзниками, надо было наступать, ибо Милюков совершенно справедливо пишет, что после союзнических нот «новый курс внешней политики потерпел таким образом очевидное для всех фиаско».

Могли ли пойти на разрыв с союзниками эс-эры и меньшевики, могли ли они понять, что никакими фразами о „мире без аннексий и контрибуций"—„демократических" союзников не проймешь?

Меньшевистская газета—„Рабочая газета" 28 мая задала себе вопрос о разрыве.

Удостоверив, что на такой почве (ответные ноты правительств Англии, Франции и Америки) „никакого соглашения между нами и ими быть не может", газета спросила—но, в таком случае, послать ультимативную ноту и, в случае неудовлетворительного ответа, рвать с союзниками?—и ответила: „нет, конечно нет. Должна быть сделана попытка пересмотра" (прежнего соглашения между союзниками) „путем

специально созванной конференции представителей союзных правительств".

3 июня и была опубликована министром иностранных дел Терещенко новая нота, которой предлагалось созвать для этой цели (пересмотр соглашения, касающийся конечных задач войны) конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться „в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия" (Курсив наш).

„Европейская дипломатия",—говорит Милюков,—„могла без особого труда примириться с новой русской фразеологией... Непримиримая идеология совета и оппортунизм М. И. Терещенко легко нашли примирение в уклончивой фразе, отлагавшей пересмотр договора „ад календас грекас" (т. е. по-русски: на время совершенно неопределенное).

Милюков снова был прав в этом вопросе, ибо „благоприятных условий" и „сознания" таковых можно было ожидать сколько угодно времени, а совсем не рассчитывать на „ближайшее время".

Если не рвать—значит надо было готовить наступление. Если наступать, если готовить наступление—необходимо поднимать боеспособность армии. Если поднимать боеспособность армии,—то надо вести по отношению к армии определенную политику. Какую же политику вела революционная демократия?

19. Братание и наступление.

„В газете „Новая жизнь" от 5 мая—писал т. Ленин („Правда", № 52 от 9 мая) — напечатаны беседы с министрами нового правительства. Министр-председатель Львов заявил—„страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой". Вот суть программы нового правительства. Наступление, наступление наступление. И защищая эту империалистскую программу, за которой пошли теперь Чернов и Церетелли, министр Львов в тонах величайшего нравственного возмущения громил установившееся на фронте фактическое перемирие"...

„Что же дурного, — спрашивал т. Ленин, в фактическом перемирии?.."

„Солдаты истерзаны и измучены до последней степени... Что дурного в том, что бойня приостановилась?.. Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это возражение явно неосновательное... Если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капиталистами, то как, откуда, каким чудом может прийти такой мир? Далее. Почему

фактическое перемирие на одном фронте грозит сепаратным миром на этом фронте, а не грозит распространением фактического перемирия на все фронты?.. Братание на одном фронте может и должно быть переходом к братанию на всех фронтах. Фактическое перемирие на одном фронте может и должно быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах".

„Две программы,—говорил т. Ленин,—стоят перед русским народом. Одна программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетелли. Это—программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивания бойни. Другая—программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Эта программа: развить братание (не позволяя немцам обманывать русских) — брататься обменом воззваний—распространить и братание и фактическое перемирие на все фронты—всячески помочь такому распространению—ускорить этим рост рабочей революции во всех странах—облегчить этим хоть временную передышку солдатам всех воюющих стран—ускорить переход власти в России в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—ускорить этим заключение действительно справедливого, действительно всеобщего мира в интересах трудящихся, а не в интересах капиталистов".

В другой статье „Значение братания", в № 43 „Правды", т. Ленин писал—„сознательные рабочие, а за ними по верному инстинкту угнетенных классов и масса полупролетариев, масса беднейших крестьян, относится к братанию с самым глубоким сочувствием. Ясно, что братание есть путь к миру. Ясно, что этот путь идет не через капиталистические правительства, не в союзе с ними, а против них. Ясно, что этот путь развивает, укрепляет, упрочивает братское доверие между рабочими различных стран. Ясно, что этот путь начинает ломать проклятую дисциплину казармы-тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат своим офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большею частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы). Ясно, что братание есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции".

„Пара слов",—заканчивал т. Ленин—„об одном из слуг капитала Плеханове. Жалко смотреть, до чего опустился этот бывший социалист. Он сопоставляет братание с изменой. Он рассуждает: разве не поведет братание при его удаче к сепаратному миру? Нет, господин бывший социалист, братание, которое мы поддерживаем на всех фронтах, ведет не к сепаратному миру между капиталистами нескольких стран, а к

всеобщему миру между революционными рабочими всех стран, вопреки капиталистам всех стран, против капиталистов для свержения их ига".

Братание равно измене, — заявил основатель Р. С.-Д. Р. П., Г. В. Плеханов, скатившийся до прямой защиты капиталистов. Примерно таким же образом по отношению к братанию рассуждала и „революционная демократия", рассуждали меньшевики и эс-эры.

Уже 30 апремя 1917 г. „Известия" в № 54, касаясь резолюции конференции большевиков в ее месте о братании, написали следующее:

„Мы считаем необходимым обратить внимание товарищей на эту резолюцию и предупредить их, что в этой резолюции кроется опасность для дела защиты революции на фронте. К нам ежедневно поступают с фронта телеграммы и резолюции о братании. И повсюду товарищи отмечают, что братание в окопах—дело опасное, темное. Под видом братания иной раз производится разведка. Нередко также на братания выходят агенты немецкого штаба, переодетые офицеры. Мы знаем, что наряду с этим братание питается и добрыми чувствами,—стремлением солдат к миру. Мы решительно протестуем против попыток командного состава бороться против братания угрозами и картечью. Но мы считаем, что не на братании должны быть построены наши надежды на близкое прекращение войны, на близкое торжество всемирной революции".

„Люди, заявляющие о своей готовности поддерживать братание—делали вывод „Известия"—берут на себя большую ответственность за возможные последствия этой тактики. Против этих последствий мы предупреждаем т. т. солдат, так как за эти последствия им придется платить дорогою ценой—своими головами, своею кровью".

10 мая 1917 г. военный и морской министр коалиционного правительства Керенский заявил в Гельсингфорсе в своей речи:

„Мы открыто сказали, что не хотим захватов, насилия, не хотим чужого достояния, мы хотим скорейшего мира. Но те, кому мы говорили это—германцы—могли понять только одно: что мы не способны силой отстоять свои права. И они начали братание на нашем фронте, а в то же время свои лучшие войска послали на французский фронт и уничтожают эту первую демократию Европы. Кроме того, после братания на нашем фронте, у них оказались фотографии наших позиций и батарей, которые были так распланированы, что сверху их увидеть было нельзя".

Насколько доверия заслуживает эта речь, может служить упоминание о „первой демократии Европы"—Франции. Нынче эту подлинную демократию знает всякий, а с 1917 года она

не изменилась ничем. Но Керенский также беззаботно лгал о демократии, как лгали о сущности братания.

Нет никаких сомнений, и были единичные факты, подтверждавшие это, что немецкие генералы и командный состав были не прочь использовать и братание, и русскую революцию в своих целях. Немецкие генералы и государственные люди при тогдашнем до нельзя тяжелом положении Германии, несмотря на все „победы", бросались на все.

Но смысл братания ни чуть не искажался отдельными фактами злоупотреблений со стороны командных составов обеих сторон.

Смысл братания немцы оценили лишь позднее, когда им пришлось иметь дело с „разложившимися" на русском фронте полками и дивизиями.

Братание было великим революционным бродилом в солдатской массе, когда угнетенные подавали друг другу руки через голову своих начальников, братание выплыло потом в гражданскую войну в известных событиях с французским флотом на Черном море, и в 1923 г. лозунг братания снова бросался уже в другой стране и в другой обстановке—в самой Германии.

Этот лозунг одинаково выдвигался и выдвигается германскими и немецкими коммунистами по отношению к германским рабочим и оккупационным французским войскам в Руре. Против этого лозунга, конечно, выступают снова социал-демократы всех мастей.

20. Могла ли армия наступать?

Для «революционной демократии» России перед наступлением на фронте 18 июня 1917 г., перед «революционной демократией», которой англо-французская биржа приказывала наступать во чтобы то ни стало и воевать до победного конца,— перед этой «демократией» стояли совсем другие задачи по отношению к армии, международной революции, пролетариату, чем перед партией пролетариата Р.С.-Д.Р.П. большевиков.

«Демократии» надо было во что бы то ни стало погнать армию в наступление.

Каково же было состояние самой армии?

Вот его изображение в № 68 «Известий» в статье «Наступление или готовность к наступлению».

... «Босые и нагие люди, лишенные хлеба, сидящие на голодном пайке, болеющие цынгой, не только не могут наступать, но и жить не могут. Значит, прежде всего, нужно позаботиться о том, чтобы армия была снабжена всем необходимым... Не может наступать армия, в которой нет полного

доверия между солдатом и офицером... Не может наступать армия, третий год выдерживающая удары врага, в которой все измучены духовно и физически... Не может наступать революционная армия, если каждый солдат в ее рядах не имеет твердой уверенности в том, что подвиг и жертва его служат действительно делу свободы, а не обогащению хищников международного капитала».

Так писали эс-эры и меньшевики, и—слова эти сами по себе очень великолепны!

Но дело-то в том, что в то время как говорились такие слова,—14 мая на Совещании делегатов фронта, в Таврическом дворце, помощник Керенского,—товарищ военного министра полковник Якубович,—говорил следующее: «наши союзники изнемогают, истекая кровью, и молят нас о помощи, которую мы можем оказать лишь мощным наступлением, ударом на нашем фронте. Союзники определенно говорят: «без вашей помощи мы не удержимся, мы будем разбиты и должны будем заключить сепаратный мир с Германией, а тогда пусть Россия делает, что знает». Для военного министерства ясно, что единственным выходом из положения может быть только наступление. Для наступления у нас все готово, кроме духа».

Это напечатано в тех же «Известиях», только в № 67, а в № 68 безмятежная газета изобразила, как у нас «все готово» в смысле хлеба, цынги и армии, армии, которая не только не может воевать, «но не может и жить».

Правда, и «Известия» заявляли о необходимости подготовлять наступление, но для этого, как мы видим из самой статьи в «Известиях», дело стояло за малым: надо было солдат—1) накормить, 2) обуть, 3) одеть, 4) поселить у солдат доверие к офицерству, 5) дать солдату уверенность, что он дерется за дело свободы, а не обогащает хищников капитала, и 6) надо было, стало быть, переродить всю армию, «третий год выдерживающую удары врага, в которой все измучены духовно и физически».

Ни одного из этих пунктов не могла выполнить «революционная демократия»...

Не могло быть доверия у солдат, когда на всех своих постах оставался прежний командный состав и ген. Алексеев, после своих открытых контр-революционных выступлений, не потерпел не только никакого наказания, а, наоборот, являлся начальником штаба. В IX-ой армии сидел Деникин, на Румынском фронте Щербачев, потом шли Корниловы, Эрдели, весь махровый цвет контр-революционного генералитета, который потом пошел во главе белогвардейского наступления против рабочих и крестьян...

Не могли солдаты доверять офицерству, если Съезд Офицерских Депутатов оказался настолько контр-революционным,

что даже эс-эры и меньшевики постановили отозвать оттуда представителей Советов Раб. и Солд. Деп.

Не могли солдаты доверять и всем попыткам эс-эров и меньшевиков насадить в армии демократию, не могли доверять никакой «Декларации прав солдата».

21. „Декларация прав солдата".—Демократизм на словах и контр-революция на деле.

Не говоря уже о всем соглашательском характере этой «Декларации прав солдата», опубликованной Врем. Правительством 11 мая 1917 года, декларации, подробно разобранной т. Зиновьевым в № 58 «Правды» от 16 мая 1917 г., где в сущности выборным войсковым комитетам давалось лишь право внутреннего самоуправления, а управление армии фактически оставалось в руках контр-революционного командного состава, солдаты видели не «декларацию», а факты...

И они видели, напр., что пресловутый адмирал Колчак, вопреки воле солдатской массы, оставляется на своем служебном посту и опекается министром Керенским; они видели, как один за другим расформировываются революционные полки.

«Контр-революция,—писал т. Ленин в статье «Переход контр-революции в наступление» («Правда» № 68, от 28 мая 1917 г.) собралась с силами настолько, что переходит в наступление. При помощи министров из народников и меньшевиков, капиталисты организуют наступление на свободу... Постановление расформировать 45, 46 и 52 полки XII и XIII дивизии, постановление предать суду «подстрекателей»,—затем рядом с этим известие об аресте прапорщика Круссера за речь на митинге в Скулянах,—наконец, неслыханно грубый тон Временного Правительства по отношению к Кронштадту,—все ясно вместе взятое, освещенное бенгальским огнем злорадствующей защитницы контр-революционных капиталистов «Речи» («правительство, наконец, заговорило языком власти»),—все это показывает ясно, что «контр-революция наступает».

Если вы, — спрашивал т. Ленин, — сообщаете народу, г.г. правители, о расформировании полков, если вы находите это полезным, если вы пропускаете телеграммы об этом, то почему бы не сообщить точно и ясно, хотя бы в нескольких строчках, о мотивах неповиновения тех, кого вы предаете суду»...

«Мы не противники революционного насилия в интересах большинства народа»,—писал т. Ленин.—«Когда Плеханов как-то на-днях вспоминал якобинцев 1793 г. и их прямое заявление: «враги народа те-то и те-то», мы думали по поводу этого: историческое величие настоящих

якобинцев» (революционеров Великой французской революции) «1793 г. состояло в том, что они были якобинцы с народом, с революционным большинством народа, с революционными трудовыми классами своего времени. Смешны и жалки якобинцы без народа и те, кто только корчит из себя якобинцев, те, кто боится ясно, прямо во всеуслышание об'явить врагами народа—эксплоататоров, угнетателей народа, слуг монархии во всех странах, сторонников помещиков во всех странах».

Это место из тогдашней статьи т. Ленина является великолепным ключем к пониманию отношений большевизма к своей, созданной большевиками, красной армии.

Большевики подняли дисциплину, большевики не отказались от революционного насилия, но это революционное насилие они направили и направляли против тех, кто действовал против большинства народа, против массы революционных рабочих и крестьян... И они железною рукой выметали прямую измену, предательство, шкурничество и всеми мерами,—и убеждением, и принуждением,—боролись с бессознательностью массы в интересах все той же народной массы, но отнюдь не в интересах англо-французской биржи.

Поэтому-то большевизм и создал армию, сумел—ввести в ней дисциплину, перекроить весь командный состав, наполнить его 60% чистокровных рабочих и крестьян, заставить служить старый командный состав делу революции, поставить в армии лучших рабочих и крестьян комиссарами, спаять солдатскую красноармейскую массу с комиссаровским и командным составом и повести армию (мы приводим сейчас выражение белых газет), «в течение ряда лет знавшую одни поражения, к победам».

Большевики могли в условиях невероятной разрухи принять и меры к снабжению армии, те меры, которые принимали в XVIII столетии французские якобинцы, когда великий революционер мелкой буржуазии (в XVIII столетии еще революционной)—Сен-Жюст пошел в Страсбурге на самые крутые меры против обеспеченных классов, чтобы накормить армию.

Большевики здесь не останавливались во имя конечной победы революции перед революционным насилием, но делали это во имя торжества революции над помещиками и капиталистами.

Коалиционное же правительство 1917 с его шестью министрами социалистами и десятью министрами капиталистами и „революционная демократия“ 1917 г. не могли даже провести хлебной монополии, которую срывали помещики, не могли даже рассовать среди капиталистов свой „Заем Свободы“, об'явленный еще Временным Правительством первого состава в целях „доведения войны до победного конца».

Зато они могли во образе военного и морского министра Керенского,—одной рукой поддерживая контр-революционное офицерство, другой разоружая полки, отказывавшиеся итти в наступление для капиталистов—могли буквально задушить армию потоками революционной словесности.

Трудно подсчитать количество речей, произнесенных Керенским, трудно подсчитать, сколько раз он взывал „к революции", но за всеми этими воззваниями слышалось только одно—„наступайте".

— Для чего?—спрашивали солдаты.

— Во имя победы. Для заключения мира без аннексий и контрибуций.

Но в том-то и дело, что союзные капиталисты как раз требовали, чтобы русские солдаты воевали не для мира без аннексий и контрибуций, а для того, чтобы награбить побольше контрибуций и аннексий.

Уже приведенные нами ноты союзников не оставляли на этот счет никакого сомнения.

Солдатская масса, как ни темна она была, сначала чутьем, потом все более сознательно стала воспринимать эту истину. Нет ничего удивительного, что в центре политических событий, политической жизни России,—в Петрограде солдатская масса оказалась в этом отношении наиболее передовой.

Если в апреле 1917 г. она вышла на улицу против Милюкова, т. е. против буржуазного Временного Правительства, то теперь она готова была хлынуть могучим потоком уже против правительства коалиции.

22. Наступающая контр-революция.

15 мая в Одессе Керенский произносил речь, в которой высказал следующую мысль: „Нам угрожает серьезная сила... Люди, об'единившиеся в ненависти к новому строю, найдут путь, которым можно уничтожить русскую свободу, и они достаточно умны для того, чтобы понять, что провозглашением царя они ничего не достигнут... Они идут путем обманным, идут к голодной массе, развращенной старым режимом, и говорят—требуйте всего немедленно. Они шепчут слова недоверия к нам, всю жизнь положившим на борьбу с царизмом".

Тут, следовательно, Керенский говорил о монархической контр-революции, которая пред'являет к „социалистической демократии" якобы революционные, но в то же время и невыполнимые требования. Рядом с монархистами, надевающими личину революционеров, Керенский поставил, как и полагается „социалистическому демократу",—большевиков. „Среди нас есть также и идеалисты, слишком смотрящие в небо и увле-

кающие нас в бездну анархии. И мы должны сказать им: остановитесь, не расшатывайте новые устои".

О попытках изображать монархистов, прикидывающихся революционерами, и смешать в одно этих монархистов, германских шпионов (тоже выставлявших „крайние" требования по уверениям союзнических газет,—припомним „Пти Паризьен") и „крайних социалистов", т. е. большевиков, нам придется говорить особо в следующей главе, где мы разберем взаимноотношения „социалистической демократии" и партии большевиков перед июльскими и в июльские дни.

Однако, в то время, когда Керенский произносил свою речь, совсем не надо было искать контр-революцию, прикрывающуюся революционными фразами.

Контр-революция выступала вполне открыто, со вполне откровенной контр-революционной фразой, со вполне открытыми контр-революционными заявлениями и декларациями, и Временное Правительство, а вместе с ним „социалистическая демократия", не предпринимало никаких шагов к борьбе с этой открытой контр-революцией.

Не успело еще образоваться Коалиционное Правительство, как произошел 5 мая в Москве С'езд кадетской партии, уже упоминавшийся нами, на каковом с'езде, со слов Милюкова, облетевших тогда всю Россию, говорилось о том, что не Милюков ушел, а „Милюкова ушли".

Сам же С'езд вынес определенное постановление доверия Милюкову и его политике, в то время как вся страна выразила в апрельские дни недоверие этой политике.

7 мая в ставке Верховного Командующего происходил С,езд офицеров армии и флота. Тогдашний главковерх, поставленный на этот пост Временным Правительством, ген. Алексеев, впоследствии организатор „Добровольческой Армии", произнес речь, в которой программу мира без аннексий и контрибуций, т. е. оффициальную программу мира Временного Правительства и „революционной демократии" назвал просто—„утопической фразой".

19 мая у не менее прославившегося, чем ген. Алексеев, адмирала Колчака произошло столкновение с Севастопольским Советом Рабочих Депутатов. Адмирал подал прошение об отставке. После переговоров Керенского с Колчаком последний остался командующим флотом.

Одновременно С'езд офицеров армии и флота вынес постановление об энергичном продолжении войны во имя свободного выхода России в Средиземное море и недопустимости вмешательства войсковых комитетов в оперативные, строевые и учебные дела, а безответственных лиц и организаций—в какие бы

то ни было дела и вынесено было постановление об „обеспечении начальникам власти".

В № 66 „Известий" от 14 мая подробно рассказывалось о том, чем занимались на Петроградском С'езде офицерских депутатов. „Замолчавший было разговор о двоевластии",— писали „Известия", „вновь всплыл на Петроградском С'езде офицерских депутатов. Тряхнули стариной все те же знакомые ворчуны из кадетского и правого лагерей, на С'езде вынырнувшие под новой кличкой „аполитиков"... В деятельности Совета „аполитики" хотят видеть источник разложения фронта... „Терпеть ли засилие Совета?—спрашивал военный чиновник Пузуль.—Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не имеет права говорить от имени русских рабочих и русской армии"... Под апплодисменты части собрания полковник Фусс протестовал против того, что „Известия" бросили в крайне непристойных выражениях обвинение в приверженности верховного главнокомандующего (Алексеева) к старому строю... Устами поручика Смирнова „аполитическая" группа высказалась за непричастность офицеров к политике. Армия, по его словам, не может становиться на сторону той или иной политической группы или организации. „Я считаю, что покуда на мне офицерский мундир, до тех пор я должен быть ограничен в некоторых гражданских и политических правах"... В дальнейшем поручик Смирнов был лишен слова за оскорбление Совета.

29 мая председатель Донского Войскового круга Богаевский,—впоследствии весьма прославившийся борьбой с революционной Россией и пытающийся бороться еще и сейчас в заграничной эмиграции, — открыто опубликовал воззвание о «борьбе с анархией в России».

30 мая Комиссия по созыву Учредительного Собрания голосами в с е х против большевиков нашла в себе смелость предоставить избирательное право в Учредительное Собрание членам дома Романовых.

3 июня состоялось в Петрограде Совещание членов Гос. Думы, которое высказалось за немедленное наступление на фронте. Неоднократно упоминавшийся нами Родзянко опубликовал письмо всем членам Гос. Думы с предложением «не покидать Петрограда, в связи с политическими событиями».

13 мая 1917 г. желтая суворинская «Маленькая Газета» настолько осмелела, что открыто призвала к свержению Временного Правительства и замене кн. Львова адмиралом Колчаком.

16 июня Общеказачий С'езд предложил Временному Правительству свою помощь в борьбе с анархией, считая необходимым применение вооруженной силы.

15 июня Совет старейших Гос. Думы постановил: продолжать деятельность совещаний членов Гос. Думы, несмотря на требования революционной демократии.

19 июня, после первых известий об успехах наступления на фронте, в Петрограде, на Невском, произошла погромная патриотическая манифестация с трехцветными флагами.

23. Как боролась с контр-революцией социалистическая демократия.

«Все вопиют»,—писал т. Ленин 3 июня в № 72 «Правды»,—«о твердой власти. Спасение в диктатуре, в железной дисциплине, в том, чтобы заставить всех, не подчиняющихся справа и слева, молчать и подчиняться. Мы знаем, кого хотят заставить молчать. Правые не кричат, .они работают. Одни в министерстве, другие на фабриках, угрозой локаутов, приказами о расформировании полков, угрозами каторги. Коноваловы и Терещенки, с помощью Керенских и Скобелевых, они организованно работают в свою пользу. И их молчать не нужно заставлять».

Что же в борьбе с контр-революцией предпринимало правительство и «революционная демократия»?

Против солдат, отказавшихся итти в наступление за интересы англо-французской биржи, Временное Правительство 30 мая обнародовало обращение, в котором указывалось, что лица, виновные в этих преступлениях (неповиновение, самовольное оставление позиций и т. д.), «караются ссылкой в каторгу с лишением всех прав состояния, права на всякую служебную и общественную деятельность, права участия в выборах, владения имуществом и права на земельную собственность».

Когда делегатское собрание судовых команд в Севастополе постановило отстранить от должности адмирала Колчака, то сейчас же 6 июня 1917 г. Временное Правительство послало телеграфное требование о немедленном подчинении Черноморского флота законной власти.

Оно расформировывало непокорные воинские части, а 15 июня применило вооруженную силу при расформировании 12 и 13 Сибирских стрелковых дивизий; оно приказами военного министра Керенского запрещало войсковые украинские и мусульманские с'езды. Оно бросило, наконец, армию в наступление 18 июня. Оно, кроме кислосладких статей в органах революционной демократии, палец о палец не ударило для борьбы с подлинной контр-революцией. Оно не предприняло ни одного шага против экономической контр-революции, против капиталистического саботажа.

Министр Скобелев обещал взять от буржуазии все 100% ее прибыли, а на деле, как писал т. Ленин, — случилось то, что если «через Коновалова нельзя было провести защиту (и повышение: см. министерскую газету «Рабочая Газета» об углепромышленниках) скандальных прибылей по военным поставкам, то через Скобелева или при его участии можно эту защиту провести в форме якобы сохранения старого, в форме почти марксистского отрицания возможностей введения социализма. Социализма вводить нельзя, — поэтому скандально высокие прибыли капиталистов не в их чисто капиталистическом хозяйстве, а в поставках на войско, в казну — эти прибыли и утаить от народа и попридержать можно».

24. Тов. Ленин о правительстве чисто буржуазном и коалиционном (Итоги—дел).

В этой же статье («Великий отход» — «Правда», № 76, от 8 июня 17 г.) т. Ленин развил сопоставление чисто буржуазного и коалиционного правительств дальше. «Через Гучкова»,— писал он,—«нельзя было увлечь массы на продолжение империалистской захватной войны, войны из-за дележа колоний и аннексий, вообще. Через Керенского и Церетелли, больше занятого защитой Терещенки, чем защитой почтово-телеграфных тружеников» (Церетелли был министр почт и телеграфов), «буржуазия, как это признали правильно Милюков с Маклаковым, смогла делать это, смогла налаживать продолжение именно такой войны».

«Через Шингарева нельзя было обеспечить сохранение помещичьего землевладения, хотя бы до Учредительного Собрания... Через Чернова это удастся провести. Крестьянам внушили, - хотя они и не очень охотно восприняли это—что брать землю у помещиков в аренду, по соглашению с отдельными помещиками, есть «порядок», а сразу отменить помещичье землевладение и брать бывшую помещичью землю в аренду у народа, впредь до созыва Учредительного Собрания—есть «анархия». Иначе как через Чернова эту помещичью, контрреволюционную идею провести бы не удалось... Через Львова, Милюкова, Терещенко, Шингарева и К° влиять на народные собрания и на советы нельзя. Через Церетелли, Чернова и К° можно влиять на них в том же буржуазном направлении, ту же, буржуазно-империалистскую политику, при помощи особенно эффектных и особенно по доброму звучащих фраз, проводить?

От такого правительства нельзя было ожидать подлинной борьбы с буржуазной контр-революцией!

И хотя 15 июня Временное Правительство провело секретное постановление об ассигновании средств на организацию контр-разведки, с отнесением этого расхода на счет кредитов, освободившихся от сметных назначений по содержанию департамента полиции,—контр-разведка эта занялась не делами борьбы с контр-революцией справа, а борьбою с противниками «слева».

По мере того, как все более соглашательская «революционная демократия» срасталась с буржуазией, все более главным содержанием ее работы в печати, в Совете, в практике становилась борьба с «левыми», а по сути дела это являлось борьбою со всем революционным народом.

25. Дорога к июльским дням. Из брошюры т. Троцкого.

Тов. Троцкий в своей брошюре «Революция в опасности»,—первоначально напечатанной в № 7 журнала «Вперед», дал чрезвычайно сжатую и выпуклую картину работ Временного и Коалиционного правительств...

«И первое Временное Правительство»,—писал он,—«и второе коалиционное главную свою задачу видели в том, чтобы довести страну до Учредительного Собрания. До его созыва откладывалось разрешение всех основных вопросов, породивших революцию. Именно эта политика уклончивости и выжидания обостряла неотвратимо внутренние противоречия и вела к грозному кризису—задолго до созыва Учредительного Собрания».

„В принципе считалось, что Россия станет республикой. Но Временное Правительство не решалось провозгласить республику и сделать из этого все необходимые выводы в области сословий, титулов и пр. Сам глава правительства продолжал подписываться князем и официально сохранил за Романовыми титул великих князей и княгинь. Таким образом, государственная форма оставлялась под знаком вопроса“...

„Лозунг к передаче помещичьей и прочей земли народу получил оффициальное полупризнание. Но из этого лозунга не было сделано никаких выводов в смысле приступа к немедленной ликвидации помещичьего землевладения и фактического обеспечения за народом права на землю“...

„То же самое наблюдалось и во всех других областях. Провозгласив сверху принцип демократии, оставили на местах реакционных чиновников и судей. Правительственный аппарат стал в огромной степени орудием сплочения противореволюционных сил или их прикрытием“...

„Вместе с тем контр-революционная бюрократия, и черносотенная и кадетская, торопились всесторонне использовать свои официальные позиции для „срыва“ революции“...

„Революция встряхнула армию до самых глубин. Старая палочная дисциплина рассыпалась прахом. В войсковых частях установился режим демократии: все обсуждалось и критиковалось. Вопрос о войне и мире ребром встал в сознании солдат. Выдвинутая советом и на словах усыновленная правительством программа—мир без аннексий и пересмотр старых договоров—только укрепляла в душе солдат вражду ко всем затягивателям войны, скрытым и явным аннексионистам и проповедникам наступления во что бы то ни стало“.

„Отодвигая все вопросы до Учредительного Собрания, откладывая на неопределенное время вопрос о пересмотре договоров с союзниками, правительство не считало возможным отложить, однако, наступление. Разложение армии со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями явилось результатом противоречия между пробудившимися надеждами и провозглашенными принципами, с одной стороны, и полным дипломатическим бессилием правительства, с другой“.

„Массы на низах самым непосредственным образом чувствовали невыносимость тех противоречий, в какие попала революция. А попытки масс устранить эти противоречия собственными средствами расценивались сверху, как „анархия“...

„Петроградские рабочие, стоящие в средоточии политической жизни страны, с особенной остротой воспринимали ужасающие явления хозяйственного распада и мобилизации контр-революционных сил при попустительстве внутренне-бессильного правительства. Когда петроградские рабочие все в больших и больших массах требовали перехода всей власти к Совету, эс-эры и меньшевики об'ясняли это „темнотою“ массы“.

„Выходило, таким образом, что наиболее темной частью обще-революционной армии является пролетариат Петрограда!“

„Ему противопоставляли авторитет провинции и крестьянства и угрожали, что Россия „справится“ с Петроградом“.

„В борьбе за явно нежизнеспособную „коалиционную“ политику руководящие партии Совета оказывались вынужденными опрокидывать на голову все политические представления и клеймить перед крестьянской и крестьянско-солдатской аудиторией петербургский авангард революции, как ее злейшего врага. Революционная бдительность петербургских рабочих превращалась таким образом в нервную настороженность. Это и явилось необходимой психологической предпосылкой событий 3—5 июля“.

Вот каким образом ход революции в России и политика революционной демократии „с неизбежностью привели к июльским дням“.

Но чтобы еще полнее оттенить всю неизбежность прихода июльских дней, необходимо рассмотреть, как Временное Правительство и „революционная демократия“ боролись с противниками „слева“, какие силы вообще стояли слева от „революционной демократии“, как увеличивались эти силы и главнейшая из них Российская Соц.-Дем. Раб. Партия большевиков. Тогда понятнее станет и самый июльский кризис, самые дни 3 и 5 июля, участие в них Р. С.-Д. Р. П. большевиков и действия революционной демократии“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Р. С.-Д. Р. П. Большевиков и Июльские дни 1917 года.

1. „Слева“ от „революционной демократии“: большевики, Троцкий, межрайонцы, левые эсэры, ларинцы, мартовцы и проч. Главная сила—слева.

Для того, чтобы судить о росте Р. С.-Д. Р. П. большевиков к моменту июльских дней, надобно принять во внимание те цифры, которые привел в докладе об организационной деятельности Ц. К. тов. Свердлов на VI Всероссийском с'езде Р. С.-Д. Р. П. большевиков. С'езд открыл свои заседания 26 июля, т. е. всего спустя три недели после июльских дней. Но выборы на С'езд начались значительно ранее, и цифры т. Свердлова характерны как раз для уяснения силы организации Р. С.-Д. Р. П.

Припомним, что на апрельской конференции было представлено 78 организаций с 80.000 член. партии.

В июле партия насчитывала свыше 160 организаций с 240.000 членов партии.

По областям силы распределялись таким образом:

Петроград—41 тыс., из них в самом Петрограде 36 тыс. Военная организация насчитывала тысячу членов.

Москва с московским районом—50 тыс.

Урал—25 тыс.

Донецкий бассейн—16 тыс.

Киев с районом — 10 тыс. Кавказ — 9 тыс. Финляндский район—12 тыс. Прибалтийский—14 тыс. Поволжье—13 тыс. Одесса с районом—7 тыс. Сибирь до 10 тыс. Минск с районом 4 тыс. Северный район 1½ тыс.

Всероссийская военная организация как раз к началу июля насчитывала около 22 тыс. членов партии.

Считая все эти цифры минимальными, т. Свердлов приходил к общей цифре 240 тыс. членов партии. Таким образом, со времени апреля количество партийных организаций удвоилось. Число членов партии утроилось. Иными словами, партийная организация все глубже охватывала Россию, при этом организации на местах количественно росли.

Исключительный рост партии сам по себе явствует из вышеприведенных цифр. Вместе с тем партия притягивала к себе все новые слои тех социал-демократов, которые занимали интернационалистскую позицию, но не входили официально в партию большевиков.

Так, межрайонная организация об'единенных социал-демократов, возникшая в Петербурге до войны из бывших троцкистов, плехановцев-партийцев и частью впередовцев (до февральской революции насчитывавшая 200 организованных рабочих, а к июлю выросшая, по докладу т. Свердлова на VI с'езде, до 4.000), фактически работала вместе с большевиками.

Летом 1917 г. к этой организации принадлежали т.т. Троцкий, Юренев, Луначарский, Володарский, Урицкий, Мануильский и др. На VI с'езде межрайонцы целиком вошли в партию, а в июльские дни не были ничем отличаемы от большевиков ни по своему участию в событиях, ни по преследованиям со стороны контр-революции.

Р. С.-Д. Р. П. большевиков включила в свои ряды и т. Троцкого, в течение ряда лет стоявшего вне фракции, а с начала войны занявшего ярко интернационалистскую позицию. По старым связям с меньшевиками (еще после раскола на 2 с'езде в 1903 г.) — меньшевики и эс-эры встретили т. Троцкого в Петроградском совете бурными аплодисментами (как «старого вождя первой революции»).

Дело происходило на том заседании Петроградского Совета, когда большинство его освятило вхождение министров-социалистов в коалиционное правительство.

Как выступил т. Троцкий после эс-эро-меньшевистских рукоплесканий, рассказывает Милюков в своей «Истории»...

Троцкий «резко осуждал вступление социалистов в министерство, утверждая, что теперь двоевластие не уничтожится, а лишь перенесется в министерство и что настоящее единовластие, которое спасет Россию, наступит только тогда, когда будет сделан следующий шаг—передача власти в руки Рабочих и Солдатских Депутатов. Тогда наступит новая эпоха—эпоха крови и железа, но уже в борьбе не наций против наций, а класса страдающего, угнетенного—против классов го-

сподствующих. Русская революция станет прологом революции мировой».

Это было 5 мая 1917 г.

13 мая, когда Петроградский Совет заслушивал отчеты министров-социалистов и выразил полное доверие как министрам, так и всему коалиционному правительству, т. Троцкий выступил с заявлением о необходимости взять власть в руки Советов и призвать к захвату помещичьих земель, так как «каждая десятина захваченной земли важнее любого проекта социалистического министра».

Нет нужды об'яснять, что значило для партии вступление в ее ряды такого человека, как т. Троцкий, а затем втягивание всей межрайонной организации с указанными уже выше работниками.

Но и от меньшевиков-мартовцев, или, как они себя называли, меньшевиков-интернационалистов (т. е. меньшевиков хотя и не последовательно, но занявших позицию—против империалистической войны, и после Февральской революции в России по многим вопросам внешней и внутренней политики не решительно и с колебаниями поддерживавших большевиков),—даже от них выделилась группа во главе с. т. Лариным, которая уже на VI с'езде выступила с оффициальным приветствием с'езду, а затем целиком вошла в Р. С.-Д. Р. П. большевиков. С ее уходом в ряды большевиков собственно и кончилось существование меньшевиков-интернационалистов, ибо большинство последних мартовского толка растворились в соглашательской и оборонческой группе Ф. Дана.

Позицию резко враждебную войне занимали и эс-эры интернационалисты во главе с Камковым, Спиридоновой, Карелиным и др. Не порывая со всей эс-эровской партией, эс-эры интернационалисты, впоследствии получившие название левых социалистов-революционеров, находились в оппозиции к своему партийному центру и наоборот сочувственно относились к большевикам, сплошь и рядом поддерживая их в отдельных вопросах, а иногда вступая и в прямое соглашение. Такие соглашения бывали на местах, всего чаще в районных Советах. Рабочие же левые эс-эры, хотя и не принадлежали оффициально к партии большевиков, но выступления их в красной гвардии и пр. были рядом с большевиками. Впоследствии, как известно, левые эс-эры откололись от своей партии и вместе с большевиками вошли в Совет Народных Комиссаров. Впоследствии разорвали союз с большевиками, переметнулись к мелко-буржуазной контр-революции, организовали восстание и террористические акты против РКП и т. д. и т. п. Но масса рабочих партии левых эс-эров фактически влилась в Р. К. П. и летом 1917 г. была по существу дела с большевиками.

Такие, если говорить о политических партиях и группировках, силы стояли левее оффициальных партий перед июльскими днями 1917 г. [1]), и, конечно, главнейшей и центральной силой являлась партия Р. С.-Д. Р. П. большевиков.

В какой степени социалисты-революционеры и меньшевики все более и более скатывались к буржуазии, в какой мере подлинно революционные элементы рвали с ним и тянули к большевикам,—вставал вопрос о концентрации этих сил и о резком отделении от социал-соглашательского болота, отделения, даже по названию партии. Вопрос о перемене названия, поднятый еще ранее т. Лениным, занял видное место уже на апрельской конференции 1917 г. Правда, оффициальное переименование партии произошло гораздо позднее—именно на VII с'езде в марте 1918 года.

2. Травля контр-революцией большевиков.

Мы уже имели возможность ознакомиться с целым рядом важнейших постановлений партии и с основными взглядами большевиков по вопросам текущего момента войны, отношения к коалиционному министерству, к аграрному вопросу и т. д. и т. п.

Мы видели также, как и перед апрельскими днями и после апрельских дней решала партия вопрос о власти.

Мы видели, что главнейшей задачей партии являлось отнюдь не устройство каких либо авантюристических выступлений, а наоборот, работа раз'яснения среди масс, организация масс и завоевание большинства в Советах.

Однако, все усилия контр-революции сводились к тому, чтобы последнее обстоятельство изобразить как раз в обратном виде.

Травля, поднятая против большевиков с самого начала революции, нисколько не уменьшилась, а, наоборот, росла и увеличивалась.

В статье «Презренные приемы», напечатанной в № 58 «Правды» от 16 мая 1917 г., т. Ленин разоблачил и заклеймил эту работу буржуазной контр-революции и буржуазной печати.

Кадетская газета «Речь» после целого ряда клевет на т. Зиновьева (с целью посеять рознь между большевиками и армией) добилась того, что С'езд армейских и тыловых орга-

---

[1]) Не считая еще близкой к меньшевикам и мартовцам группы вокруг газеты «Новая Жизнь»—Суханов, Базаров, Авилов и др., и анархистов—силы каковых были ничтожны.

низаций Северного фронта, состоявшийся 10—13 мая 1917 г. в Пскове, в единогласно принятой резолюции заклеймил подлые приемы «Речи».

Эту резолюцию «Речь», конечно, не напечатала, хотя С'езд и направил ее туда.

«Зато,—писал т. Ленин,—малопочтенная газета продолжает свой провокаторский поход против нашей газеты и нашего т. Зиновьева, натравливая на прямой погромчик.

«Правда» систематически сообщает сведения относительно Германии, которых нет больше ни в одной газете. Откуда и как «Правда» получает специальные сведения—многозначительно вопрошает «Речь» в статье многозначительно озаглавленной «Странная осведомленность».

«Откуда, г.г клеветники?»—спрашивал, в свою очередь, т. Ленин—и отвечал:—«из телеграмм и писем нашего корреспондента т. Радека, польского с. д., который ряд лет просидел в царских тюрьмах, который более 10 лет работает в рядах германской социал-демократии, который изгнан из Германии за революционную агитацию против Вильгельма и против войны и который специально переехал в Стокгольм, чтобы оттуда нас осведомлять. Из писем и телеграмм, г.г. кадеты, которые не всегда удается перехватить вашим слугам, хозяйничающим на русско-шведской границе, из газетных вырезок и немецких нелегальных газет и прокламаций, которые нам доставляют наши друзья, сторонники Карла Либкнехта»...

Это—один образчик кадетских приемов по части натравливания на большевиков и призыва к прямому разгрому редакции «Правды», «осуществленному в июльские дни» (ибо в «Правде» сидят «немецкие агенты и шпионы»).

Таких примеров можно привести тысячи.

Но очень часто дело шло и подальше.

Так, «Известия Совета Офицерских Депутатов» в № 10 от 3 мая 1917 г. напечатали следующий п р и з ы в к у б и й с т в у:

«Могут существовать монархисты и ленинцы-анархисты (разновидности равноценные и равно вредные для дела революции)... Ослушники воли народной, предпринимающие активные шаги против решения Временного Правительства и Совета Р. и С. Д., должны быть немедленно удаляемы без различия мотивов, подвигающих их на дезорганизаторские поступки, будь это монархисты, ленинцы, анархисты или просто хулиганы»...

«Каждая организация,—продолжали г.г. офицеры,—как мы видим, приверженцы Временного Правительства и Совета Р. и С. Деп., имеет право человека, вредящего ее задачам и насильно остающегося в ее рядах, точно также насильно вышвырнуть из своих рядов, и никто не поставит ей в вину, если, при этом вышвыривании сопротивляющегося дезоргани-

затора, он вылетит и за пределы жизни... Неужели офицеры испугаются рискнуть своей жизнью, чтобы очистить свою собственную среду от дезорганизаторов?».

«Пусть, — написала «Правда» в № 68 от 28 мая 1917 г.,— г.г. офицеры хорошо взвесят, что будет последствием первого же их выстрела. И пусть министры-социалисты знают, что эти грозящие убийствами господа клянутся им в верности, от души приветствуют их за их угрозы кронштадтским матросам и солдатам. Т.т. матросы и солдаты... Помните, что правительство, поддерживаемое меньшевиками и народниками, грозит кронштадтцам и ничего не предпринимает против угроз контр-революционеров».

3. Как боролись Прав-ство и „демократия“ с врагами—„слева“. Кронштадт. Дача Дурново.

Чрезвычайно характерно для борьбы «революционной демократии» с «анархией» и с «врагами» революции «слева»— столкновение Временного Правительства и Петроградского Совета Р. и С. Д. с революционным Кронштадтом.

Вокруг этого события разлилось целое море буржуазной лжи и клеветы.

Буржуазные газеты на перебой кричали о кронштадтской анархии и об отложении Кронштадта, образовавшего самостоятельную независимую республику «даже со своим денежным обращением!»

В плехановской газете «Единство», которая по части лжи конкурировала с буржуазной печатью, было помещено фотографическое воспроизведение пятикопеечной боны, якобы выпущенной в Кронштадте. На этой монете будто было написано: «Кронштадтская республика. Действителен в пределах вольного острова Котлина».

Это море буржуазной клеветы не оставалось без результата.

Рабочие области Войска Донского, восхищенные революционным энтузиазмом кронштадтских матросов пожертвовали на нужды Кронштадта, как боевой цитадели, 87.000 пуд. угля. Прочтя же в газетах о том, что Кронштадт «отложился от России», рабочие смутились и стали спрашивать себя—удобно ли вывозить уголь «за границу»—из России в Кронштадт. В некоторых уездах Московской губернии стали поговаривать, что кронштадтцы требуют в Кронштадт Николая Романова, потому что хотят посадить его на престол Кронштадтского царства. Таким образом, чудовищный переплет лжи вызывал самые странные слухи.

Между тем дело происходило так...

16 мая Кронштадтский Совет Р. и С. Д. вынес резолюцию, в которой заявил, что единственной властью в Кронштадте является Кронштадтский Совет. По всем делам общегосударственного значения он вступает в прямые непосредственные сношения с Петроградским Советом Р. и С. Д. Административные места в городе, если Исполнительный Комитет найдет это нужным, занимаются членами Исполнит. Комитета Совета или лицами от него уполномоченными.

«В этой резолюции,—докладывал т. Раскольников в Выборге, Або, Гельсингфорсе и Ревеле,—мы ни слова не сказали о Временном Правительстве, и вот это умолчание и дало повод нашему классовому врагу из лагеря буржуазии неумолчно кричать об отложении Кронштадта и о его отказе признавать власть Временного Правительства. Когда мы увидели, что наша резолюция вызывает такие кривотолки, мы сочли своим политическим долгом 21 мая выпустить исчерпывающее об'яснение, в котором черным по белому написали, что мы признаем Временное Правительство, как орган общегосударственней власти и будем признавать его до тех пор, пока на месте Временного Правительства не создастся новое, пока Всероссийский Совет Р. С. и Кр. Деп. не возьмет всей полноты политической власти в свои рабочие руки».

Однако, 24 мая в Кронштадт прибыли командированные Временным Правительством министры-социалисты Скобелев и Церетелли.

От лица Временного Правительства они предложили Кронштадтскому Исп. Комитету четыре вопроса: 1) об отношении к центральной власти; 2) о правительственном комиссаре; 3) об органах демократического самоуправления и демократического суда и 4) об арестованных офицерах.

По первому вопросу Кронштадт заявил: мы признаем Временное Правительство и подчиняемся ему только потому, что за ним стоит и его поддерживает большинство революционной демократии. Мы, находясь в меньшинстве, считаем своим политическим долгом покоряться решениям большинства, но вместе с тем сохраняем за собой право критики и ни на минуту не доверяем Временному Правительству.

Министры заявили, что они удовлетворены: самое главное признание Временного Правительства и подчинение его приказаниям; доверие или недоверие правительству есть частное дело.

По второму вопросу министры настаивали на—назначении правительственного комиссара. Временное Правительство должно иметь в Кронштадте своего человека. Кронштадтская демократия заявляла, что она комиссаром в Кронштадте хочет видеть своего человека. В конце концов, в этом во-

просе одержал верх Кронштадт, и Временное Правительство признало, не в пример всей России, за Кронштадтом право выбора комиссара.

По третьему пункту Кронштад сразу заявил, что органы демократического самоуправления и суда, как общегосударственные учреждения, со стороны Кронштадтского Совета препятствий не встретят, чем вопрос и был исчерпан.

Относительно арестованных офицеров дело приняло такой оборот... Министры - социалисты предложили немедленно перевести всех арестованных офицеров из Кронштадта в Петроград. Этим,—говорили министры,—вы тотчас вырвете почву под ногами буржуазных клеветников, заткнете рот лживой буржуазной печати, сочиняющей небылицы о страшных тюремных порядках Кронштадта.

По этому поводу Кронштадтский Совет вынес постановление: оказать содействие Центр. следств. власти, в состав которой должны войти представители следств. комиссии от Кронштадта. Подсудимые для суда направляются в Петроград с вызовом заинтересованной команды. Невиновные по суду—освобождаются в Кронштадте. В виду распускаемых слухов об истязаниях, тяжелом положении в тюрьмах заключенных офицеров—предложить общественным организациям и газетам путем личного посещения проверить дело на месте. Временное Правительство приняло в свою очередь постановление об организации следств. комиссии в духе Кронштт. Совета.

Казалось бы, что дело с Кронштадтом закончилось к общему благополучию.

Однако, на другой день газеты опубликовали, что Кронштадтский Совет отказался от своей первой резолюции и взамен ее вынес новую, признающую Временное Правительство и т. д., хотя кронштадтцы подчеркивали, давая ответы на вопросы министров, что ни на минуту не думают отрекаться от прежней резолюции, принятой на заседании 16 мая.

Поэтому Исп. Комитет Кронштадтского Совета был вынужден опубликовать письмо, в котором изложил настоящую правду о переговорах так, как они велись, — и заявил: „что касается резолюции, то Кронштадтский Совет продолжает оставаться на точке зрения решений, принятых 16 мая".

Действия Временного Правительства были за это время, не считая поездки Церетелли и Скобелева, таковы...

24 мая Временное Правительство вынесло постановление о расследовании дел о лицах, арестованных в Кронштадте.

Тогда же было вынесено постановление о выборах гласных Городской Думы в Кронштадте.

Первое постановление, особенно опубликованное в такой момент, несомненно набрасывало тень на Кронштадт, ибо бур-

жуазная печать распускала о Кронштадтских арестах и о их „незаконности“ какие угодно сказки.

Второе постановление имело целью противопоставить „демократическую“ Думу—Кронштадтскому Совету.

26 мая Временное Правительство предписало, в связи с кронштадтскими событиями, вывести командующему флотом Балтийского моря немедленно все учебные суда из Кронштадта в Биорке и Транзунд для летних занятий.

Действия же социалистической демократии вылились в то, что в Петроградском Совете Р. и С. Д. вторично был поставлен вопрос о кронштадтских событиях, и, после соответствующей речи Церетелли, была принята резкая и оскорбительная для Кронштадта резолюция, где Кронштадт провозглашался отколовшимся от России, а кронштадтцы клеймились почти что как „изменники революции“.

„Кронштадтский инцидент, — написал тов. Ленин в № 68 „Правды“ от 28 мая,—имеет для нас... принципиальное значение: он обнаружил давно уже подмеченный нами, признанный официально в резолюциях нашей партии („о советах“), факт, что на местах революция зашла дальше, чем в Питере. Не только кадеты, но и народники с меньшевиками давали захлестнуть себя царящей всюду революционной фразе, не пожелали или не сумели вдуматься в значение этого факта“...

Касаясь резолюции Совета после появления письма кронштадтцев, т. Ленин говорил: „компромиссное соглашение кронштадтцами не нарушено: ни единого факта, даже отдаленно похожего на нарушение соглашения, никто не указал. Ссылки „Речи“ на статьи в газетах—увертка, ибо не статьями, а только делами может быть нарушено соглашение. И факт остается фактом: министры Церетелли, Скобелев и К-о дали себя запугать в сотый и тысячный раз криками запуганных буржуа и перешли к грубым угрозам кронштадтцам. Неумные, нелепые, служащие только контр-революции, угрозы!“

Революционный Кронштадт, ставший под знамена большевизма, революционный Балтийский флот—был поистине бельмом на глазу у коалиционного правительства. Описанными выше событиями только начинался поход „социалистической демократии“ против непокорных кронштадтцев. В дальнейшем эта „борьба“ развернулась гораздо шире.

4 июня „социалистическая демократия“ двинулась в новый поход на анархию, — уже в Петрограде, по существу из-за дела, совершенно ничтожного, но в тогдашней раскаленной атмосфере приобретшего большое политическое значение.

Всероссийский С'езд Советов признал необходимым предложить анархистам немедленно очистить дачу Дурново.

Означенный Дурново, хорошо известный России царский министр и душитель революции 1905 г., как полагается, имел

дачу на Выборгской стороне. Дача эта была занята в Февральские дни рабочими организациями и частью анархистами. Народный социалист или эс-эр—что различить весьма трудно—Переверзев, в качестве министра юстиции решил охранять священные права собственности и предпринял целый ряд попыток выдворения „захватчиков“ из дачи.

Целый С'езд всей „революционной демократии“ России, лицом к лицу поставленный перед такими вопросами как война, мир, земля и пр. и пр., счел необходимым отдельно высказаться насчет нарушенных прав г. Дурново!

Результаты получились следующие.

Не успел 7 июня прокурор Петроградской Судебной Палаты отдать приказ об очищении дачи Дурново в 24 часа, как рабочие Выборгского района устроили демонстрацию против этого решения.

Временное Правительство оказалось бессильным и 10 июня предложило Исп. Комитету Совета Р. и С. Д. взять на себя дальнейшие мероприятия по ликвидации инцидента с выселением анархистов с дачи Дурново.

„Атмосфера испуга и напуганности“,—писал тов. Ленин в № 79 „Правды“ от 11 июня,—„царит теперь в Питере, доходя до размеров, прямо не слыханных... Маленький случай иллюстрировал это прежде, чем создался большой случай запрещенной демонстрации, которую назначала на субботу (10 июня) наша партия. Маленький случай был с захватом дачи Дурново: министр Переверзев сначала постановил очистить дачу Дурново, а потом на С'езде заявил, что и сад при даче он оставляет народу, и профессиональные союзы из той же дачи Дурново вовсе не выселяются. Надо же было арестовать некоторых анархистов. Если захват дачи Дурново не законен, то ни сад оставлять народу, ни профессиональных союзов оставлять на даче нельзя было. Если были законные поводы к аресту, то арест лиц не имеет никакого отношения к даче, ибо арест и на даче и вне дачи состоялся бы. Вышло так, что ни дача не освобождена, ни ареста не было. Правительство оказалось в положении людей запутавшихся и запуганных“...

И тов. Ленин переходит к б о л ь ш о м у случаю—к демонстрации, предполагавшейся быть 10 июня.

4. Вопрос о „демонстрации 10 июня". „Демократия" открыто угрожает большевизму. Речь Церетелли.

3 июня 1917 г. открылся Всероссийский С'езд Советов Р. и С. Д.

На этом С'езде подавляющее большинство все еще принадлежало эс-эрам и меньшевикам, хотя количество большевиков значительно выросло против времен Первого Совещания Советов 29 марта 1917 г.

Первый Всероссийский С'езд Советов принял 8 июня большинством 543 голосов против 126 при 52 воздержавшихся резолюцию меньшевиков об отношении к Временному Правительству.

Таким образом, считая и воздержавшихся, против меньшевиков и эс-эров оказалась почти треть с'езда, в то время как на Всероссийском Совещании Советов резолюция Каменева 30 марта о войне собрала лишь $^1/_6$ голосов.

Однако, от С'езда, двумя третями голосов выразившего доверие Временному Правительству, толку ожидать можно было мало.

Этот С'езд не смог даже заставить очаг контр-революции,— Совещания членов IV Гос. Думы—прекратить свою деятельность!

Между тем наступление контр-революции, описанное нами в своем месте, деятельность Временного Правительства и «социалистической демократии» по части борьбы с анархией— все это являлось предметом живейшего обсуждения и беспокойства в первую голову в пролетарском и солдатском Петербурге.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. большевиков постановил назначить всеобщую демонстрацию с лозунгами: «долой-министров капиталистов. Вся Власть Советам!»

Тов. Ленин так излагает в только что упомянутой нами статье этот «большой случай с запутавшимися и запуганными»...

«Ц. К. нашей партии, вместе с целым рядом других организаций, в том числе бюро Профессиональных союзов, постановляет назначить мирную демонстрацию, шествие по улицам. Во всякой конституционной стране устройство таких демонстраций—неоспоримейшее право граждан. В уличной мирной демонстрации, с лозунгом, между прочим, изменения конституции или изменения состава правительства, никакое законодательство ни в одной стране ничего противозаконного не видит. Люди, запутавшиеся и запуганные, в том числе большинство на С'езде Советов, делает из этой демонстрации не-

слыханную историю. Большинство С'езда Советов принимает громовую, полную отчаянно-резких слов против нашей партии, резолюцию против демонстрации и запрещение всяких, в том числе и мирных, демонстраций на три дня. Когда такое формальное решение было принято, Ц. К. нашей партии уже в 2 часа ночи, в пятницу, постановляет демонстрацию отменить. В субботу утром на спешно созванном совещании с представителями районов отмена эта проводится в жизнь».

Как известно, С'езд Советов в лице своего большинства заявил, что будто бы демонстрацией большевиков «хотят воспользоваться притаившиеся контр-революционеры».

«Это крайне важное заявление С'езда Советов, — писал т. Ленин, — и приходится еще и еще раз подчеркнуть это фактическое заявление, выделяющееся своей фактичностью из потока бранных слов по нашему адресу».

«Какие меры принимает наше 2-ое правительство против притаившихся контр-революционеров? Что именно известно этому правительству? Как именно хотели контр-революционеры воспользоваться тем или иным поводом? Народ не может и не будет терпеливо и пассивно ждать, пока эта притаившаяся контр-революция выступит»...

Постановление о демонстрации 10 июня было вынесено 8 июня и, как мы видим, ставило вопрос о министрах-капиталистах, организующих контр-революцию и о борьбе с контр-революцией. Как мы видим, большевики подчинились революционной демократии, владевшей еще большинством в Советах. Большевики лишь в знак протеста два раза покинули заседание Исполнительного Комитета и С'езда Советов после оскорбительной речи Церетелли и такой же резолюции С'езда Советов, принятой С'ездом 12-го июня.

Однако, большевики, отказавшись от демонстрации, не отказались от обращения к населению.

13 июня П. К. Р. С.-Д. Р. П. большевиков обратился с воззванием ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда, где призывал поддержать следующие лозунги: Долой контр-революцию—долой IV Гос. Думу—долой 10 министров-капиталистов—вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — да здравствует контроль рабочих над производством и распределением продуктов — долой политику наступления—хлеба, мира, свободы!

Это обращение имело тем более значение, что 12 июня, осудив «демонстрацию 10 июня», Всероссийский С'езд Советов постановил 18 июня организовать Всероссийскую мирную манифестацию—с обычными соглашательскими лозунгами. Напомним, что дерзость контр-революции дошла в это время до того, что суворинская «Маленькая газетка» прямо

предлагала заменить главу правительства кн. Львова адмиралом Колчаком.

14 июня П. К. Р. С.-Д. Р. П. большевиков выпустил новое воззвание к революционным солдатам и рабочим по поводу организующейся контр-революции и призвал быть готовыми к активному выступлению против нее.

В это время «социалистическая демократия», заклеймив «большевистское выступление», не смогла ничего умнее делать как пережевывать, что «удаление части министров из Временного Правительства есть государственный переворот».

«В России,—писал в № 80 «Правды» от 13 июня т. Ленин,—борьба дошла то той ступени, когда империалисты пытаются—рукой вождей мелко-буржуазной демократии Церетелли, Черновых и т. д.—одним резким и решительным ударом покончить с растущей силой пролетарской партии. И как повод для этого решительного удара министр Церетелли нашел неоднократно уже использовавшийся контр-революционный способ: обвинение в заговоре. Это обвинение только предлог. Суть дела в необходимости для мелко-буржуазной демократии, идущей на поводу у русских и союзных империалистов покончить раз навсегда с социалистами-интернационалистами. Они считают момент для удара назревшим. Они в ажитации, в испуге, под хлыстом своих господ решились: теперь или никогда».

Чтобы яснее еще представить себе, как настроена была тогда уже «революционная демократия», достаточно остановиться на речи Церетелли на заседании 11 июня 1917 г. В нем участвовали все члены Исп. Комитета Петроградского Совета, все члены президиума Всероссийского с'езда, все члены Бюро фракции; участвующих на с'езде,—всего около 100 человек, среди которых были вожди всех партий.

Меньшевик Дан предложил резолюцию. В ней по существу содержался исключительный закон против большевиков, являющихся «меньшинством Советов». Все партии имеют право демонстрации, кроме большевиков!

Церетелли, взявший слово вне очереди и чрезвычайно волнующийся, среди напряженной тишины зала, бывшего 1-го Кадетского корпуса на Вас. Острове, произносит следующую речь...

«Резолюция Дана не годна. Теперь не этакие резолюции нужны. То, что произошло, является ни чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется. Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться. Говорят, что контр-ревсолюция подняла голову. Это неверно. Контр-революция не подняла голову, а поникла

головой. Контр-революция может проникнуть к нам только через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики—это уже не идейная пропаганда, это заговор. Оружие критики сменяется критикой оружия. Пусть же извинят нас большевики! Теперь мы перейдем к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельзя оставить в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулеметов и оружия. Заговоров мы не допустим»...

После этой речи большевики покинули собрание и все-таки ряд ораторов выступил против „языка сильной власти", которым заговорил Церетелли. А никто другой, как Мартов, привел в назидание Церетелли знаменитое изречение, что „при помощи осадного положения может управлять каждый дурак". Один оратор напомнил, что самого Церетелли всего десяток лет тому назад обвинял „в заговоре"... министр-вешатель Столыпин.

Так, „социалистическая демократия", до этого момента колеблясь, меняя линию, даже конфузясь, — сейчас об'явила открытый поход против большевизма. Но 18 июня на об'явленный ею же мирной демонстрации социалистическая демократия увидала, что массами питерских рабочих и солдат владеют лозунги большевизма.

5. Две демонстрации,—18-ое и 19-ое июня 1917 г.

Мы поместим описание манифестации 18 июня не из большевистской „Правды", а из „Новой Жизни", газеты, которая имела в конце концов склонность к „революционной демократии» и, стало быть, обвинять эту газету в преувеличении нельзя.

«Шествие отдельных районов, — писала „Новая Жизнь", в № 53 от 20 июня, — началось с отправных пунктов уже в 8 час. Общее количество манифестантов по приблизительному подсчету около 300.000. Состав манифестантов чисто пролетарский. Среди зрителей было заметно несочувственное отношение к манифестации... При первом взгляде на ряды манифестантов бросалось в глаза обилие большевистских лозунгов. На большинстве знамен надписи: — Вся власть Совету — Долой 10 министров капиталистов и т. п. Эти лозунги преобладали во всех районах. Несравненно в меньшем числе фигурировали знамена с лозунгами меньшевиков и, наконец, о поддержке Временного Правительства говорили лишь два зна-

мени—группы „Единство“ и организации Бунда. На знамени группы „Единство“ было написано: „Доверие революцион. Временному Правительству“. За знаменем „Единства“ шла небольшая группа манифестантов и незначительная колонна казаков“...

„В весьма большом количестве фигурировали затем лозунги:—„Долой Гос. Думу—долой контр-революцию—требуем контроля над промышленностью, долой локаутчиков-капиталистов и т. д»... Из отдельных лозунгов — надпись на стяге завода Новый Парвиайнен — „Храбрость юношей—залог счастья взрослых“, а также лозунг на одном из знамен — „Право на жизнь—выше права на частную собственность“.

„Распространившиеся накануне слухи о всякого рода эксцессах, толки о вооруженных кронштадтцах и т. п. оказались фантазией... Во втором часу дня на Невском распространился слух, что на Марсовом поле появилось знамя с лозунгом — „Да здравствуют министры-капиталисты“, и что знамя это было солдатами уничтожено. На поверку оказалось, что группой манифестантов было порвано одно из знамен с надписью:—„Доверие Временному Правительству“.

К числу инцидентов должно еще отнести, что какою-то группою были освобождены уголовные заключенные из Петроградской одиночной тюрьмы. Это дало, между прочим, сильнейший повод ко всяким клеветам со стороны буржуазной и соглашательской печати, о чем т. Ленин писал так:

„Невидимая рука освободила как раз в день революционной демонстрации 460 уголовных преступников“.

„Невидимая рука“ оказалась очень на-руку контр-революции, ибо в ночь на 19 число во имя борьбы с анархией была разгромлена дача Дурново, а на С‘езде Советов „отдельные делегаты поднимались один за другим на трибуну, чтобы бросать Петроградским рабочим самые неумные, самые ограниченные упреки—у вас анархия, у вас нет никакой организации, нам надоело заниматься вашими питерскими беспорядками, вы серая масса, вы говорите по шпаргалке каких-то большевистских имяреков, провинция призовет вас к порядку, вы защищаете уголовных“...

„Только такие слова, — писал т. Ленин („Правда“, № 87, 21 июня)—нашлись у с‘ездовского большинства для Петроградских рабочих. Надо было слышать это, чтобы понять, в какой мере С‘езд говорит на различных языках с революционным авангардом России“.

А 19 июня, после „победы“ над анархией на даче Дурново, где действовали казаки и гвардейские солдаты из наиболее надежных рот, когда получено было известие—телеграмма Керенского Временному Правительству — о „великом торжестве русской революции — переходе армии в наступление“,—Невский проспект увидел снова демонстрацию.

Приводим ее описание также из „Новой Жизни“...

„После полудня манифестация в тысячу человек со знаменами красными и с национальными, с надписями:—группа „Единство“ — да здравствует наступление—да здравствует победа... Солдат в толпе было мало. Шествие остановилось у Казанского собора, где перед толпой выступил Г. В. Плеханов с патриотической речью, в которой он приветствовал наступление и победу русских войск, в чем он видит спасение России и всего мира. Другие ораторы тоже призывали к наступлению и разгрому противника. Затем, в Казанском соборе был отслужен молебен. Попытки лиц, пытавшихся обосновать свое несогласие с наступлением, пресекались в корне. Были аресты. Через несколько часов по Невскому направилась еще одна манифестация в несколько сот человек к Мариинскому дворцу. Возле Городской Думы шествие остановилось. Выступали ораторы, призывавшие к продолжению наступления с целью сломить врага. Некоторым ораторам, высказывавшимся против наступления, угрожали расправой“...

Поистине замечательная картина—„силы“ демонстрации.

Тысяча—несколько сот—национальные знамена,—молебен в Казанском соборе,—аресты большевиков,—угрозы,—насилия—и тут же Г. В. Плеханов—основатель русской социал-демократии, в 1876 г. на той же самой Казанской площади молодым студентом выступавший с горячей речью за революцию и за социализм на противоправительственной демонстрации!

Правда, 40 лет назад царское правительство не арестовало Плеханова лишь потому, что не с'умело. Теперь же Плеханову аплодировала вся буржуазная контр-революция.

6. Р. С.-Д. Р. П. большевиков — против неорганизованных и преждевременных выступлений рабочих и солдат.

18 июня 1917 г. началось, по выражению Керенского, „великое торжество русской революции — переход армии в наступление“.

19 июня С'езд Советов голосами меньшевиков и эс-эров особым воззванием одобрил это наступление.

От имени большевиков т. Позерн заявил, что „вся ответственность за приказ о наступлении ляжет на Временное Правительство и на меньшевиков и эс-эров, поддерживавших его“.

21-го — в Петергофе солдаты избили юнкеров-манифестантов, шедших с портретом Керенского по случаю наступления.

23 июня большевистская фракция постановила настаивать перед Исп. Комитетом Советов на созыве экстренного собрания рабочей секции для обсуждения вопроса о

борьбе с контр-революцией, на котором большевистская фракция решила предложить следующие практические меры:

1) оставить в силе договор, заключенный с Временным Правительством, о невыводе войск из Петрограда;

2) полная свобода агитации в войсках, как в тылу, так и на фронте (к этому времени среди ряда репрессий был уже арестован редактор „Окопной Правды“ т. Хаустов);

3) удовлетворение всех экономических требований Петроградских рабочих и работниц, одобренных профессиональными союзами;

4) предание суду невиновников нападения на рабочих и солдат во время буржуазных демонстраций в последние дни;

5) расследование деятельности контр-революционных организаций, не останавливаясь перед решительной борьбой против «союзных» капиталистов—если бы подтвердилось, что они стоят за спиною контр-революции;

6) обеспечить бумагою рабочие газеты;

7) запретить газетам печатание платных об'явлений и тем лишить контр-революционную печать ее главного источника доходов.

В то же время большевистская фракция Центрального Испольнительного Комитета Совета Р. и С. Д. подала того же 23 июня заявление в Центр. Исп. Комитет Совета Р. и С. Д. следующего характера:

«К нам поступил ряд сообщений, рисующих создавшееся в Петрограде положение, как тревожное, требующее немедленных и решительных предупредительных мер»...

В трех пунктах заявление указывало на факты:

1) о вооруженных манифестациях контр-революционных групп, избивающих и арестующих несогласных с манифестантами солдат, матросов и рабочих;

2) о том, что 1-му Пулеметному полку предписано в течение 7 дней выдать пулеметы и выступить двумя третями на фронт, каковое обстоятельство солдаты толкуют, как фактическое расформирование и взятие под прицел одного из революционных полков Петрограда, хотя солдаты полка давно выразили свое согласие отправляться на фронт, на общих основаниях... В Московском и Павловском полках приблизительно то же самое;

3) Правительство отказало путиловским рабочим в удовлетворении их законных экономических требований, и 40-тысячная масса путиловцев может каждый день забастовать и выйти на улицу.

«Все это вместе взятое, — говорило заявление, — создает крайне тревожное положение. Весть о расформировании облетает все полки и заводы, вызывая общее возмущение. Во мно-

гих полках солдаты спят с оружием в руках в ожидании нападения со стороны, как говорят они, контр-революционных сил. Вооруженные манифестации, избиения и аресты со стороны участников последних нервируют рабочих и солдат, создают желание вооруженного отпора. Положение делается угрожающим»...

В силу этого—заявление спрашивало, «что намерен Центр. Исп. Комитет предпринять для решительного отпора организующейся под флагом Временного Правительства контр-революции, а также против главных участников контр-революционного движения».

В том же номере «Правды»—от 23 июня 1917 г.—«Правда» писала...

«Она (контр-революция) хочет победить революцию истрепанным орудием всех контр-революций: провокацией. Систематически раздражая и дразня массы, становясь им на дороге то в том, то в другом пункте, вызывая их возмущение изо-дня в день ведущейся травлей, контр-революционная буржуазия надеется вызвать стихийное разрозненное выступление в выгодный для себя момент и, задавив их, стать хозяевами положения. Какой же момент был бы всего выгоднее для этой грязной провокационной политики?—Тот, когда карты наиболее спутаны, когда политическое сознание масс не отдало еще себе отчет во всей сложности обстановки, когда, как сейчас в связи с наступлением, шовинистические страсти захватывают наиболее широкие круги, когда, следовательно, легче всего было бы под знаменами восстановления порядка собрать все, что только можно. От «Речи» до «Маленькой газеты» ведется теперь эта кампания. Им хочется довести рабочих и солдат до той степени раздражения, когда движение принимает уже неорганизованный, разбросанный характер. Они надеются на этом выиграть свою игру»...

И «Правда» давала лозунг:

«Рабочие и солдаты не поддадутся на провокацию контр-революции! Самая строгая партийная дисциплина, самое точное выполнение партийных директив должны господствовать в наших рядах! Только этим мы обезвредим провокационную игру контр-революции!»

В то же самое время Совещание заводских комитетов, при участии представителей Центр. Совета фабрично-заводских комитетов, Центрального бюро профессиональных союзов, Правления союза металлистов, социалистических партий заводского и цеховых комитетов Путиловского завода обсудило вопрос о выступлении рабочих Путиловского завода в защиту пред'явленных им требований и заявило, что частичное экономическое выступление при данных условиях может повести

за собою неорганизованную политическую борьбу петроградских рабочих. Поэтому Совещание предложило путиловским рабочим „сдержать свое законное негодование против поведения министров, всеми мерами затянувших разрешение конфликта, и считать необходимым готовить силы для скорого общего выступления".

При этом Совещание нашло, что если бы даже путиловцы и добились повышения заработной платы, то беспрерывный рост цен на продукты и квартиры сейчас же свел бы на нет это завоевание, почему необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением, что в свою очередь требует перехода власти в руки Советов Р. С. и Кр. Деп

Наконец, 22 июня в „Солдатской Правде" появилось следующее воззвание:

„Военная организация обращается к товарищам солдатам и рабочим с просьбою не верить никаким призывам к выступлению на улицу от имени Военной Организации. К выступлению Военная Организация не призывает. Военная Организация в случае необходимости призовет к выступлению, в согласии с руководящими учреждениями нашей партии—Центральным Комитетом и Петербургским Комитетом. Товарищи, требуйте от каждого агитатора и оратора, призывающего к выступлению от имени Военной Организации, удостоверение за подписью председателя и секретаря Военной Организации и за печатью Военной Организации".

Перепечатав это воззвание на другой день, „Правда" в № 89 присовокупила: „Ц. К. нашей партии, а равно и П. К., всецело поддерживают это обращение".

Таким образом, Р. С.-Д. Р. П. большевиков прилагала все усилия к тому, чтобы не произошло неорганизованного стихийного выступления. Это не помешало впоследствии меньшевикам и эс-эрам толковать о «заговоре большевиков».

7. Кризис 2 июля Временного Правительства и уход кадетов.

Во время развития наступления на фронте, в воскресенье 2 июля 1917 г., совершенно неожиданно возник конфликт во Временном Правительстве.

Министры кадеты, в связи с заключением Временным Правительством соглашения с украинцами, потребовали пересмотра соглашения. Так как Временное Правительство с этим не согласилось, то министры кадеты Шингарев, Мануйлов, Шаховской и Некрасов (на другой день и Степанов, тов. министра

промышленности, заменявший ушедшего Коновалова) заявили об отставке.

Смысл кризиса был раз'яснен очень быстро самим главою Временного Правительства кн. Г. Львовым.

В № 109 «Известий» от 5 июля было напечатано сообщение кн. Львова журналистам по поводу кризиса.

«Кризис во Временном Правительстве, разразившийся в связи с украинским вопросом, — заявил кн. Львов,—явился несколько неожиданным. Некоторые члены Временного Правительства предполагали, что по этому вопросу могут возникнуть недоразумения и, даже столкновения, но во всяком случае не в такой острой форме». Причиной кризиса является собственно не украинский вопрос. Это не больше чем повод. Причину же надо искать значительно глубже—в расхождении точек зрения социалистической и буржуазной. Кадеты своим выходом из состава Временного Правительства поставили его в довольно тяжелое положение: благодаря их уходу из Временного Правительства получается впечатление, будто самая организованная часть буржуазии, выразителем которой являются кадеты, становится в оппозицию всему правительству».

Милюков в своей «Истории» также пишет: «Конечно, кризис разыгрался не из-за одного украинского вопроса»...

А Центр. Ком. партии Народной Свободы 2 июля сейчас же принял декларацию, в которой написал:

«Единое сильное правительство может быть создано либо усилением однородности его состава, либо такой его организацией, которая призывала бы элементы, входящие в состав его действовать в основных вопросах государственной жизни не путем перевеса большинства над меньшинством, а путем взаимных соглашений, направленных к осуществлению общенациональных задач».

Декларация кончалась обещанием поддерживать и впредь правительство «в наступлении на фронте и в поддержании порядка внутри государства».

8. Почему ушли кадеты? Что говорил большевизм?

«Почему кадеты»,—писал т. Троцкий («Революция в опасности»),—«взорвали коалицию именно 2 июля, сейчас трудно сказать с полной определенностью. Украинский вопрос являлся только предлогом. Весьма вероятно, что кадеты получили от американских биржевиков обязательство не давать денег чи-

сто советскому министерству и с этими козырями в руках решили шантажировать «революционную демократию». Возможно также, что кадеты, главные провокаторы наступления на фронте, спешили покинуть правительственные ряды в тот час, когда навязанное ими и через них наступление начало превращаться в трагическое отступление. Окончательно раскрыв таким путем свой облик контр-революционных вымогателей, кадеты вместе с тем обнажили противонародный характер той правительственной коалиции, в которой меньшевики и эс-эры предлагали трудящимся массам видеть единственное спасение революции».

«Уход кадетов из министерства», — писал т. Бухарин («От крушения царизма до падения буржуазии»), — «был логическим завершением их тактики саботажа. До министерских ушей уже успели дойти сведения о начавшихся неудачах и о предстоящем поражении на фронте. И они поступили так, как диктовал им холодный цинический рассчет. Тактика наступления была переложена ими на социалистов. Но они ни в малейшей степени не хотели нести ответственности за эту тактику. Им нужно было иметь руки развязанными в тот час, когда станут поступать сведения о неизбежном и неотвратимом. Им нужно было стоять в стороне, когда во всем об'еме станут ясны результаты военной авантюры Керенского. Пусть тогда сидят в качестве «ответственных»--социалистические дурачки»...

«Ход событий, — писал т. Ленин (брошюра «К моменту», июль, 1917 г.) — яснее ясного: все большее нарастание недовольства, нетерпения и возмущения масс, все большее обострение борьбы между пролетариатом и буржуазией, в особенности из-за влияния на мелко-буржуазные массы, а в связи с этим два крупнейших исторических события, подготовивших зависимость эс-эров и меньшевиков от контр-революционных кадетов»...

«Эти события: коалиционное министерство 6 мая, в котором эс-эры и меньшевики оказались прислужниками буржуазии, все более и более запутываясь в сделки и соглашения с нею, в тысяче услуг ей, в оттяжке необходимейших революционных мер, а затем наступление на фронте».

«Наступление неизбежно означало возобновление империалистской войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистской буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец... передача власти сначала военной, а потом и государственной вообще, в руки контр-революционных командных верхов армии».

«Таков ход исторических событий, углублявший и обострявший классовые противоречия с 20—21 апреля...

«2 и 3 июля движение наростает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, на-

ступлением. Кадеты уходят, играя в поддавки и ставя ультиматум эс-эрам и меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, расплачиваться за поражение и возмущение масс. Большевики 2 и 3 июля удерживают от выступления».

9. В чем была сущность „Украинского вопроса".

Что взрыв кадетами Коалиционного министерства заключался совершенно не в украинском вопросе — дело совершенно ясное.

В чем собственно заключался «украинский вопрос»?

В том, что 11 июня 1917 г. Всеукраинский войсковой с'езд издал универсальный акт об устроении Украины...

Этот акт говорил: «Не отделяясь от России, не разрывая с Российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью... Все законы, которыми должен устанавливаться порядок здесь на Украине, имеет право издавать только наше Украинское Собрание; те же законы, которыми будут устанавливаться порядок на протяжении всего Российского государства, должны издаваться Всероссийским парламентом».

Как относились большевики к украинскому, финляндскому и прочим вопросам национальных меньшинств? Это видно из следующего места статьи т. Ленина «Украина», помещенной в № 82 «Правды» от 15 июня 1917 г.

«Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым (царистским), должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе права на свободное отделение. Мы не сторонники мелких государств. Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих» и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, не навязывая им своей дружбы, а завоевывая ее отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм».

Буржуазия и в первую голову кадеты, величавшие себя «демократами», поспешили немедленно поднять крик против «отделения Украины».

«Речь», касаясь универсала Войскового С'езда, написала, что поступок украинцев есть «прямое преступление против

закона, который вызывает против себя немедленное применение суровых, законных кар».

Как относилась к делу «социалистическая демократия»?

Она и здесь предлагала отложить вопрос — до Учредительного Собрания.

«Социалистическая демократия» в вопросе предоставления украинцам автономии, ибо украинцы ничего большего, кроме автономии, т. е. права внутреннего самоуправления, не требовали, заняла позицию, примерно напоминавшую дни столкновения с Кронштадтом.

20 июня было постановлено командировать на Украину особую правительственную комиссию.

25-го Ц. К. кадетской партии признал недопустимым участие кадетов в этой комиссии.

29-го июня Церетелли, Керенский и Терещенко уже совещались в Киеве с представителями политических организаций об украинском вопросе.

В конце концов достигнуто было решение компромиссное... Вопрос в сущности снова передавался на разрешение Учредительн Собрания, и, лишь в качестве высшего органа управления прямыми делами Украины, Временное Правительство назначало генеральный секретариат Украины, причем состав этого секретариата Украины Врем. Правительство согласовало с Украиною.

Столь забронированная «автономия», во всяком случае, не могла быть для кадетов поводом к выходу из правительства, тем более, что, как удостоверяет Милюков, «Министры народной партии Народной Свободы, чтобы показать, что они вовсе не против областной автономии Украины, принесли с собой в заседание 2 июля только что состоявшееся решение Центр. Комитета партии внести областную автономию в программу и созвать комиссию для выработки законопроекта».

Они только, видите, «не могли признать без всяких изменений бесформенную и юридически-неграмотную декларацию Терещенки и Церетелли».

Но это утверждение Милюкова до крайности слабо, ибо если существенных разногласий по вопросу об областной автономии не было, то выходить из правительства по случаю безграмотной декларации—являлось по меньшей мере странным.

Дело было, конечно, не в декларации, а в изложенных уже нами выше соображениях кадетской партии.

С одной стороны, оставляя социалистов разделываться, как они хотят, и с провалившимся наступлением и с возмущением масс, кадеты принялись вырабатывать новые условия для социалистов, все более толкая податливых соседей на путь контр-революции.

Июльские дни обнажили со всей ясностью истинную подкладку дела.

10. Как „организаторы заговора“ узнают о стихийном выступлении. Конференция большевиков и начало июльских дней.

1 июля 1917 г. открыла свои заседания Общегородская конференция Петроградской организации Р.С.-Д.Р. П. большевиков.

По подсчету оказалось, что всего в Петроградской организации состояло свыше 32.000 чел. Из доклада т. Невского выяснилось, что Военная организация насчитывала до 2.000 членов партии и до 4.000 членов клуба «Правда», который не может считаться строго партийной организацией.

Тут же тов. Невский упомянул, что демонстрация 18 июня показала: «все полки, кроме Семеновского и Преображенского, шли под большевистскими лозунгами. Хотя мы имеем,—добавил т. Невский,—некоторые полки, которые можно считать вполне под нашим влиянием, но такой прочной организации, как среди рабочих, у нас не имеется, что об'ясняется крестьянским составом солдатской массы».

Тов. Подвойский, в дополнение к докладу т. Невского, указал, что с 1 мая влияние Р.С.-Д.Р.П. большевиков начинает в солдатской массе возрастать... Сам Гегечкори (один из меньшевистских вождей) после 10 июня не мог отрицать влияния большевиков на солдат. Однако, несмотря на влияние, военная организация не может строить таких крепких ячеек в полках, какие строятся на заводах и фабриках, в виду сильной текучести состава полков».

Тов. Володарский в отчете об агитационно-пропагандистской работе Петербургского Комитета подвел итоги этой работы: «Выборы в районные думы дали нам около 160.000 голосов; мы имеем большинство в рабочей секции Совета, влияние наше в массах укрепилось».

Таким образом, конференция удостоверяла рост организации и ее влияние среди рабочих и солдатских масс.

Но не успел т. Володарский на третий день заседания конференции кончить свой второй доклад о муниципальном, т.-е. касающемся городского самоуправления вопросе, как тов. Томский по поручению президиума довел до сведения собрания, что в Таврическом дворце происходит заседание Центр. Исп. Ком. Советов и что четыре кадета выходят из министерства... Бюро Центрального Исп. Ком. Советов решило выпустить призыв воздерживаться от выступления на улицу... Исполнительные Комитеты (Советов Р. и С. Д. и Советов Кр. Деп.) ищут компромисса с кадетами и, по всей вероятности, найдут его. Создавшийся конфликт стремятся смазать. Наш Центр. Коми-

тет приглашает членов и сочувствующих удержать массу от дальнейших выступлений, сказать ей, что Центр. Комитет и Петербургский Комитет, найдя необходимым выступить на улицу 10 июня, не решили вопроса о выступлении самостоятельно, а созвали представителей фабрик и полков... Сейчас выступившие полки поступали не по-товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении Комитета нашей партии, и поэтому партия не может брать на себя ответственности за это выступление. Центральный Комитет предлагает конференции выпустить воззвание, чтобы удержать массу и выработать обращение к Центральному Исп. Комитету—взять власть в свои руки.

Из сообщений других товарищей выяснилось, что пулеметчики решили выступить, и их делегации с призывом поддержать были разосланы по заводам и полкам.

Московский полк дал свое согласие на выступление с пулеметчиками, заводы дали автомобили. Нобель уже выступил. Розенкранц готовился выступать. Новый Парвиайнен удалось задержать, но только до тех пор, пока не двинулись пулеметчики. В Московском полку большевика, говорившего против выступления, назвали ликвидатором и не дали ему говорить. С большими усилиями удалось добиться отложить выступление и послать делегацию в Центральный Исп. Комитет...

180-ый полк решил выступать, послав делегата в Финляндский полк и в Дерябинские казармы. Московский и Пулеметный полки уже выступили. На Невский просп. высланы пулеметчиками вооруженные автомобили для сторожевого наблюдения. Московский полк и ряд заводов решили выступить вслед за пулеметным полком. Пулеметный полк строится и через несколько минут выступит. 180-ый полк без указания руководящих центров выступать не будет. На Путиловском заводе кем-то дан тревожный гудок, но рабочих удалось удержать от выступления, хотя часть их и выражала неудовольствие Центральным Комитетом Р.С.-Д.Р.П. за медлительность действий. По этому же самому поводу на Петербургской стороне все более и более начинает чувствоваться недовольство Центральным Комитетом...

Среди этих противоречивых сообщений, из коих совершенно явствует, что никакой организации выступления со стороны партии не было, что на местах партия удерживала,—что Ц. К. партии удерживал,—конференция постановила: 1) одной части разойтись по районам, 2) другой остаться и, подчиняясь решению Центр. Комитета, созвать для выяснения отношения к событиям представителей заводов и воинских частей.

Это происходило на третий день заседания конференции, т.-е. 3 июля 1917 года.

11. Третье июля и большевики по отчету Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. б. на VI С'езде.

На VI С'езде партии т. Сталин в отчете о политической деятельности Ц. К. подробно коснулся июльского выступления (С'езд происходил три недели спустя после июльских дней).

„3 июля, в 3 часа пополудни, в особняке Кшесинской на происходившей в это время общегородской конференции обсуждался муниципальный вопрос...

Неожиданно влетают двое делегатов от Пулеметного полка с внеочередным заявлением: „Наш полк хотят раскассировать, над нами издеваются, мы дальше ждать не можем и решили выступать, для чего уже разослали своих делегатов по заводам и полкам".

Представитель общегородской конференции Володарский заявляет, что партия решила не выступать.

Для Ц. К. было ясно, что и буржуазия и черносотенцы хотели бы вызвать нас на выступление, чтобы иметь возможность свалить на нас ответственность за авантюру наступления.

У нас было решено переждать момент наступления, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление, ни в коем случае не выступать, выждать и дать Временному Правительству исчерпать себя.

Тов. Володарский ответил делегатам, что у партии имеется решение не выступать и члены партии их полка должны подчиниться этому решению. Представители полка с протестом ушли.

В 4 часа созывается собрание Ц. К. в Таврическом дворце. Ц. К. решил воздержаться от выступления.

На заседании Бюро Ц.И.К.'а т. Сталин передал все факты, сообщил, что делегаты Пулеметного полка послали своих делегатов по заводам и фабрикам. Тов. Сталин предложил Бюро принять все меры к тому, чтобы выступление не состоялось. Это было по требованию большевистской фракции Ц.И.К.'а запротоколировано.

Г.г. эс-эры и меньшевики,—продолжал т. Сталин,—которые нас теперь обвиняют в подготовке выступления, позабывают об этом.

В 5 час. общегородская конференция Р.С.-Д.Р.П. большевиков постановляет не выступать. Все члены конференции расходятся по районам и заводам, чтобы удержать массы от выступления.

В 7 час. вечера к особняку Кшесинской подходят два полка со знаменами, с лозунгами: Вся власть Советам. Выступают два товарища: Лашевич и Кураев. Оба убеждают солдат не выступать и вернуться в казармы. Их встречают гиком—„долой"—чего еще никогда не бывало. В это время показывается демонстрация рабочих под лозунгом: Вся власть Советам.

Для всех становится ясно, что удержать выступление невозможно.

Тогда частное совещание членов Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П. большевиков высказывается за то, чтобы вмешаться в демонстрацию, предложить солдатам и рабочим действовать организованно, итти мирно к Таврическому дворцу, избрать делегатов и заявить через них о своих требованиях. Это решение встречается солдатами громом апплодисментов и марсельезой.

Часам к 10-ти вечера во дворце Кшесинской собираются члены Ц. К. и общегородской конференции, представители полков и заводов. Признается необходимым перерешить вопрос, вмешаться и овладеть уже начавшимся движением. Было бы преступлением со стороны партии умыть руки в этот момент.

С этим решением Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. большевиков переходит в Таврический дворец, потому что туда направляются солдаты и рабочие.

В это время происходит заседание рабочей секции Совета. Выступает т. Зиновьев и ставит вопрос об уже начавшемся движении. Под давлением этого обстоятельства рабочая секция решает вмешаться в движение и придать ему организованный характер, так как масса, не имея никаких руководящих указаний, легко может быть спровоцирована.

По этому вопросу рабочая секция Совета раскалывается: меньшинство—1/3 покидает заседание, большинство—2/3 остается, выбирают Временный Комитет из 15 человек, которому и поручают действовать.

Часов в 11 ночи агитаторы и делегаты то и дело возвращаются из районов.

Ставится на обсуждение вопрос о назначении демонстрации на 4-е июля. Предложение не устраивать демонстрации громадным большинством отвергается, как явно утопическое. Для всех ясно, что выступление все равно будет и Ц. К. с П. К. назначают на 4 июля мирную демонстрацию... Выпускается листок соответствующего содержания.

Было бы,—говорил т. Сталин,—неразумным, нелогичным обвинять нас в том, что мы, желавшие передать всю власть Советам, стремились бы с оружием в руках захватить

власть в свои руки. Характерно, что сами представители так называемой революционной демократии признают, что Р.С.-Д.Р.П. большевиков непричастна к воззванию. Это прямо заявил официальный представитель Исп. Ком. Войтинский, об этом же говорится в воззвании к солдатам и рабочим от Всероссийского С'езда.

Ленин в это время отсутствовал. Он уехал 29 июня и приехал в Петроград только 4 июля утром, после того как решение о вмешательстве в движение было уже принято. Тов. Ленин одобрил это решение.

Выступало не менее 500.000. Слухи о том, что демонстранты хотели арестовать министров, избивали их и проч. не правильны. Ни одной попытки захватить хоть одно учреждение не было, если не считать выходок хулиганских групп и уголовных.

4 июля, когда демонстрация мирно шла, на углу Невского пр. и Садовой началась стрельба по демонстрантам...

Целый ряд делегаций в Таврический дворец заявил о том, что единственный выход из создавшегося положения—взять советам власть в свои руки. Центр. Исп. Комитет на это отвечает отказом, после чего часть солдат уходит, считая свое дело оконченным, другая часть остается.

Поворотным моментом является опубликование документов об „измене Ленина". Выяснилось, что „материал" в Ставке имелся давно. После этого стало ясно, что публикацией документов хотели вызвать ярость солдат против большевиков. Конечно, тут был главный расчет на психологию солдат, на которых больше всего должно было повлиять известие о том, что Ленин—германский шпион...

Второй факт—слухи с фронта о том, что начался прорыв, о чем знают только лидеры Совета Р. и С. Д. Этот факт (разгрома наступления) произвел на лидеров ошеломляющее впечатление... Круто изменилось к нам — заканчивал доклад т. Сталин,—отношение меньшевиков и эс-эров. Люди, говорившие с нами, как товарищи, вдруг призвали для охраны Таврического дворца войска, заявили, что мы вызвали вооруженное восстание, и об'явили нас изменниками революции. Моментальная перемена фронта—несмотря на наше решение прекратить к завтрашнему дню демонстрации, так как мы считали, что демонстранты достаточно выявили свою волю.

12. Июльские дни по докладу Военной Организации Р.С.-Д.Р.П. больш.

16 июля 1917 г. Вторая Общегородская конференция Петроградской организации Р.С.-Д.Р.П. большевиков, прервавшая, как мы видели, свои занятия 3 июля, возобновила их [1].

В докладах конференции прекрасным материалом для июльских дней является доклад т. Н. Подвойского о состоянии Военной организации.

События 3—4 июля,—сказал т. Подвойский, упомянув предварительно о том, что в контр-разведке Временного Правительства есть приказ об аресте всех членов Военной организации,—подтвердили, что мы были правы, когда стремились закрепить свое влияние организационно. Те полки, где наши коллективы были сильнее, как Московский, Гренадерский, 180-ый, 6-ой запасный саперный, проявили больше революционного такта, чем те полки, где наше влияние было сильно, но организация была слаба, как 1-ый пулеметный полк, допустивший 3—4 июля много эксцессов.

— Начиная с подготовки демонстрации, 18 июня с ясностью выяснилось, что можно воздействовать на полки, можно добиться руководства над их выступлением, но, в смысле организационной связи с полками, дело обстоит не так благополучно.

— После 18 июня не было ни одного номера «Солдатской Правды», где бы не было призыва к организации и к выдержке против провокационных вызовов.

— Конференция военных организаций 16 июня протекала в страшно тяжелой атмосфере... Половину своей работы конференты употребили на то, чтобы внести успокоение в умы солдат Петроградского гарнизона и доказать, что без стройной организации выступление будет равносильно преступлению.

— Но мы не могли скрывать от себя, что движение в ближайшие дни выльется. Несмотря на это, движение 3 июля было для нас неожиданностью.

2 июля у нас состоялись собрания коллективов, на которых вопрос о наступлении даже не поднимался.

Нужно думать, что, на-ряду с чистой работой, велась и нечистая, о которой наши ячейки оказались неосведомленными.

Только 3 июля в 10 час. утра нам стало известно, что Пулеметный полк решил выступать.

До 5 час. в Пулеметном полку побывали 23 товарища, командированные Военной организацией для умиротворения полка. За каждой делегацией пулеметчиков в полки мы по пятам посылали своих товарищей, всюду стараясь ликвидировать начавшееся выступление. Во всех полках,

[1]) См. сборн. „3—5 июля 1917 г." 1922. Петроград.

кроме Павловского, наши товарищи имели успех, и к 5 часам выяснилось, что только Павловский полк не надежен и что даже пулеметчики поколебались... В 5 час. казалось, что выступление можно ликвидировать.

Через полтора часа после ухода наших товарищей из Пулеметного полка, мы получили уведомление, что Пулеметный полк выступил и идет по направлению к дворцу Кшесинской. Все усилия Военной организации таким образом оказались тщетными. Повидимому, были какие-то другие силы.

У дворца Кшесинской мы сделали еще одну попытку—говорил т. Подвойский,—остановить выступление и предложили пулеметчикам, выбрав делегацию для посылки в Центральный Исп. Комитет с требованием взять власть в свои руки, вернуться в казармы. Говорили с балкона—я, Невский, Свердлов, Кураев, пулеметчик Ильинский, Лашевич, Слуцкий и пр.

Отношение к ораторам было настолько враждебное, что многие пулеметчики для демонстрации этого настроения взяли свои винтовки на изготовку.

Увидя, что наше предложение проиграно, мы предложили им итти мирно, без эксцессов, оставив одну роту для охраны Петропавловской крепости и дворца Кшесинской.

К $8^1/_2$ часам мы получили известие, что Гренадерский, Московский и 180-й полки были уже в пути. Тогда члены Военной организиции поехали к Таврическому дворцу, чтобы внести некоторую планомерность в переговоры с Центральным Исп. Комитетом.

Несмотря на провокационные выстрелы, войска, за исключением 1-го Пулеметного, не употребляли оружия. Наибольшее хладнокровие проявил Гренадерский полк и как раз те его роты, которые организационно были всего ближе к нам. Когда пулеметчики, поддавшись провокации, открыли огонь, гренадеры заявили им, что будут в них стрелять, если те не прекратят пальбу, для чего и залегли по сторонам... На 4-ое июля в ночь настроение в полках было безусловно подавленное, в то время как настроение среди рабочих и не вышедших накануне полков поднялось.

Таким образом—такова правда о «подготовке» июльского выступления.

Общая картина этого выступления, которую мы изложим сейчас читателю, еще яснее покажет, что июльское движение, как это и отметил в упоминавшейся нами брошюре «К моменту» т. Ленин, однородно по своему характеру с выступлением 20—21 апреля: «стихийный взрыв недовольства, нетерпения и возмущения масс, провокационные выстрелы справа, клеветни-

ческие вопли буржуазии и кадет, крайнее обострение борьбы между пролетарской массой и буржуазией; полнейшая растерянность мелкобуржуазных партий—эс-эров и меньшевиков, гигантский размах колебаний в их политике и в вопросе о государственной власти вообще»...

13. Общая картина июльского выступления („Правда“).

«Еще 3 го июля, когда по городу пролетел слух о колебаниях коалиционного министерства и о нерешительности в такой момент меньшевиков и эс-эров,—на заводах, в казармах и улицах, в рабочих кварталах начались бурные обсуждения всех этих вопросов. Кроме того, в отдельных частях солдаты и рабочие начали вооружаться, занимать автомобили, ставить туда пулеметы и двинулись на Невский».

«Вся «чистая» публика с Невского пропала, как только появились автомобили с вооруженными солдатами и красногвардейцами. Вооруженные автомобили бродили почти всю ночь. Точно также всю ночь происходили совещания представителей заводских, войсковых, партийных и других коллективов».

«Делегаты совещаний, оценивая момент и рост недовольства масс, все в один голос заявили, что, несмотря ни на какие возможные запрещения, демонстрация состоится, а потому необходимо, чтобы демонстрации прошли более организованно и по возможности без кровопролития. В этом смысле за полночь была принята резолюция. С раннего утра началась организация демонстрации».

«Во всех крупных заводах и воинских частях Выборгской стороны—были заведены постоянные дежурства, и утром начались митинги, производили выборы делегатов для переговоров с Советом и руководителей демонстрацией».

«С 10—11 часов утра из районов потянулись стройные вооруженные демонстрации солдат и рабочих. Центр демонстрации—Государственная Дума. Делегаты от заводов и воинских частей стали являться в Совет с ультимативными требованиями: взять Совету власть в свои руки».

«К Думе прибывают все новые и новые взводы рабочих из районов. Движение растет, втягиваются все новые и новые элементы населения. Бастуют все фабрики и заводы».

Так сообщала первая корреспонденция «Правды» в № 99 от 5 июля 1917 года.

Затем шел целый ряд подробных описаний июльских событий.

14. События 3-го и ночи 4-го июля по „Правде".

«В 9-ом часу вечера, 3-го июля—говорило одно из них—по Большому проспекту Петроградской стороны промчалось несколько автомобилей с пулеметами. Обывательская публика испуганно смотрела на эти пулеметы и с изумлением спрашивала: что это значит? Видимо, обыватель не был осведомлен о событиях. Только рабочие и солдаты, чутко прислушивающиеся к политическим событиям, были в курсе дела и оценили серьезность положения момента. Автомобили с пулеметами проезжали по Большому проспекту без всяких знамен, плакатов и без всяких возгласов. Вооруженные винтовками команды, охранявшие пулеметы и автомобили, были серьезно сосредоточены и держали винтовки наготове».

Сравнивая это описание с излагавшимися уже нами сообщениями на 2-ой общегородской конференции Р. С.-Д. Р. П. (б.) можно увидеть, что речь, очевидно, идет о тех вооруженных автомобилях, которые пулеметный полк выслал для сторожевого наблюдения.

«В 11-м часу ночи 3-го июля»—продолжает корреспонденция «Правды»—(тов. Бреслава) «везде на улицах были вооруженные команды солдат и значительные кучки народа, толковавшие о событиях. Многие из публики, по обыкновению, обвиняли во всем большевиков. Рабочие же элементы ставили вопросы: «кто зовет на улицу, по чьему зову выступают».

«Ответить толком на эти вопросы никто не мог».

«Через некоторое время стал выясняться для всех стихийный характер движения. Многие стали звать к спокойствию и к выжиданию директив организации, а многие указывали на необходимость придать стихийному движению организованность, добиваться смены правительства—передачи всей власти Совету, ибо 4 месяца, прошедшие со времени февральского переворота, показали, что ни чисто-буржуазное, ни коалиционное министерство не способно вывести страну из того тупика, в котором она находится»...

«Многие обрадовались, когда стало известно, что Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. большевиков решил поддерживать движение и призвать к мирному выступлению с требованием передачи всей власти Совету».

«В это же время, т. е. в 11-м часу ночи 3-го июля, Большой проспект Петроградской стороны пересекала манифестация рабочих завода Вулкан. Манифестанты шли стройными рядами со знаменами, с надписями на них:—Долой всех министров-капиталистов—Вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«Манифестация направилась по Введенской улице к Кронверкскому и к Троицкому мосту. На мосту встречалась масса автомобилей с пулеметами, вооруженными командами солдат, приветствовавших манифестантов, когда прочитывали надписи на их знаменах».

«Перейдя мост, манифестанты направились по набережной, намереваясь итти к Таврическому дворцу. В это время появился автомобиль, с которого один суб'ект в вольной одежде заявил, что на Невском обезоруживают рабочих и отбирают пулеметы у революционных солдат. На вопрос: кто обезоруживает?—он ответил:—Да; буржуазия!»

«После этого манифестация повернула на Марсово поле, направляясь к Невскому. Подходя к могилам Жертв Революции, манифестанты запели—«Вы жертвою пали»—и потребовали ото всех снять шапки».

«Невский проспект был заполнен солдатами и рабочими, и манифестанты завода Вулкан смешались с ними».

«Около 12 часов ночи, когда по Невскому проходил Гренадерский полк, около Гостиного и Публичной библиотеки откуда-то была открыта стрельба, продолжавшаяся минут 10».

«Солдаты всех полков, находившихся на Невском, из предосторожности залегли, а вольная публика в паническом страхе бросилась бежать в боковые улицы. Произошла давка. Были раненые и убитые».

«В угловом доме на углу Садовой и Невского против Публичной библиотеки стояли казаки, и у всех было подозрение, что стреляли они».

«Стрельба прекратилась скоро, и паника прошла».

«Подошли рабочие Путиловского завода, вооруженные, и всей своей массой, организованностью и стройностью своего шествия окончательно рассеяли испуг публики».

«К Путиловцам присоединились и публика и армия, и всей массой направились к Таврическому дворцу с намерением пред'явить там требование о переходе всей власти к Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

15. Выступление 3-го июля в изложении „Известий".

В официальном органе «социалистической демократии»—«Известиях», в № 108 от 4 июля 1917 года, события 3-го и в ночь на 4-ое июля излагались так:

«Петроград вновь переживает трагически беспокойные дни...

«С одной стороны, кризис власти, вызванный отставкой кадетов-министров Шингарева, Мануйлова, Шаховского, с другой стороны—уличное движение, подготовленное большевистской агитацией» (Курсив наш).

«С раннего утра в Исп. Комитет начали поступать сведения, что солдаты 1 пулеметного полка решили вооруженными выступить на улицу, с требованием свержения Временного Правительства...

«Пулеметчики группами рассеялись по городу, захватывая по дороге автомобили, призывая рабочих и солдат выходить на улицу».

«Исполнительный Комитет немедленно принял ряд мер к ликвидации движения. Члены И. К. и члены агитационной комиссии раз'ехались по городу».

«В то же время Исполнительный Комитет выпустил специальное воззвание»:

«Товарищи солдаты и рабочие!»

«Неизвестные лица, вопреки ясно выраженной воле всех без исключения социалистических партий, зовут вас выйти с оружием на улицы. Этим способом вам предлагают протестовать против расформирования полков, запятнавших себя на фронте преступным нарушением своего долга перед революцией».

«Мы, уполномоченные представители революционной демократии всей России, заявляем Вам:

«Расформирование полков на фронте произведено по требованию армейских и фронтовых организаций и согласно приказу избранного нами военного министра тов. А. Ф. Керенского.

«Выступление на защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте».

«Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва Главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами».

«Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией,—мы об'явим изменниками и врагами революции.

«К исполнению настоящего постановления будут приняты все меры, находящиеся в нашем распоряжении.

Бюро Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Бюро Всероссийского Исполнительного Комитета Советов Крестьянских Депутатов».

«Тем не менее с 5 часов дня 1 пулеметный полк, часть Московского, часть Гренадерского и часть Павловского полка вышли вооруженные на улицу. К ним присоединились отдельные толпы рабочих.

«Вся эта вооруженная масса направилась частью к Мариинскому, частью к Таврическому дворцу, частью к помещению Исп. Ком. Крестьянских Депутатов».

У Таврического дворца.

«В 10½ часов вечера к Таврическому дворцу подходит I пулеметный полк. У здания дворца образовали митинг. Пулеметный полк избирает из своей среды делегатов для переговоров с Центр. Всерос. Комитетом С. Р. и С. Д. Вместо тов. Чхеидзе, у которого болело горло, выступил тов. Войтинский».

«Товарищи, приветствую вас от имени Всер. Исп. Ком. С. Р. и С. Д., я знаю, что привело вас сюда: боязнь за свободу. Вы боитесь, что вашей свободе, рожденной в крови, муках, грозит—контр-революция. Товарищи, верьте мне, что завтра, во время нашего заседания, ваши желания будут приняты во внимание, но я должен сказать правду, которую вы должны выслушать. Товарищи, мы—представители всей революционной демократии, и, если наше постановление разойдется с вашим, то это будет означать, что ваши требования—это только ваши требования. А потому призываю вас к преклонению перед волей демократии. Если же завтра в нашем постановлении восторжествует ваша мысль, то честь вам и слава! Вы, значит, тогда отразите мнение всей России». После тов. Войтинского выступают другие ораторы. Настроение мирное.

В дальнейшем «Известия» описывают события у дворца Кшесинской...

«К 8-ми часам вечера (3 июля) к Штабу большевиков,—дворцу Кшесинской на Петроградской стороне, стали стекаться отдельные части I пулеметного полка, Московского и Гренадерского в полном боевом вооружении, с красными знаменами и плакатами демонстрации 18-го июня, требующими ухода 10-ти буржуазных министров».

«К флигелю Кшесинской то и дело под'езжают один за другим фургоны с пулеметами и просто автомобили, вооруженные стрелками и пулеметами».

«Все движение к прилегающему району с Марсовой площади через Троицкий мост и дальше по Каменноостровскому проспекту прекращено. С балкона дачи раздаются речи. Настроение солдат серьезно-сосредоточенное».

«На вопросы охотно отвечают, что идут искать министров и в первую голову Керенского».

«Вскоре вся масса разбивается на части, и отдельными частями направляется в разные стороны. Одна часть, как удается выяснить, отправляется к Мариинскому дворцу, одна в Таврический дворец и одна к Петропавловской крепости. За первыми двумя частями двигается толпа рабочих и работниц с песнями и знаменами. Всех сопровождают фургоны с пулеметами».

Тут же описывается и то, что происходило—у Петропавловской крепости...

«Следуя за частью, отправившейся в Петропавловскую крепость, доходим до ворот, где и останавливаемся. В виду возможности стрельбы, солдаты удаляют штатскую публику. Делегаты солдат отправляются для переговоров с караулом, требуя впуска под предлогом того, что заключенных могут освободить под шум сообщений, ибо охрана недостаточно сильна.

«С согласия охраны рота входит во двор, за нею следует очень солидный мотор с пулеметами. Вскоре на башнях можно было видеть солдат, стоящих группами...

«...Улицы, ведущие к Невскому проспекту, понемногу пустеют. Вооруженные автомобили и пулеметные фургоны мчатся с неимоверной быстротой во все стороны.

«Картина общего тревожного ожидания».

«Известия», конечно, не могли обойтись, не изобразив «попытки ареста министров».

«В 9 час. 40 минут вечера к под'езду Князя Львова под'ехал автомобиль, вооруженный пулеметами, с 6 вооруженными и четырьмя невооруженными людьми».

«Под'ехавшие в моторе потребовали выдачи всех находящихся в квартире князя министров и при этом заявили, что они реквизируют все моторы Временного Правительства».

«Об этом доложили находившимся на заседании министрам,— князю Львову, Церетелли, Чернову и Некрасову. Церетелли из'явил желание переговорить с приехавшими. Но пока Церетелли дошел до выхода, вооруженный мотор скрылся».

«Ровно в 10 часов он появился снова и не успели об этом доложить министрам, как один из двух моторов Временного Правительства, стоявших у под'езда, был арестован и увезен».

«Мотор оказался принадлежащим министрам, и, несмотря на заявление швейцара, что Церетелли просил мотор не трогать, последовал ответ:

— Обойдутся и одним автомобилем».

«В 7 часов 45 мин. вечера к Балтийскому вокзалу прибыло 6 вооруженных автомобилей с пулеметами. Автомобили прибыли с целью воспрепятствовать от'езду Керенского, однако, попытка эта не могла дать никаких результатов, ибо Керенский еще в 6 часов вечера отбыл на фронт».

16. Описание событий 3 июля и оценка их „революционной демократией".

Таким образом, если отбросить такие словечки, как «подготовка большевистской агитацией»—«отдельные толпы рабочих» и т. п.,—изложение событий вечера 3 июля и в ночь на 4-е в «Известиях» примерно таково же, как и в «Правде». Конечно, раздуты «аресты», которые не были произведены, и «угон автомобиля», но для органа «революционной демократии» без этого обойтись было невозможно, ибо орган «демократии писал» в это время такую передовицу:

«В один и тот же день на революционную власть, на полномочные органы революционной демократии, на их ясно

выраженную волю, были сделаны два покушения. Одно покушение было произведено справа, другое слева».

Затем следовало описание покушения «справа», т. е. выход кадет из министерства, при чем заявлялось, что кадеты ушли из министерства вовсе не из-за украинского вопроса, а потому, что они «против дальнейших завоеваний революции, против ее расширения... Они не хотят помогать делу революции, не хотят участвовать ни в ее неудачах, ни в ее победах».

«И постольку, — говорили «Известия», — поскольку уход кадетов окончательно выявил эту линию нашей империалистической буржуазии, кадеты сами решительно и бесповоротно отбрасывали себя в лагерь врагов революции. Революции не страшен открытый разрыв с кадетами и с империалистами всех оттенков. Полномочные органы революционной демократии сумели бы быстро ликвидировать кризис власти».

Но, оказывается,—«не одни кадеты пытаются взорвать революционную власть и поставить на карту судьбу страны».

«Под влиянием совершенно безответственной агитации большевиков, использовавшей для своих целей естественное недовольство и брожение пролетарских и солдатских масс, вызванных тяжелым экономическим кризисом, часть петроградского пролетариата и армии вышла вооруженная на улицу».

«Их знамена, — писали «Известия», — говорили о передаче всей власти Советам, об окончании войны. Но разве не они сами выступали прежде всего против воли Советов всей России... Что будет, если заведомое меньшинство демократии, вопреки воле всего народа, вопреки воле даже большинства Петроградских солдат—силой захочет навязать свою волю всей стране».

«Этот день, — восклицали «Известия», — будет днем гибели революции!»

17. Заседания 3-го и ночи 4-го июля. Ц. И. К. и рабочая секция Петроградского Совета.

3-го июля в 11 час. 40 мин. происходило заседание Центр. Исп. Комитета Советов, на котором Церетелли произносил следующую речь:

«Совершился частный кризис во Временном Правительстве. Кадеты из правительства ушли. Перед революционной демократией встает вопрос о том, как сконструировать власть... И в этот момент выходить на улицы с требованием—Вся власть Советам,—есть ли это поддержка Советов? Если бы Советы пожелали—власть могла бы перейти к ним. Но в этот момент выступают с лозунгами, которые хотят навя-

зать Советам с оружием в руках... Мы должны сказать, что решение революционной демократии штыками продиктованы быть не могут, и мы должны призвать всех верных делу революции стать на защиту полномочного органа демократии и на защиту дела революции».

В этой речи все было хорошо — и утверждение, что выход кадетов есть частный кризис, а не гибель коалиции, и то, что требование всей власти Советам контр-революционно... Было лишь одно место, которое могло бы очень хорошо быть обращенным против Церетелли и его друзей. Именно:—Церетелли сказал — «препятствий ни с какой другой стороны воле Советов нет. Лозунги эти, значит, направлены против Советов. Такие лозунги и шаги гибельны для дела революции. Это мнение Всероссийского С'езда. Мы поставлены здесь именно для того, чтобы осуществить волю Всероссийской демократии».

На втором С'езде Советов в Октябре 1917 г. подавляющее большинство с'езда высказалось за то, чтобы Советы взяли всю власть. Однако, Церетелли и его друзья не только не подчинились воле Всероссийской демократии, но немедленно открыли против нее гражданскую войну. Очевидно, Церетелли полагал, что воля демократии на вечные времена может выражаться только меньшевиками и эс-эрами.

В соответствии с своим соратником по партии меньшевик Дан восклицал: «ужас положения в том, что для части товарищей центральных органов революционной демократии не существует... На улицах революционный народ, но этот народ совершает контр-революционное дело.

Некий Кондратенко углубил вопрос: «тех», — заявил он, «кто направили массы и сами не в состоянии будут остановить их, — тех мы считаем изменниками и предателями дела свободы».

На этом же заседании весьма картинно всплыла и ненависть к Петрограду.

«Нельзя допустить,—говорил депутат Кукушкин,—разрыва между Петроградом и страной».

«В этот час, — восклицал депутат Тянкин, — один город всаживает нож в спину армии, создает анархию».

Однако, в рабочей секции Петроградского Совета Р. и С. Д. дело обстояло несколько иначе.

«Порядок дня», — повествуют «Известия», — «принимается большевистский. Вопрос (о том, выносить ли резолюцию или не выносить, ожидая резолюцию Исп. Комитета) ставится на голосование, и принимается большинством голосов предложение большевиков (принять резолюцию и просить Исп. Комитет поддержать ее)»...

Докладчиком выступал т. Зиновьев. Выступления светил «революционной демократии»—а тут были и Либер и Чхеидзе—успеха не имели. Тов. Троцкий подчеркнул, что «сегодняшнее выступление есть следствие политики правительства и ошибки со стороны тех партий, которые видят контр-революцию слева, тогда как она надвигается справа».

«В заключение бурных прений, — писали «Известия»,—социалисты-революционеры и меньшевики покинули зал. Оставшаяся группа большевиков принимает следующую резолюцию: «В виду кризиса власти, рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский Совет Раб., Солд. и Крест. Депутатов взял в свои руки всю власть. Рабочая секция обязуется содействовать этому всеми силами, надеясь найти в этом полную поддержку со стороны солдатской секции. Рабочая секция выбирает бюро рабочей секции из 25 чел., которому поручает действовать от имени рабочей секции в контакте с Петроградским и Всероссийским Исполн. Комитетами. Все остальные члены данного собрания уходят в районы, извещают рабочих и солдат».

Таким образом, рабочая часть Петрограда — в органе революционной демократии, Петроградском Совете—была за большевиков. Социалисты-революционеры и меньшевики не нашли ничего лучшего, как «покинуть зал заседания», а «Известия» весьма правдиво написали, что оставшаяся «группа» большевиков приняла резолюцию. Неужели это только от «группы», а не от большинства, покинули зал заседания эс-эры и меньшевики?

18. 4-ое июля по „Правде“ и „Известиям“. Чего не могли скрыть „Известия“.

События 4 числа излагались в «Правде» в ряде корреспонденций.

«4 июля,—говорила одна из корреспонденций,—«в 12-м часу в Петроград пришли войска из Кронштадта. Огромной длинной лентой они прошли по городу в полном вооружении. Отряды матросов чередовались с отрядами солдат. За ними шли огромные манифестации рабочих Петроградского и Василеостровского районов. Впереди и сзади рабочих манифестантов — вооруженные рабочие дружины. По бокам находились броневые автомобили. На всех многочисленных знаменах — только две надписи: «Долой министров-капиталистов» и «Вся власть Совету Раб., Солд. и Кр. Депутатов»...

— «На многих улицах города идет беспорядочная стрельба, наводящая панику на обывательскую публику, многие из этой публики спешат к вокзалам, покидая все и удирая из Петро-

града. Среди тех немногочисленных кучек обывателей, которые где либо соберутся толковать, замечается сильное озлобление против солдат и рабочих».

«В третьем часу дня по Невскому пр., 4-го июля», — говорила другая корреспонденция,—«направлялась, заворачивая с Садовой ул. к Таврическому дворцу, манифестация Василеостровского района. Шествие происходило в следующем порядке: кронштадтцы — ученики различных морских школ, затем двигался Балтийский завод. Все шло мирно и спокойно: стройными рядами деловито шли рабочие и солдаты, чтобы заявить о своих требованиях. Но вот в тот момент, когда проходили последние ряды рабочих Балтийского завода и показался оркестр Кронштадтских матросов, с углового дома, в котором помещается контора «Вечернего Времени» или из соседних с ним, раздалась беспорядочная и частая стрельба, результатом которой в первый момент был переполох...

Но публика быстро оправилась, матросы восстановили порядок, и под звуки Марсельезы демонстрация двинулась дальше.

«Против дома—рядом с домом Елисеева—снова стрельба—повидимому, с дома или с крыш. Несмотря на стрельбу по манифестантам, матросы уже рядов не расстраивали и только требовали криком закрывать окна. Вся эта стрельба носила явно провокационный характер, но матросы на провокацию не поддались и пошли дальше.

Стрельбы на улицах касается и корреспонденция т. Гальперна (№ 99 «Правды»).

«По Невскому пр., — пишет он, — шли кронштадтцы, рабочие и солдаты. Впереди бронированные автомобили. Когда они сравнялись с Литейным — сверху начали стрелять из окон. Стреляли из домов, Невский уг. Литейного и Невский уг. Владимирского — напротив. Солдаты манифестанты обстреливали дома, отвечая. В результате 4 убитых: 1 вольный, 1 солдат и 2 матроса, человек 10 раненых... В 3 час. 30 мин. я присутствовал при демонстрации Московского района завода Скороход. Демонстрация была мирная, вооружена была только милиция, рабочие и женщины, несколько тысяч. Они шли по Надеждинской и свернули на Николаевскую. Несли плакаты: «Хлеба, мира, свободы». — «Долой министров-капиталистов». Шли мирно»...

«Комитет 1 Городского района устроил мирную манифестацию. Меньшевики и эс-эры удерживали рабочих, но они все-таки пошли, особенно женщины. Заводы Судаева, Тумана, Бумагопрядильня—преобладали женщины, никто не был вооружен... Идут стройно, впечатление хорошее. Весь районный комитет. Наши плакаты, наше знамя.

«В 2 ч. 30 м. дня по Мойке проезжал грузовой автомобиль с 4 пулеметами. Когда автомобиль сравнялся с зданием Штаба

Гвардейскогого корпуса, говорят, что оттуда раздались выстрелы. Другие говорят, что первый выстрел был из винтовки с автомобиля. Затем затрещали пулеметы. Из стрелявших со стороны штаба казаков никто не ранен. Были обыски в районе Кирочной и Литейного, и с чердаков сняли несколько пулеметов».

В «Известиях» события излагались так.

Во-первых, сообщалось о действиях правительства.

«В полном согласии,—писали «Известия»,—с Исполнительным Комитетом Совета, правительство решило принять все меры к очищению Петрограда от вооруженных толп и к водворению порядка на улицах Петрограда. Соответствующие указания были даны главнокомандующему Петроградским Военным Округом ген. Половцеву. Было решено разоружить как отдельных ходящих по улицам Петрограда лиц, так и передвигающиеся по Петрограду вооруженные автомобили. Штабом военного округа был выработан подробный план действий, и к 7 час. вечера на Дворцовую площадь штаба военного округа прибыли: Владимирское военное училище, 9-ый кавалерийский полк и 1-ый казачий полк. Вскоре сюда же прибыл взвод артиллерии».

Однако, силы правительства, равно как и авторитет революционной демократии, запретившей всякие демонстрации, были совершенно не велики. И приказы ген. Половцева и обращения «революционной демократии» никакого действия не имели. Потребовался вызов «надежных» частей, а пока—утром 4-го демонстрации начались своим путем.

«В 10 ч. 20 мин. утра,—пишут «Известия»,—прибыли из Ораниенбаума пулеметчики с пулеметами... Около 12 час. дня у Николаевского моста высадились кронштадтцы... Число их достигает около 30 тыс. Они заняли Николаевский мост... Постояв там около часа, двинулись в город, вооруженные винтовками.

«В это время в редакцию поступили сведения, что на улицах Петрограда идет многочисленная толпа вооруженных рабочих. Раз'езжают автомобили с солдатами, вооруженные винтовками и пулеметами... До 12 час. не было никаких сообщений о стрельбе.

«В 12 ч. 15 м нам сообщили, что со стороны Николаевского вокзала вдоль Невского просп. раздались пулеметные и ружейные выстрелы. Вся безоружная толпа в панике бросилась бежать и попряталась в под'ездах и подворотнях. В это время откуда-то с крыш и окон домов, прилегающих к Литейному просп, раздались провокационные выстрелы. Проходившие в это время солдаты начали беспорядочную стрельбу, еще больше усилившую панику» (Курсив наш).

Таким образом, по сути дела «Известия» подтвердили, кто первый начинал стрелять, какие провокаторские руки обстреливали рабоче-солдатские демонстрации.

Еще яснее это выражено в следующих сообщениях «Известий»:

«На углу Литейного и Фурштадтской стоял пулемет на крыше одного дома и во время паники обстреливал толпу... На Садовой ул. шла 60-тысячная толпа рабочих многих заводов. В то время, как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни и как бы по сигналу с крыш домов началась стрельба ружейная и пулеметная. Когда толпа рабочих бросилась на другую сторону улицы, то с крыш противоположной стороны также раздавались выстрелы... В одном из домов найдены два пулемета, несколько бомбометов и много винтовок... В 6 час. вечера на угол Надеждинской и Невского пришел Московский полк... Раздался какой-то крик: ребята, бегите. В это время раздались выстрелы из прилегающих домов... Солдаты, думая, что это стреляют казаки, которые — позади их, дали по ним залп» (Курсив наш).

Как не могли «Известия» при всем желании скрыть ту правду, что демонстранты были вызваны на выстрелы чьими-то провокационными выстрелами с крыш домов, по церковному звону и т. д., так не могли они скрыть и целого ряда фактов— совершенно бесспорных.

Сколько бы резолюций ни выносилось «представителями Петроградского гарнизона», якобы всецело готовыми подчиниться Исп. Комитету,—кроме казаков, училищ и черносотенного 9-го кавалерийского полка, лишь измайловцы и семеновцы, да и то отдельные части этих полков, явились защищать в Таврический дворец Всероссийский Исп. Комитет, и в конце концов потребовалось обратиться к подмоге фронта.

Не могли и «Известия» скрыть того, что подавляющее большинство рабочих было за лозунг «Вся власть Советам» и демонстрировало на улицах Петрограда. Не могли скрыть того, что большевики удерживали массы до самого конца, т. е. до вечера 3-го числа от выступления.

Между тем для того, чтобы понять, насколько правдиво вообще «Известия» могли излагать события, мы приведем описание одного и того же события в «Правде» и в «Известиях». Вот изложение его в «Известиях»...

19. „Известия“ и „Правда“ об одном событии: схватке с казаками.

«Казаки с легкой конной артиллерией отправились в Гос. Думу по приказанию главнокомандующего. При повороте с Французской набережной на Литейный просп., вдруг с Литейного моста раздались провокационные выстрелы из ружей,

а потом уже из пулеметов. Как выяснилось после, выстрелы были произведены из автомобиля грузовика, наполненного солдатами и рабочими. Выстрелы из пулеметов задели, как видно, толпу, стоявшую у Литейного моста, и 1-й запасный пехотный батальон, как раз в это время вышедший из Шпалерной улицы на Литейный просп. Последние, думая, что эти выстрелы происходят от казаков, дали залп по ним. То же самое сделала и толпа вооруженных, стоявших у Литейного моста. Таким образом, казаки очутились под перекрестным огнем. В результате оказалось 6 убитых и около 24 человек раненых. Лошадей перебито 29».

А вот изложение дела в «Правде» так, как оно было в действительности:

«Вчера 4-го на Литейном пр. произошла кровавая схватка с казаками. Со слов очевидцев удалось выяснить следующее: в 8 ч. 30 м. вечера сотня казаков при двух орудиях свернула с набережной на Литейный пр. Навстречу им шел 1-ый запасный полк. Казаки, выстрелили из орудия, но в полк не попали. Солдаты ответили залпом. К тому же времени с Литейного моста подоспел вооруженный автомобиль, открывший огонь по казакам. Казаки, очутившись под перекрестным огнем, разбежались. В точности установить, сколько убитых и раненых, не удалось, некоторые называют 30, другие 7 убитых, раненых много, челов. 30—50. 15 убитых лошадей валяются на улице, есть и раненые солдаты. Одно орудие с 32 снарядами доставлено в Старый Арсенал. Другое орудие казаки успели увезти с собой».

20. Правительство и „демократия“ без войск. У Таврического Дворца. Выигрыш времени и „демократические“ выступления.

Что среди войск даже Петроградского гарнизона нашлось несколько частей, «преданных Временному Правительству, ничего удивительного нет.

Тов. Розанов в своих воспоминаниях об июльских днях («Правда», 1922 г., № 157) рассказывает о том, как при столкновении пулеметчиков на Литейном и Троицком мостах часть солдат Семеновского полка, «нисколько не задумываясь, открыли огонь, увидя приближающиеся части, идущие свергать буржуазию». Но зато и воинские части, поддерживающие в очень небольшом числе Временное Правительство и «революционную демократию», были вроде Семеновского полка, в котором,—как пишет т. Розанов,—«можно было видеть крепкую стену для буржуазии лишь потому, что комсостав сумел взять солдат этого полка в ежевые рукавицы».

Как бы то ни было, но до вечера 4-го июля около Таврического дворца было так мало «верных» воинских частей, что при появлении нейтральных до того измайловцев, вечером пришедших охранять «социалистическую демократию», с последней произошла по случаю радости почти истерика.

Дан даже облобызался под звуки марсельезы с поручиком Кучиным, а, по свидетельству Милюкова, «был момент, когда положение правительства казалось безнадежным. Преображенцы, семеновцы и измайловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили правительству, что они сохраняют нейтралитет. На дворцовой площ. для защиты штаба были только инвалиды и несколько сотен казаков. Войска из окрестностей Петрограда, вызванные главнокомандующим округом ген. Половцевым, могли явиться только к вечеру. В ожидании их, приказ Половцева воинским частям приступить немедленно к восстановлению порядка оставался мертвой буквой» («История второй» и т. д.).

Таврический дворец, окруженный морем рабочих и солдатских демонстраций, в это время являл собой замечательную картину, где подлость революционной демократии сочеталась с подобающей трусостью. Надежных войск еще не было. Ставка еще ничего не дала, и приходилось поневоле оттягивать и выигрывать время.

Заседание Центр. Исп. Ком. Совета Р. и С. Деп. и Исп. Ком. Кр. Деп. открылось только в половине шестого вечера, а до той поры «революционная демократия» угощала демонстрантов около Таврического речами своих «вождей».

Выступал целый ряд ораторов.

Одно из этих выступлений очень картинно изображено в воспоминаниях т. Гордона в № Петроградской «Правды» от 16 июля 1922 г.

«Этот герой (речь идет о меньшевике Богданове),—увидев такую непривычную делегацию, побледнел, как смерть, и дрожащим голосом спрашивал: «что угодно, товарищи, я член Исполнительного Комитета». Делегация, которая все время держала винтовки на плече, спустила их к ноге, и матрос со сверкающими глазами заявил тоном, который не подлежал возражению:—«мы пришли сюда от имени флота и гарнизона Кронштадта требовать от вас, чтобы вся власть была взята Петроградским Советом, а не министрами-капиталистами»... Богданов, который в это время пришел в себя, положил палец на штык этого матроса и, стараясь выдержать характер, говорил вкрадчивым и заискивающим голосом приблизительно следующее:—нет, товарищи, не думайте, что если вы сюда пришли со штыками, то можете уже взять власть»... И в таком духе он пытался убедить делегацию в невозможности выполнения требования—«Вся власть Советам». Но увы, ника-

кого успеха.—«Ваш ответ мы передадим пославшим нас товарищам»,—заявил матрос, и делегация вышла»...

«...У Таврического дворца народ все прибывает и прибывает. Агитация Богданова никакого впечатления на массы не имела»...

В «дрожащей» фигуре Богданова олицетворилась вся тогдашняя «революционная демократия»!

Выступил и министр социалист Чернов. Это выступление кончилось арестом г. Чернова со стороны какой-то неизвестной группы и вызвало огромнейший переполох в Исп. Комитете. Была даже выбрана делегация в составе: Мартова, Стеклова, Каменева, Войтинского и Чайковского, но уж Чернов (Чхеидзе перед этим кричал—«Чернова сейчас растерзают, товарищи!»)—был освобожден, благодаря вмешательству т. Троцкого, и пострадал лишь социалистический пиджак министра, да и то не особенно.

21. В Таврическом Дворце. Заседание И. К. Советов Р. и С. Д. и И. К. Советов Кр. Деп.

В Исц. Комитет явилось 90 представителей от 54 заводов и фабрик. Было дано слово только четырем, и все четыре сказали то, что было напи сано на лозунгах демонстрации... «Наше требование — общее требование рабочих — вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов».

«Революционная демократия» отвечала на это так...

Церетелли...

«Когда мы слышим от имени вооруженных частей одного города требование принять предопределенное ими решение, то как бы мы ни изменили прежнее решение, оно в глазах всего народа принято было бы лишь за победу неорганизованных слоев, а не за выражение истинной воли демократии—рабочих, крестьян и фронта»... И Церетелли выдвинул следующее: «Санкционировать создавшееся в правительстве положение. Признать Временное Правительство в том составе, в котором оно осталось носителем революционной власти. Назначить Чрезвычайный С'езд через две недели и поставить в порядок дня С'езда окончательное решение вопроса о Временном Правительстве и созвать С'езд в таком месте, где он мог бы работать беспрепятственно, лучше всего в Москве. В прошлый раз нарушались работы С'езда теми же попытками, что и ныне. Представители провинции утверждали, что невозможно так работать» (Курсив наш).

Дан...

«Я утверждаю, что если даже наступит момент, когда Совету необходимо взять власть в свои руки, то взять ее в такой возмутительной обстановке насилия штыков нельзя. Совет только уронит значение своей власти... Пропасть, которая лежит между Петроградом и провинцией, подготовлена большевиками, и они ответственны за нее, как и за ту кровь, которая пролилась на улицах Петрограда» (Курсив наш).

Даже меньшевик Гриневич — из группы меньшевиков-интернационалистов, заявил, что «перенесение решения в Москву воссоздало бы у нас Коммуну 1871 г... Перенесение создаст разделение в стране, и Москва будет новым Версалем».

Даже Мартов в те времена в своей речи подчеркнул, что «каковы бы ни были виновники выступления, его (выступление) вызвал главным образом факт разложения коалиционного министерства» и что «надо отбросить эту несчастную мысль о созыве С'езда в Москве».

Даже новожизненец Суханов заявил, что «деятельность коалиционного правительства есть по общему признанию саботаж, разложение. Это была не власть, а фикция.

Тем не менее, «подлинная» революционная демократия, возражая и т. Зиновьеву и т. Луначарскому, выступавшим от имени большевиков, и упомянутым ораторам, отстаивало свою линию, а за-одно и выявляло свою «революционную» сущность».

Один из вождей эс-эров Авксентьев подтвердил, что только «Всероссийский С'езд является тем органом, который может разрешить вопрос о революционной власти. Иначе вопрос о власти превратится в вопрос о безвластии». На Втором с'езде Советов Авксентьев как раз позабыл о своем высоком мнении по поводу С'езда Советов!

Зато выступавший после Авксентьева народный социалист Чайковский, впоследствии глава белого архангельского правительства, высказал то, что у других было только на уме.

«В Петрограде», — сказал он, — «забывают про войну... Война требует денег; она требует не только военной мощи, но и финансовой мощи. Если социалисты возьмут власть в свои руки, они через месяц окажутся банкротами».

Это означало не более и не менее как то, что союзники откажутся давать деньги Советскому правительству, которое будет бороться действительно за мир.

«Я не сторонник захвата власти Советами», — подчеркнул Церетелли во время второй своей речи...

В это время из Екатерининского зала донеслись звуки Марсельезы духового оркестра и крики—ура!

Эс-эр Гоц, тот самый, который организовал впоследствии террористические акты против коммунистов, восклицает:

«Я должен сказать вам, товарищи, что крики, которые вы слышите — это приветствие по адресу полномочного органа революционной демократии — Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. и С. Д. и И. К. Всеросс. Совета Кр. Деп., выражаемое гвардией Семеновского и Измайловского полков».

Последовали шумные аплодисменты, и «революционная демократия» почувствовала себя тверже, опираясь на семеновцев.

22. „Победа...“ — „революционной демократии“. Окончание демонстраций. Разгул контр-революции.

«Одним из обстоятельств»,— пишет Милюков в своей «Истории»,—«переломивших настроение нейтральных воинских частей, было опубликование некоторых документов разведки. Мысль принадлежала министру Переверзеву... О впечатлении, произведенном этими документами, можно судить по тому, что когда они были прочтены делегатам Преображенского полка, то преображенцы заявили, что теперь они немедленно выйдут на подавление мятежа. Действительно, они пришли первыми из гвардейских частей на Дворцовую площадь; за ними подошли семеновцы и измайловцы. Под охраной этих частей заседание в Таврическом дворце продолжалось «при более спокойном настроении».

Должно прибавить, что хлынувший к вечеру стихийный ливень, со своей стороны, весьма поспособствовал тому, что демонстрации прекратились, площади были очищены, и «революционная демократия», в связи с этим, несколько поуспокоилась.

В 4 часа ночи, на 5 июля, она в Таврическом дворце большинством 100 против 40 приняла следующую резолюцию:

«Обсудив кризис, созданный выходом из состава правительства трех министров к.-д.» (Степанов был товарищем министра), «об'единенное собрание признает, что уход к.-д. ни в коем случае не может считаться поводом для лишения правительства поддержки революционной демократии, но что вместе с тем уход этот дает демократии основание для пересмотра своего отношения к организации правительственной власти в переживаемый исторический момент... Собрание постановляет: собрать через 2 недели полное собрание Исполнительных Комитетов Раб., Кр. и Солд. Депутатов с представительством от мест для решения вопроса об организации новой власти...»

Далее говорилось о том, что до нового решения вся власть должна оставаться в руках теперешнего правительства.

«Если бы революционная демократия признала необходимым переход всей власти в руки Советов, то только полному собранию Исполн. Комитетов может принадлежать решение этого вопроса».

Как раз об этой части резолюции меньшевики и эс-эры забыли на Втором С'езде Советов, в октябре 1917 г.

В это время Керенский работал на фронте. — «Пусть не колеблется ваша рука», — восклицал он в своих речах, — «не слушайте тех, кто старается смутить ваши сердца. То — предатели, проклятые всем народом люди. Только они не могут чувствовать святости подвига, который совершаете вы во имя свободы России»...

С фронта потянулись в Петроград «отборные» части, и 6 июля войска «сводного отряда, под командованием поручика Мазуренки», приветствовали на Дворцовой площади от «революционной демократии» министры Скобелев и Церетелли, а в 10 час. вечера, в Таврическом дворце, принимал делегацию этих частей Всероссийский Исп. Комитет. От имени Исп. Комитета делегатов приветствовал Богданов, чувствовавший себя, должно думать, на этот раз гораздо лучше, чем 4 июля перед кронштадтцами.

«Революция живет!» — писали «Известия» в № 111 от 7 июля 1917 г.

Как революция жила, можно видеть из следующих фактов...

5 июля разгромлена типография и редакция газеты «Правда». 6 июля буржуазной толпой, натравленной офицером, растерзан на улице т. Воинов.

Для окончательного восстановления порядка, Временное Правительство, по соглашению с Исполнительным Комитетом, 5 июля решило составить Особую комиссию в контакте с главнокомандующим войсками округа.

Создана следственная комиссия для выяснения виновных...

6-го июля Временное Правительство постановило «всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным восстанием против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших к нему, арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене родине и предательстве революции».

Уже 5 июля Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков, Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков, Межрайонный Комитет Р. С.-Д. Р. П., Военная организация при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и Комиссия Рабочей Секции Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов опубликовали следующее воззвание о демонстрации.

«Товарищи, в понедельник вы вышли на улицу. Во вторник вы решили продолжать демонстрацию. Мы звали вас вчера на мирную демонстрацию. Мы ставили ее целью показать всем массам трудящихся и эксплоатируемых силу наших лозунгов, их вес, их значение, их необходимость для освобождения народов от войны, от голода, от гибели. Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и армии показаны внушительно и достойно. Отдельные выстрелы в демонстрантов со стороны контр-революционеров не могли нарушить общего характера демонстрации. Товарищи, в течение данного политического кризиса наша цель достигнута. Мы постановили поэтому закончить демонстрацию. Пусть все и каждый мирно, организованно прекратят забастовку и демонстрацию. Выждем развитие кризиса дальше. Будем продолжать готовить свои силы. Жизнь за нас, ход событий доказывает правильность наших лозунгов!»

Однако, «революционная демократия» продолжала действовать по части арестов, разгрома большевистской организации, разоружения полков, усмирения матросов и т. д. и т. д.

23. Тов. Ленин о событиях.

«4 июля ночью, писал т. Ленин, — большевики составили воззвание о прекращении выступлений, и той же ночью оно напечатано в «Правде»; но в эту самую ночь начинается, во-первых, приход контр-революционных войск в Питер... во-вторых, в эту же ночь начинаются погромы большевиков отрядами юнкеров и т. п., действующими по поручению командующего войсками Половцева и Генерального Штаба. С 4 на 5-е громят «Правду». 5 и 6-го громят ее типографию «Труд», убивают рабочего Воинова среди белого дня за то, что он выносил «Листок Правды» из типографии, производят обыски и аресты большевиков, разоружают революционные полки...

«Кто начал все это выполнять? Не правительство и не Совет, а контр-революционная военная шайка, сконцентрированная около Генерального Штаба, действующая от имени контр-разведки, пускающая в ход фабрикат Переверзева и Алексинского, дабы поднять «ярость войск», и т. д. Правительство отсутствует. Советы отсутствуют. Они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти и разгромить их. Черносотенная кадетская пресса, проведшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

«Эс-эры и меньшевики связывали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они контр-революционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контр-ре-

волюционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать дело большевиков. Они подло выдают большевиков контр-революции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контр-революционерам. Они—связанные люди. Они на дне ямы...

«Сущность конституции в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу сваливают эс-эров и меньшевиков в яму контр-революции. На деле государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетелли и Чернова лишь ширма ей, они вынуждены задним числом узаконять ее меры, ее шаги, ее политику... Цикл партийного развития завершился. Эс-эры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку от «доверия» к Керенскому 28 февраля,—к 6 мая, привязавшего их к контр-революции, к 5 июля, когда они скатились к ней до низу. Начинается новая полоса. Победа контр-революции вызывает разочарование масс в партии эс-эров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата».

Так оценивал т. Ленин в своей брошюре «К моменту», написанной 26 июля 1917 г., июльские события и безошибочно определил близкое будущее.

Но самый июль 1917 г. был временем, когда «победители» праздновали свою победу, когда они принялись за сокрушение партии пролетариата—большевиков.

Мы рассмотрим в отдельной главе кое какие из документов «победившего» лагеря и кое-какие материалы из того «дела», которое «социалистическая демократия» создала против большевиков и не довела до конца отнюдь не по тому, что этого не хотела.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Победивший“ лагерь и „июльское дело о большевиках“.

1. „Социалистическая демократия“ готовит „июльское дело“.

Несколько выдержек из документов «победившего лагеря»— после июльских дней.

Вот приказ от 6 июля 1917 г., № 1, командовавшего сводным отрядом члена Центр. Исполн. Комитета Всеросс. С'езда Рабочих и Солдатских Депутатов, поручика Мазуренко:

«Мы, пришедшие с боевого фронта, обязаны избавить революционную Россию от безответственных групп, которые вооруженной силой стараются навязать свою волю большинству революционной демократии, а собственную трусость и нежелание итти на фронт прикрывают крайними лозунгами и творят насилие, сея смуту в наших рядах и проливая кровь невинных на улицах Петрограда. Мы будем действовать против тех, кто нарушает волю революционного народа, и будем выполнять распоряжения и приказы центральных органов революционной демократии и Временного Правительства, согласуя свои действия с частями Петроградского гарнизона, оставшимися верными делу революции».

А «Известия Петр. Сов. Раб. и Солд. Депутатов», в № 109 от 5 июля 1917 г., поместили обращение Исполнительных Комитетов Всеросс. Сов. Раб. и Солд. Деп. и Сов. Крест. Деп., где писалось, «что недостойно вооруженными демонстрациями пытаться волю отдельных частей гарнизона одного города навязывать всей России. На ответственности тех, кто осмелился вызвать с этой целью вооруженных людей, лежит та кровь, которая пролилась на улицах Петрограда. В спину рево-

люционной армии, сражающейся против войск Вильгельма, вонзен кинжал».

Организационный Комитет Р. С.-Д. Р. П. меньшевиков заявлял: «вооруженное меньшинство хочет силой навязать свою волю громадному большинству революционной демократии... Это идет на пользу контр-революции».

Передовица означенного номера «Известий», озаглавленная: «Не губите революцию», восклицала: «Неужели те люди, которые в течение всего последнего времени сделали все, чтобы вызвать стихийное, дезорганизованное выступление масс, во имя блага революции, и теперь не поймут, в какую пропасть они толкают Россию».

Тут же главнокоманд. войсками Петр. Округа черносотенный генерал-майор Половцев приказывал: «очистить Петроград от людей, с оружием в руках нарушающих порядок и угрожающих личной и имущественной опасности граждан».

В дальнейших номерах, например, в № 114, события 3—4 июля уже величаются «уличным бунтом» и приветствуется Временное Правительство, которое ликвидирует твердой рукой этот бунт.

9-го июля, когда пришли первые сообщения о полном провале наступления на фронте, меньшевик Дан на экстренном заседании Центр. Комитета Сов. Раб. и Солд. Деп. говорил:

«День 3 июля останется памятным днем: разумеется, если бы не было той разрухи, к которой страну привела война, демагогия не могла бы иметь такого успеха, но это не уменьшает значения того вреда, какой был нанесен революции в этот день, не уменьшает ответственности за этот удар той партии, которая своими демагогическими приемами привела к происшедшему бунту».

Собрание Центр. Комитета 9-го июля, того самого Центр. Комит. Советов, который благословлял на наступление Керенского, все время преследовали эти страшные неудачи на фронте, это страшное военное поражение.

На кого-нибудь необходимо было поражение перевалить, и уже меньшевик Либер делает «бесстрашный шаг», совершенно соответствующий всей физиономии г. Либера.

«Товарищи», говорит он, «мы всегда призывали и призываем ради спасения революции к наступлению. Но ответственность за его неудачу ложится на ту партию, которая и стала идеологом гниения в армии, гниения, при котором инстинкт самосохранения, страх берет верх над выполнением долга перед революцией».

В № 115 тех же «Известий» от 12 июля уже сообщается о том, что «в среду, 12-го состоится общее собрание Чрезвыч. Следств. Комиссии при Ц. И. К. по обследованию событий 3—5 июля и что Бюро Комиссии работает», а передовица этого

номера «Известий» уже озаглавлена «Друзья Николая и Вильгельма».

При этом с чрезвычайной ловкостью меньшевистских рук большевики и вожди большевизма, якобы, «обнаружившие полную неспособность разбираться в окружающей их обстановке», смешиваются с провокаторами и германскими шпионами, которые «с таким усердием выполняют грязную работу подкопа под революционную демократию Сов. и Временного Правительства».

Одновременно с тем, как крепчает тон «Известий» и всей эс-эро-меньшевистской прессы, начинает работу Следственная Комиссия. Одновременно с этим происходит разоружение революционных заводов, причем «Известия» с удовольствием сообщают о том, что на одном Сестрорецком заводе будто бы отобрано до 1000 винтовок.

В Петрограде большевистской печати больше нет.

«Правда» разгромлена.

В Петрограде предстоит работа Следственной Комиссии, но добраться до Кронштадта Временному Правительству и Центральному Исполнительному Комитету — пока не по рукам.

Там выходит газета «Голос Правды», и «Известия» в № 116 пишут о ней:

«И находится газета «Голос Правды», которая имеет бесстыдство отдавать столбцы провокаторским призывам», а потом идет длинное рассуждение о том, как «подходят слуги Николая и Вильгельма к работе». Они «надеются на то, что в рабочих низах еще сохранился угар анархического безумия, и они спешат снова вызвать хотя бы небольшую кучку рабочих на улицу. Им важно, чтобы снова затрещали ружья и пулеметы».

В № 117, от 14-го июля производится новый натиск на соц.-демократов большевиков.

«С народом вы или против народа?» — спрашивает передовица, а далее идут многообещающие строки: «революционная демократия решительно и сурово подавила все те элементы, которые оказались недостаточно устойчивыми политически и морально».

Передовица, правда, ополчается и против черной сотни, но экивоки все время пускает в сторону большевиков, а министр-председатель А. Ф. Керенский на соединенном заседании Центр. Комитета Сов. Раб. и Солд. Деп. и Исполн. Комитета Крест. Деп. уже приводит слова «Великого поэта», по мнению Керенского, как нельзя более подходящие к моменту: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», и потом разъясняет: «Во имя борьбы за те идеи, которым мы служим, я прошу Ц. К. и Исп. Комитет поддержать Временное Правительство и с полной ясностью отмежеваться от элементов, которые своими действиями внушают силу контр-революции».

Керенский тоже в конце речи прошелся насчет монархии, но против кого предназначался «тяжкий млат»,—было понятно всем, ибо правительство Керенского вело борьбу налево, а не направо.

2. Возникновение „июльского дела".

13 июля 1917 г. приятель Керенского министр юстиции Зарудный уже опубликовал нижеследующее сообщение:

«Расследование всех событий кровавых выступлений 3—7 июля, оказавших такую крупную услугу Германии, ведется энергичнейшим образом под высшим руководством прокурора Петрогр. Судебной Палаты. Судебными властями принимаются все меры к обнаружению, арестованию и привлечению к строгой судебной ответственности всех организовавших движение или принимавших участие в вооруженном выступлении против Врем. Правительства или в преступной стрельбе по революционным войскам и мирному населению Петрограда. Все граждане, имеющие сведения об этих событиях и о виновных в них лицах, должны сообщить в район. комиссариаты или участковым судебным следователям, облегчая, таким образом, раскрытие и привлечение к ответственности всех виновных. Население Петрограда должно при этом сохранять полное спокойствие и не позволять себе никаких самочинных обысков, арестов и насилий. Врем. Правительство будет решительно пресекать всякие действия, вредящие обороне отечества и всякие посягательства на завоевания революции, откуда бы они ни шли. Все попытки в этом направлении навлекут на их виновников суровую судебную кару».

Перед этим прокурорским расследованием событий 3—7 июля совершенно померкла затеянная Исполн. Комитетом С'езда Советов «Следственная Комиссия». Социалисты эс-эровско-меньшевистского стана решили передоверить расследование июльских событий, столь повредивших, по мнению министра юстиции, обороне — всему старому прокурорскому и судебному аппарату, каковой приютило у себя Врем. Правительство.

Тов. Ленин, в статье в №№ 3 и 4 «Рабочего и Солдата», (мы коснемся ее еще) привел уничтожающую сводку действий этого прокурорского расследования.

3. Союз „демократии" и „Маленькой Газеты".

Мы же в заключение не можем не привести хоть несколько кратких выдержек из газеты, которая в то время всего лучше отражала, чего хочет буржуазно-черносотенная контрреволюция,—из «Маленькой Газеты».

Желтый листок приветствовал решительность «демократии»...

«Только показали крест,—навождение исчезло, сразу тишина и порядок в Петрограде».

Но «Маленькой Газете» было этого мало.

«Военная власть,—писала она,—должна отойти к правительству прямо, открыто и безусловно».

Правительство, в свою очередь, правда, сменило Половцева,—июльского усмирителя,—быть может, потому, что он был неудачен, но вместо него назначило не менее черносотенного—Эрдели.

Правительство шло само навстречу военной диктатуре, которая бы разделалась с опасностью «слева», а пока только что ушедший министр юстиции, социалист Переверзев, в беседе с журналистами утверждал:

«Я давно вел расследование о некоторых вождях, имена которых теперь у всех на устах. Были безусловно установлены сношения этих вождей с заграницей, были показаны движения денежных сумм на тек. счетах этих вождей, и я решил об этом громко заявить. После этого мне было брошено обвинение, что я сообщаю неверные сведения. Я в верности этих сведений убежден, и я подал в отставку».

Но хотя Переверзев и подал в отставку,—Зарудный также далеко не ушел от Переверзева, как Эрдели от Половцева, и следствие по большевистскому делу пошло путем совершенно Переверзевским.

«Демократия» употребила все усилия, чтобы под черные аншлаги «Маленькой Газеты»: «немецкий шпионаж и провокация России»,—«Военная организация при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (Больш.)—гнездо немецкого шпионажа».—«На эту организацию тратились грандиозные суммы немецких денег, для деятелей покупались громадные количества винного спирта для храбрости в тыловой войне».—«Международный банк—склад предательских денег Вильгельма»— и т. д.,—«социалистическая демократия» употребила все усилия, чтобы подвести под эти аншлаги многотомные юридические «документы», многотомный юридический фундамент—обвинительный акт.

Позорное творение это осталось и после падения Врем. Правительства, и кое-что из него стоит привести.

4. „Атмосфера лжи и литературного распутства".

«В течение 3-х месяцев — писал Ив. Безработный [1]), наша рабочая партия подвергалась безнаказанным оскорблениям, оклеветанию и надругательствам. Либкнехт (отец) в монархи-

[1]) «Правда об июльских днях». Прибой, 1917 г.

ческой Германии, обвиненный немецкой литературной контр-разведкой в служении царизму, никогда не подвергался такой беззастенчивой в приемах травле, какой подвергаются вожди пролетариата в республиканской России. Покойному Бебелю, которому немецкая монархия не могла простить в 70 году его мужественного протеста против присоединения Эльзас-Лотарингии, не пришлось пережить того, что выпало на долю русских соц.-демократов большевиков в последние дни».

«В последние дни» были действительно замечательные происшествия.

Рядом с «Маленькой Газетой» выходило не менее подлое «Живое Слово».

Этот орган печати не постеснялся опубликовать, что у Ленина лежит на тек. счету 2 миллиона рублей.

На другой день то же «Живое Слово» не постеснялось опубликовать сведения из той же контр-разведки. По этим сведениям выходило, что лежит не 2 миллиона, а двадцать тысяч, и не на тек. счете Ленина, а на тек. счете какого-то адвоката большевика.

Сам же Ленин, по уверению «Живого Слова», никаких сумм никогда не получал из Германии, но что достоверно известно «Живому Слову», так это то, что Ленин работал в пользу Германии бескорыстно.

Очевидно, судебного следователя, производившего дознание по делу об июльских событиях, вдохновляло сообщение «Живого Слова», когда он старательно приобщал «к документам» банковскую книжку (Азовск. банка), где удостоверялось, что на тек. счету Н. Крупской, жены т. Ленина, лежало 2000 целковых. Судебный следователь так и не узнал того, что деньги эти принадлежали редакции выходившего тогда печатного органа секции работниц.

«Неужели, спрашивал в своей уже помянутой нами книжке Безработный (Мануильский), не нашлось людей в стране с 180-миллионным населением, которые плюнули бы в лицо потерявшим стыд и совесть клеветникам? В какой душной атмосфере лжи и литературного распутства мы живем!»

Правительственный обвинительный акт совершенно равноценен тому, что тов. Безработный окрестил именем литературного распутства. Но 180 мил. страна сумела через 2½ мес. плюнуть в глаза и правительству и правительственному акту.

5. Как велось июльское „дело“. Показания прапорщика Ермоленко.

По одному лишь тому судебного следствия, прокуратура и следователи допросили до 300 свидетелей, проявивши чрезвычайное трудолюбие и большую энергию... При этом офицеров было допрошено 56, т. е. более 1/6 свидетелей, младшего командного состава—30, юнкеров—2, чиновников гражданских и военных—16, журналистов и литераторов—20, юристов—7, студентов—5, купцов—2, граждан различных профессий вплоть до разведенной жены брата тов. Ганецкого, которая ровно ничего не могла показать, — 81. Зато рабочих допросили только 17.

Чрезвычайно назидательно показание некоего прапорщика Ермоленко, 43 лет, православного, бывшего когда-то под судом за упущение по службе в Иркутской судебной палате, а ныне вернувшегося в Петроград из германского плена. Назидательно то, что «заявление» прапорщика Ермоленко было известно правящим властям 15 апреля 1917 г., но опубликовали его лишь в июле, т. е. в то самое время, когда надо было создать «дело» и воздействовать на «нейтральные» воинские части (о чем мы писали в предыдущей главе), когда надо было поколебать массы и постараться стереть с лица земли большевиков.

По допросу прап. Ермоленко выходило, что в Германии ему военными властями было предложено заделаться (тайно вернувшись в Россию) германским шпионом.

При этом в Германии прап. Ермоленко слышал, что будто бы существуют два германских шпиона—Ленин и Иолтуховский.

Прап. Ермоленко согласился, стал германским шпионом и получил аванс в размере 50 тысяч рублей. Но засим, перейдя границу, попал в расположение русских войск, рассказал о том, что с ним произошло, а „врученные мне в Могилеве 50 тысяч рублей германским правительством я представил при рапорте верховному командующему Брусилову, указав ему на мое бедственное положение, моей семьи и той опасности, которая угрожает мне от раскрытия шпионской организации. Потому эти 50 тысяч руб. в мое распоряжение мне были выданы и переведены были на родину в Хабаровск“.

Столь щедро оплаченный германским правительством и русским генералитетом прап. Ермоленко во всех своих показаниях не пошел далее того, что «в германском штабе мне было об'явлено, что в России уже существует организация шпионажа, и, таким образом, не я один буду работать, а на-

зывали, как видных и деятельных организаторов, уже работавших на пользу Германии, Ленина и Иолтуховского».

Эти убедительные показания—теперь смешно их перечитывать—в свое время цитировались и публиковались всей желтой прессой, как яркое доказательство того, что Ленин уже, конечно, «германский шпион».

6. Свидетель—купец Бурштейн.

Немного далее протокольное следствие приводит допрос некоего ковельского купца Бурштейна, Зельмана Иосифовича

Означенный купец на протяжении десятка печатных столбцов следствия пытается доказать, что в Стокгольме существовала открытая германская шпионская организация, возглавляемая Парвусом (Гельфандом); к этой организации, якобы, имели отношение большевики: Козловский, Фюрстенберг (Ганецкий), а раз имели отношение большевики, то ясно, что имел отношение и Ленин и вся большевистская партия и т. д. О политической осведомленности купца Зельмана Бурштейна можно судить по его словам: «что Гельфанд и Парвус одно и то же лицо—я не знал. Мне не могло даже прийти это в голову».

Однако, русские соц.-демократы большевики были более осведомлены о действиях бывшего соц.-демократа Парвуса—прежде крупного работника, автора ценных книг, а затем социалиста его величества императора Германии и крупного биржевика и спекулянта. Неоднократная большевистская газета «Социал-Демократ», ведя кампанию против Парвуса, называла его ренегатом, немецким Плехановым, соц.-шовинистом, целиком стоящим на стороне Германии и Вильгельма. Но для судебного следствия все это не имеет никакого значения, а имеет значение то, что «показывал» купец Зельман Бурштейн.

7. Свидетель—Григорий Алексинский.

Допрашивается «свидетель Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член 2-й Госуд. Думы, православный».

Два слова об этом Алексинском. Когда-то с.-д. большевик, в 1907 году член Гос. Думы, Алексинский в эмиграции дошел до такой бездны падения, что общество иностранных и русских журналистов в Париже (тут вовсе не было и в помине какого-нибудь большевистского засилья) исключило Алексинского из своей среды, как злостного клеветника, и одновременно заклеймило его, как человека, прибегающего в целях личной мести к грязному средству—ложным доносам.

С начала войны 1914 г. Алексинский становится ярым оборонцем. Алексинский призывает русских эмигрантов к организации волонтерских отрядов, которые должны драться за французский капитал. Позднее, Алексинский в Петербурге об'единяется вместе с подобными ему господами в Плехановской группе «Единство», и, конечно, — он всего более хлопочет о том, чтобы всячески оклеветать большевиков.

Так вот этот господин тоже пытается доказать следователю, что Парвус и большевики—одно и то же.

Касательно же Ленина и Зиновьева, Алексинский утверждает, что Ленин и Зиновьев, в октябре 1914 года оказавшиеся в Австрии близ Кракова, были арестованы австрийскими властями как русские подданные, но вскоре освобождены с правом свободного выезда в Швейцарию, где стали издавать газету «Социал-Демократ», в которой распространяли идею необходимости поражения России в войне. Потом — продолжает Алексинский—выяснилось, что Ленин и Зиновьев были освобождены из-под ареста по личному предписанию графа Штюрка, австрийского премьера, который освободил их как лиц, желающих поражения России, «деятельность коих полезна для центральных империй».

Видите-ли, как оно просто!

Раз «Соц.-Демократ» проповедывал идеи поражения самодержавной России, то совершенно ясно, что австрийские и всякие иные власти стран, воевавших с Россией, должны были оказывать Ленину и Зиновьеву всяческое покровительство.

Ренегат Алексинский забыл лишь упомянуть, что «Соц.-Демократ» писал не только о поражении самодержавной России, но «Соц.-Демократ» писал о том, что империалистическая война должна перейти в войну революционную, — пролетариата—против буржуазии, а эта революционная война должна привести к сокрушению всех тронов, и германских и австрийских, и русских, к международной революции и захвату власти пролетариатом в международном масштабе.

Об этом Алексинский забыл, как забыл и об очень простых фактах.

В 1914 году в Австрии был арестован лишь один тов. Ленин, а вовсе не тов. Ленин и Зиновьев. Тов. Ленин был арестован не как русский подданный, а по подозрению в шпионстве, ибо местный жандарм принял за «планы» — диаграммы аграрной статистики в тетрадках тов. Ленина.

Выходит, что тов. Ленин как шпион преследовался в обеих воюющих коалициях, в Австрии—жандармом, в России—Алексинским, кадетами и К-о.

Освобожден тов. Ленин был под давлением вождя Австрийских с.-д. Виктора Адлера, который пристыдил австрийские власти.

Простые ясные факты, но, — как оперируют с ними люди, от прапорщика Ермоленко, через купца Бурштейна до ренегата Алексинского включительно!

8. Свидетели из бывшей царской охранки.

А вот, на выбор, показания коллежского ассесора, православного Серг. Васил. Гагарина, до государственного переворота состоявшего чиновником 6-го класса при департаменте полиции в 84-м уголовно-розыскном отделении. В донесениях его ведомства, оказывается, «подробно писались происходившие в разных местах за границей партийные с'езды и вырабатывавшиеся на них программы партийной работы, в связи с происходящей войной, и я определенно помню, что в некоторых из них упоминались выступления на с'езде большевиков: Ленина, Зиновьева, Троцкого, Мартова и др. (охранник всех об'единил). Из этих донесений можно с точностью установить деятельность большевиков, как до войны, так и во время войны, и осветить их роль и степень виновности в происходящих событиях».

Куда далее итти? Если действительно из этих донесений «можно с точностью установить», то, конечно, «социалистическая демократия» и ее прокуратура имели «несомненные улики» того, что большевики «германские шпионы»!

9. Свидетель—журналист из Биржевки—Гальперштадт.

Среди свидетелей густой полосой появляются журналисты. Вот, «православный»,—38 лет,—помощник редактора «Вечерних Биржевых», Лев Исаевич Гальперштадт»—литературный псевдоним означенного господина Л. Лигин.

Им второго июня в «Вечернюю Биржевку» была написана статья «Из истории большевистского заговора», в которой передается следующее «достоверное» сообщение: «Я получил сведения от Сергея Георгиевича Богоявленского, помощника начальника отдела печати министерства иностранных дел, что министерство получило из Копенгагена дипломатическую телеграмму, сообщающую, что депутат германского рейхстага Гаазе (независимый с.-дем., ныне уже покойный), проездом из Стокгольма в Берлин, заявил одному журналисту в Копенгагене, что ему, Гаазе, достоверно известно, что Парвус-Гельфанд действительно состоит агентом германского правительства и посредником в сношениях между Германией и русскими большевиками, во главе с Ульяновым-Лениным, и в качестве

такового посредника снабжает их крупными денежными суммами».

Удивительная «достоверность» — из Копенгагена! Известно, что во время войны говорили: «врут, как в Копенгагене»...

Получена шифрованная телеграмма, каковую черносотенный чиновник министерства пересылает желтому журналисту. Из этой телеграммы следует, что Гаазе какому-то неизвестному журналисту когда-то что-то сказал, а на основании этого желтый Гальперштадт пишет в желтых «Биржевках» целую «историю большевистского заговора», а судебное следствие серьезнейшим образом допрашивает Льва Исаевича Гальперштадта.

10. О чем рассказала сестра милосердия Шеляховская.

Дает показания Шеляховская, Евгения Ивановна, «сестра милосердия 109-го передового отряда Российского Общества Красного Креста на юго-западном фронте».

У дома Кшесинской эта дама была «очевидицей» раздачи денег для призыва к свержению правительства.

Дело было так: «Смотрю, мужчина интеллигентного вида в большой шляпе, черной косоворотке и пиджаке раздает по 10 руб. и говорит, что нужно собраться туда-то (было указано место), где будут розданы плакаты, и вы будете призывать: «Долой правительство»,— «Долой министров-капиталистов»,— «Смерть буржуям»,—«Против выступления»,—«Германцы—это наши братья».

Повидимому, при раздаче, десятирублевок у него не хватило, и он пошел в дом Кшесинской, вошел в ворота дома и пробыл там минут 15—20, а я все смотрю, что будет дальше... Смотрю этот-же мужчина вышел из дома Кшесинской с деньгами и стал продолжать раздавать их при таких же обстоятельствах, как выше об'яснено. Было много подростков, и мужчина этот раздавал и им, при чем мое внимание обратили выкрики этих подростков: «Дяденька, дай и мне, и я буду кричать—долой правительство,—долой войну».

Но сестра Шеляховская не только это видела.

Деньги, оказывается, «раздавало» несколько лиц у дома Кшесинской, при чем они разбились на группы, и около каждой из них была группа. Источником, откуда производилась раздача денег, и был дом Кшесинской.

«Общее количество розданных тогда денег при мне было несколько тысяч рублей, и это я говорю безошибочно. После раздачи денег лица были сгруппированы, им были розданы плакаты, и они с указанными плакатами направились в ше-

ствие на Невский пр. Таким образом (безмятежно продолжает милосердная сестра), «будучи сама очевидицей, я могу удостоверить категорически, что призыв к свержению правительства, к прекращению войны был совершаем путем подкупа деньгами лиц».

Сестра Шеляховская говорит это о событиях 21 апреля и о демонстрации против Милюкова, но сестра Шеляховская касается и событий 3—5 июля.

Оказывается, что на Финл. вокзале ее встретила 9—10 июля какая-то неизвестная ей сестра милосердия и рассказала следующее...

«В ее присутствии было арестовано несколько солдат, и выяснилось, что среди них было несколько переодетых солдат, у которых были найдены деньги, и на расспросы они сознались, что за выступление 3—5 июля они получили по 40 рублей в день. Один из действительных солдат получил даже 80 руб. и будто бы сказал: «что ж, почему за такие деньги не пострелять!»

«Будучи, говорит сестра Шеляховская, сама очевидицей происходившего на моих глазах у дома Кшесинской 21 апреля, я положительным и самым категоричным образом удостоверить могу, что пропаганда о вооруженном выступлении с лозунгами о свержении правительства и приостановлении военных действий против Германии и Австрии велась за деньги путем подкупа. Первоисточник—это Германия».

У сестры Шеляховской есть к этому и другие факты: «Знаю я, говорит она, много лиц нуждающихся, а как только стали большевиками, стала метаморфоза—обладают средствами, и даже большими». Тут же сестрица и донесла: «Мне известно, что при выступлении I-го Пулеметного Полка выступала также сестра милосердия Детской больницы на Сампсон. просп., некая Мария Иосифовна Червоняк. Пока ничего добавить не могу».

Действительно, добавить нечего. Но эта болтовня подлой и глупой бабы как нельзя более под стать всем почти показаниям судебного следствия. Журналисты и литераторы, адвокаты из «демократических» и «социалистических» групп ей-ей родственники сестре Шеляховской!

11. Свидетели: б. Нач. Пет. охр. отделения Глобачев и бывш. революционер—Бурцев.

На стр. 141 судебного следствия докладывает Конст. Ив. Глобачев, «47 лет, православный, генерал-майор, содержащийся на гауптвахте», ибо с 1 марта 1915 г. и до государственного переворота Глобачев занимал должность Нач. Петер-

бургского охранного отделения (даже и генерала из охран. отделения притащили к допросу).

«На обязанности отделения, докладывает генерал, в мое, главным образом, время лежала борьба с левым крылом соц.-демократов, т.-наз. большевиков, которые вели исключительно подпольную работу, проповедуя в отношении войны пораженчество и целиком осуществляя программу Циммервальда».

Через прапорщиков, генералов, охранников, сестер милосердия, купцов и т. п. судебное следствие добралось до «Бурцева, Влад. Львовича, журналиста».

Бывший революционер, политический эмигрант, разоблачитель Азефа—Бурцев, как известно, в последние годы издавал „Общее Дело", едва ли не самую черносотенную, самую мерзкую из всех черносотенных газет, выходящих заграницей.

Со времени начала мировой войны Бурцев—слуга мирового капитала, со времени победы революции рабочих и крестьян—один из поклонников и оплакивателей разбитой отечественной белогвардейщины.

Снова выплывает „покровительственное отношение австрийского правительства к Ленину".

Бурцев и Алексинский умеют говорить одно и то же.

Относительно же личности Ленина Бурцев из'ясняется так: „Самой крупной фигурой из соц.-демократического движения", говорит он, „среди большевиков был Ленин. Ленин, по моему мнению, фанатик, не преследовавший своих личных узких целей и подчинявший все интересам того кружка, к которому он принадлежал. А интересам этого кружка подчинены интересы всего революционного движения, интересы нации. К этим целям шел всеми средствами, и для Ленина, можно сказать, цель оправдывает средства. По его мнению и мнению его кружка, нужно было желать, во что бы то ни стало, победы Германии и немецкого правительства, а в лице Германии — немецкого пролетариата, организованного лучше, чем какой либо другой пролетариат".

Тут Бурцев обнаружил поразительное понимание того, что говорили в то время большевики, ибо „представлять немецкий пролетариат в лице германского правительства Вильгельма" неизвестно кто когда собирался... но Бурцев, так легко раз'ясняющий воззрения соц.-демократов большевиков, сейчас же очень легко перескакивает на заезженную уже Алексинским дорожку —„О связи Парвуса с Лениным".

„Я не располагаю", говорит Бурцев, „данными, указывающими на то, что Ленин непосредственно получал денежные суммы от Парвуса и других немецких агентов, но в литературе я высказывал открыто свое глубокое убеждение; это же убеждение, основанное на сообщениях моих товарищей, говорю и сейчас, что Ленин не мог не знать, что его партия

пользуется материальной поддержкой со стороны Германии и германских друзей".

Выходит все, следовательно, очень хорошо. У Бурцева данных нет, но есть «убеждение», есть какие-то сообщения...

На следствии старый пройдоха, даже на этом следствии, ведет себя осмотрительно, осторожно, но зато в литературе, зато в своих продажных изданиях Бурцев писал и пишет другое. Там он свободно пускает всякую клевету и пускал клевету, памятуя, что дело не в истине и не в данных, а в том, чтобы суметь клевету пустить в нужное время.

12. Свидетели: „банковские социалисты" из „Дня"—Кливанский и Заславский.

Вслед за Бурцевым на сцену появляется новый «журналист», сотрудник почти «социалистического», банковского «Дня» — Кливанский (потомственный почетный меньшевик). Этот свидетель в свое показание просит внести поправку в том смысле, что я лично не имею фактов или данных подозревать то обстоятельство, чтобы Ленинизм получал средства от немцев или австрийцев».

Но, однако, Кливанский не стесняется заявлять: «не может быть двух мнений о том, что активное действие Ленинизма является способствованием военным успехам Германии и Австрии в войне с Россией. Независимо от суб'ективных взглядов отдельных лиц, чувствовалось, что к этому течению Ленинизма прилипли, да и странно было бы, если бы этого не было, разношерстные элементы вплоть до шпионов».

Ближайший приятель Кливанского Давид Иосифович Заславский, по профессии также журналист, сотрудник «Дня», также банковский меньшевик-социалист, пытается установить связь Ганецкого-Фюрстенберга с Парвусом. От Парвуса—имя его мы уже неоднократно упоминали—должны, конечно, протянуться нити к самому Ленину.

По мнению Заславского или, вернее, по его подозрению, выходило так, что орган большевиков «Правда» имел касательство к Ганецкому, а Ганецкий имел касательство к Парвусу, а Парвус имел отношение к германскому правительству, ибо был агентом германского правительства. Отсюда простой вывод: «Правда» получала германские деньги.

О Парвусе и о том, в каком отношении с ним были большевики, мы уже упоминали. Относительно того, на какие деньги издавалась «Правда», дали исчерпывающие ответы допрошенные теми же судебными следователями сотрудники «Правды».

Начиная с 6 мая, по призыву «Правды», идет бесконечный приток средств от рабочих и солдатских масс Петрограда и России на типографию и в железный фонд «Правды».

Относительно Ганецкого тов. Ленин в «Рабочем и Солдате» уже в 1917 г. так ответил и прокуратуре и господам типа Заславского: «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным, но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких. Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, но целый ряд русских эмигрантов, называвших себя в печати, служили в предприятиях и учреждениях Парвуса».

В другом месте судебного следствия г. Заславский утверждает следующее: «Германский генеральный штаб пользуется, конечно, всеми средствами, чтобы внести деморализацию в русскую армию. Литературная и устная пропаганда является одним из таких средств. Большевизм является очень удобным прикрытием для германской пропаганды, но именно это обязывает политические партии к величайшей осторожности и чистоте в выборе средств. Между тем во всей деятельности большевиков наблюдалось и много противоположного: неразборчивость, демагогия, недобросовестность»... И тут же во всех отношениях «разборчивый и добросовестный» Заславский пускает клевету на тов. Радека. Радек, де, «за неблаговидные деяния был исключен из партии».

Клевету против тов. Радека ловко поддерживает Заславский вместе со всей прочей братией, начиная от «Речи» и г. Минского. «Наш польский товарищ Радек, — сообщает последний, —исключен из германской социал-демократической партии».

На это „Правда“ в № 33 кратко и ясно ответила: „Все знакомые с делом знают, что это была просто политическая месть, а личные обвинения против Радека давно рассеяны и опровергнуты. Радек присутствовал на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале, и ни один из наших противников не посмел протестовать против него».

13. Свидетель: вождь меньшевиков Ф. Дан.

От Заславского и Кливанского один шаг до меньшевика Дана, в то время товарища председателя Всероссийского Центр. Исполн. Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

„Политическую вину большевиков,—говорит Дан,—я видел в том, что, вместо раз'яснения массам как неизбежности их страданий, пока не закончится война и восстановится разрушенное ею народное хозяйство, так и невозможности по своему произволу в любой момент закончить войну, они демагогиче-

ски использовали народное недовольство и подлаживались к массовым настроениям, совершенно не учитывая, к каким последствиям это ведет. В этом смысле я говорил в своих речах о политическом преступлении большевиков. Но я совершенно не имел никогда в виду обвинять кого-либо из них, не говоря о целой партии, в преступлениях, в смысле уголовно-судебной».

Речь чрезвычайно осторожная. С одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, надо сознаться.

Так дело продолжается и далее.

Для уличения большевиков в преступлениях в смысле уголовно-судебном у Дана «решительно никаких данных нет и не было», но точно также, будучи глубоко убежден, что агентура германского генерального штаба примазывается ко всем движениям такого характера, как движение 3 и 5 июля, я в то же время никого из большевиков, а тем более всю большевистскую партию, никогда не обвинял в германском шпионаже».

Дан даже публично заявлял на каком то заседании—точно он не помнит—что он совершенно не верит обвинениям против Ленина и Зиновьева о связи их с германским штабом. Ежели Дан хлопотал о суде, то единственно для того, чтобы большевики сняли эти обвинения и обличили обвинителей.

Все это показание является перлом меньшевистской изворотливости или меньшевистского крючкотворства.

Если ты не веришь в связь с германским штабом—для чего суд? Если, наконец, необходимо широкое освещение вопроса, то почему «социалистические газеты» в июльские времена не затыкают рта желтой прессе, обвиняющей Зиновьева и Ленина в «связи с германским штабом?» Почему пресса Дана, наоборот, подвывает этой желтой прессе? Почему Совет выпускает дело следствия из с в о и х рук и передает чиновникам Временного Правительства?

Ни на один из этих вопросов ответить по законам здравого смысла невозможно, но для меньшевистского Дана существуют только законы меньшевистского разума.

Однако, Дан делает и ценнейшие показания.

Большинство газет трубило во время июльских событий по поводу «ареста Чернова».

Дан подтверждает, что Чернова освободил Троцкий. Дан подтверждает, что рабочие большевики чрезвычайно бережно обошлись лично с ним, с Даном. Дан утверждает, что солдаты 178 пехотного полка, пришедшие демонстрировать в пользу перехода всей власти к Советам, взяли на себя охрану Екатерининского зала. В этом смысле показания Дана не являются единственными, но это нисколько не помешало судебному следствию Временного Правительства вести длинное обвинение

большевиков в направлении не только «продажи» России германскому генеральному штабу, но и в попытке 3—5 июля «организовать вооруженное восстание в Петрограде».

14. Показания меньшевика Богданова.

Рядом с показаниями Дана интересны показания тоже меньшевика Бориса Богданова, члена Бюро Центр. Исп. Комитета Советов.

Как мы видели, в июльские дни вооруженная сила в Петрограде была целиком на стороне большевиков.

Если бы июльские дни были июльским восстанием, то это восстание имело бы флот, имело бы лучшие гвардейские матросские части, имело бы почти все пехотные и пулеметные части и артиллерию. Овладеть Петроградом было вполне возможно.

Но вопрос ставился не так.

Вопрос ставился, в масштабе России, а не Петрограда. Преждевременность завоевания власти была партией сознана.

Сравните в соответствии с этим сообщение Богданова о том, как он разоружал кронштадтцев.

«Кронштадтцы перешли в Петропавловскую крепость. Мы решили устроить совместное совещание. Совещание состоялось в доме Кшесинской. В конце—делегация приняла мое предложение. Мы пошли в Петропавловскую крепость. На дворе стояли вооруженные матросы и солдаты. Я говорил первым, убеждая их, сколько мог, без новых разговоров,—ненужных и бесцельных, согласиться принять все условия ЦИК'а Совета Раб. и Солд. Деп. Решено было сдаться. Чувствовалось отчетливо, что матросы считают величайшей для себя обидой сдачу оружия. Настроение было жуткое, тяжелое».

Если бы этим матросам было в июльские дни приказано так, как потом в октябре, разнести Временное Правительство, вместе с его Богдановыми и Керенскими, матросы в июле это проделали бы так же, как проделали в октябре. Но в том-то и дело, что партия не давала еще лозунга вооруженного восстания. И в том-то и дело, что только Керенский и Зарудный стремились изо всех сил приписать партии это «вооруженное восстание».

15. Чернов и Милюков.

Стоит остановиться на показании эс-эровского вождя Виктора Чернова.

Чернов, конечно, убежден, что арест его есть попытка, заранее подстроенная темными лицами, действующими помимо

общей массы рабочих и матросов... Чернов подтверждает, что освобожден он был Троцким, который сказал ему: „Гражданин Чернов, никто не препятствует свободно вам вернуться назад. Происшедшее—недоразумение".

Все это не помешало Чернову на следующий день после июльских событий написать в своей газете статью „Охлократия", где всю эту „массу" рабочих и матросов он просто-напросто обозвал „Охлос", греческим словом, в переводе означающим „чернь" или „толпа".

Серию показаний закончим—П. Н. Милюковым.

„Единственный случай, — сообщал бывш. министр,—мне известный, в котором я мог бы предположить, что английское правительство считается с политическими убеждениями эмиграции,—был случай с Троцким. Относительно этого лица мне были официально сообщены великобританским правительством данные, что при от'езде его из Америки ему было выдано 10 тысяч долларов на предмет низвержения Временного Правительства".

В дальнейшем оказывается, что Троцкому „Германский союз устроил проводы в Нью-Йорке, об этих проводах сообщал Милюкову сотрудник американских газет Герман Бернштейн, еще другой сотрудник и один русский, фамилии которых Милюков не помнит". Замечательно, что этот „единственный случай" распространялся на целые категории эмигрантов, которые числились по удостоверению Павла Николаевича Милюкова в так называемом „международном контрольном списке" какой велся „союзными" правительствами.

16. Текст обвинения. Постановление судебной власти и прокуратуры.

Нет смысла перечислять еще и еще показания следственного материала, над которым работала следственная часть и который обрабатывала прокуратура министра-социалиста Зарудного.

Возьмем несколько выдержек из постановлений судебной власти и прокуратуры.

Вот постановление:

„О привлечении в качестве обвиняемых по статьям 51 и 100 и первого пункта 8 статьи Уголовного Уложения,—1) Ульянова (Ленина), 2) Апфельбаума (Зиновьева), 3) Бронштейна (Троцкого), 4) Луначарского, 5) Колонтай, 6) Козловского, 7) Суммисон, 8) Гельфанда (Парвуса), 9) Фюрстенберга (Ганецкого), 10) Ильина (Раскольникова), 11) Семашко, 12) Рошаля и 13) Сахарова, привлеченных в качестве обвиняемых в том, что в 1917 году, состоя в русском подданстве, по предварительному между собою и другими

лицами уговору в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск, с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также, и в тех же целях, в период времени с 3 по 5 июля 1917 г. организовали в г. Петербурге вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий, каковыми действиями явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, что и способствовало успехам неприятельских армий".

Постановление подписано судебным следователем по особоважным делам Петроградского Окружного Суда П. Александровым, прокурором Петроградской Судебной Палаты Н. Каринским, судебным следователем Львом Сергиевским и судебным следователем Бокитко.

На каких же данных основывается это постановление, где выдвигается тягчайшее обвинение в государственной измене и организации вооруженного восстания?

На тех самых показаниях, наиболее характерные места из которых приведены нами.

«Усиленная пропаганда мятежа — гласит прокурорское постановление—которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев и повлекла за собой восстание 3—5 июля, была произведена в целях благоприятствования неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внеся разложение в некоторых частях войск и в тылу, и на фронте».

Из чего это следует?

Следует это, во-первых, из показаний допрошенного на следствии под присягой вернувшегося из германского плена прапорщика одного из полков Ермоленко.

Мы этих показаний касались.

Но если судебные власти новой «демократической» России могли основываться на таких показаниях, то это только подтверждает характер всего судебного дела, которое правильно тов. Ленин в 4-м номере «Рабочего и Солдата» по подтасованности и глупости обвинения назвал делом Бейлиса.

Обвинение упирает далее на уже приводившееся нами показание сестры милосердия Шеляховской. Мы подробно в своем месте приводили это, с позволения сказать, показание.

Судебный аппарат, могущий опираться на совершенно бездоказательную болтовню подлой и глупой бабы, конечно, по

ценности своей есть совершенно равнозначущий сестре милосердия Шеляховской.

Прокурорское постановление опирается на показание бывшего члена Гос. Думы Алексинского.

Мы приводили полностью то, что мог сказать и сказал Алексинский по поводу связи Ленина с германским генеральным штабом.

Постановление прокурора Каринского и следователя Александрова основывается на показаниях (также приведенных ранее нами) купца Бурштейна...

И опираясь на все эти материалы, ценность которых нынче ясна для всех, постановление заявляет:

«При расследовании настоящего дела судебная власть руководствуется материалами, добытыми только следственным путем, предстоящие многочисленные допросы свидетелей, осмотр найденных при обыске вещественных доказательств и переписки, обследование банковских заграничных денежных переводов—вся эта сложная работа будущего должна дать еще больше материала для раскрытия преступной организации и ее участников. В заключение вполне подтверждается устанавливаемый следствием факт непосредственного общения некоторых руководителей и участников преступления с представителями воюющих с Россией держав и получения руководящих указаний по пропаганде среди войск, мятежа и неповиновения властям и факт получения на это денежных средств».

Как известно, «сложная работа будущего» проделана не была, ибо после июльских дней начался неслыханный рост влияния с.-д. большевиков и усиление революционного движения. Почва под ногами тех, которые хотели судить «германских агентов», стала настолько горяча, что им было решительно не до суда.

Нахлынувшая корниловщина поставила на очередь дня перед всей революционной Россией такие вопросы, как связь Керенского с Корниловым, а через них и связь с Антантой.

Нахлынувшая корниловщина вернула рабочим оружие, а кронштадтских матросов, «вчерашних агентов германского империализма», вернула к охране революционного Петрограда.

А затем пришел Октябрь.

Революционный народ ответил этим Октябрем на весь обвинительный акт, который правительство Керенского, союз буржуазии с меньшевиками и эс-эрами, выставило против вождя революционного народа, тогда российской соц.-демократической рабочей партии большевиков и ее вождей, нынешних вождей международного пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

От февральской революции до апрельского выступления.

	Стр.
1. Свержение царизма и Временное Правительство первого состава	3
2. Чем было Временное Правительство первого состава	6
3. Временное Правительство первого состава и Совет Рабочих Депутатов	7
4. Временное Правительство первого состава и политические партии.	9
5. Кризис Временного Правительства и нота г. Милюкова	12
6. Временное Правительство и его политика в вопросе войны и мира	13
7. Вопросы войны и мира, «социалистическая демократия» и большевизм	16
8. Оценка воззрений социалистической демократии т. Лениным	20
9. Происхождение «Обращения 18 марта к гражданам»	22
10. Происхождение ноты Милюкова от 18 апреля	24
11. Две рабочие резолюции	26
12. Рабочие, 8-часовой рабочий день, Временное Правительство и социалистическая демократия»	27
3. Рабочие начинают не доверять Вр. Пр-ву	31
4. Крестьяне, армия и Вр. Пр-во	32
15. Переход буржуазии в наступление на революцию	35
16. «Отпор социалистической демократии»	37
17. Натиск буржуазии на большевизм. Легенда и правда о «запломбированных вагонах». Позиция социалистической демократии.	38

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Апрельское выступление 1917 г. и Р.С.-Д.Р.П. Большевиков.

1. Положение партии в апреле 1917 г.	42
2. Резолюция апрельской конференции по текущему моменту	—
3. Резолюция апрельской конференции о войне	44
4. От резолюций начала марта—к резолюциям апрельской конференции	45

Стр.
5. Три основных вопроса большевиков в статье т. Ленина 46
6. Рост влияния партии на массы 49
7. Апрельское выступление 17 г. в изложении Милюкова 50
8. Апрельское выступление на деле. Демонстрации буржуазии и демонстрации рабочих 51
9. Столкновения демонстраций. Вызов Корниловым батареи. Общая картина выступления 52
10. Ложь буржуазных газет. Кто «подкупал»? События в Москве . 55
11. Действия «социалистической» демократии 57
12. Как оценивала события «социалистическая демократия» (эс-эры и меньшевики) 58
13. Как оценивал события Ц. К. большевиков 60
14. Тов. Ленин о лозунгах дня и попытках взять «чуточку левее Ц. К.». Апрель—прообраз июля. 61

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

От апрельского выступления к июльским дням.

Стр.
1. Отставка Милюкова и Гучкова. Зарождение мысли о коалиции. 64
2. Воззвание Первого Временного Правительства о коалиции. Роль Керенского 65
3. «Правда» о коалиции (Статья т. Зиновьева) 66
4. «Социалистическая демократия» и коалиция 67
5. Демократия перед коалицией. Против—Красной Гвардии и «анархии»; за—русский империализм 68
6. Тов. Ленин о действиях «социалистической демократии» . . . 70
7. «Условия» заключения коалиции 72
8. Каковы были на деле желания буржуазии. «Условия» кадетов. 75
9. Вождь буржуазии о коалиции, коалиционном правительстве и о демократии 77
10. Тов. Ленин о «коалиции» 78
11. Состав Первого и Второго (коалиционного) Правительств . . . 79
12. Первые шаги по «борьбе с разрухой» и «организация производства» 80
13. Начало «кризиса власти» и отставка Коновалова 85
14. Действия правительства, прибыли капиталистов и рабочий класс 87
15. Земельный вопрос. Чего хотели помещики и что делало правительство 90
16. «Революционная демократия» и большевики о земельном вопросе 91
17. Как обманули крестьян. Рассуждения С. Маслова и действия «демократии» 94
18. Армия, «демократия» и вопросы войны и мира 98
19. Братание и наступление 101
20. Могла ли армия наступать? 104
21. «Декларация прав солдата».—Демократизм на словах и контр-революция на деле 103
22. Наступающая контр-революция 108
23. Как боролась с контр-революцией «социалистическая демократия» 111
24. Тов. Ленин о правительстве чисто буржуазном и коалиционном (Итоги—дел) 112
25. Дорога к июльским дням. Из брошюры т. Троцкого 113

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

С.-Д. Р. П. большевиков и июльские дни 1917 г.

Стр.

1. «Слева» от «революционной демократии»: большевики, Троцкий, межрайонцы, левые эс-эры, ларинцы, мартовцы и проч. Главная сила «слева» 116
2. Травля контр-революцией большевиков 119
3. Как боролись Правительство и «демократия» с врагами—«слева». Кронштадт. Дача Дурново 121
4. Вопрос о «демонстрации 10 июня». «Демократия» открыто угрожает большевизму. Речь Церетелли 126
5. Две демонстрации,—18-ое и 19-ое июня 1917 г. 129
6. Р. С.-Д. Р. П. большевиков—против неорганизованных и преждевременных выступлений рабочих и солдат 131
7. Кризис 2 го июля Временного Правительства и уход кадетов . 134
8. Почему ушли кадеты? Что говорил большевизм? 135
9. В чем была сущность «Украинского вопроса» 137
10. Как «организаторы заговора» узнают о стихийном выступлении. Конференция большевиков и начало июльских дней . 139
11. Третье июля и большевики по отчету Ц.К Р. С.-Д. Р. П. больш. на VI Сезде 141
12. Июльские дни по докладу Военной Организации Р. С.-Д. Р. П. больш. 144
13. Общая картина июльского выступления («Правда») 146
14. События 3-го и ночи 4-го июля по «Правде» 147
15. Выступление 3-го июля в изложении «Известий» 148
16. Описание событий 3-го июля и оценка их «революционной демократией» 151
17. Заседания 3-го и ночи 4-го июля Ц. И. К. и рабочей секции Петроградского Совета 152
18. 4-ое июля по «Правде» и «Известиям». Чего не могли скрыть «Известия» 154
19. «Известия» и «Правда» об одном событии: схватке с казаками . 157
20. Правительство и «демократия» без войск. У Таврического дворца. Выигрыш времени и «демократические» выступления 158
21. В Таврическом дворце. Заседание И. К. Советов Р. и С. Деп. и И. К. Крест. Деп. 160
22. «Победа революционной демократии». Окончание демонстраций. Разгул контр-революции 162
23. Тов. Ленин о событиях 164

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Победивший» лагерь и «июльское дело» о большевиках.

1. «Социалистическая демократия» готовит «июльское дело» . . . 166
2. Возникновение «июльского дела» 169
3. Союз «демократии» и «Маленькой Газеты» . . . . . —
4. «Атмосфера лжи и литературного распутства» 170
5. Как велось «июльское дело». Показания прапорщика Ермоленко. 172

Стр.

6. Свидетель—купец Бурштейн 173
7. Свидетель—Григорий Алексинский . . . . . —
8. Свидетели из б. царской охранки 175
9. Свидетель—журналист из «Биржевки»—Гальперштадт . . . . . —
10. О чем рассказала сестра милосердия Шеляховская 176
11. Свидетели—б. Нач. Петерб. охр. отделения Глобачев и бывший революционер В. Бурцев 177
12. Свидетели—банковские социалисты из «Дня»—Кливанский и Заславский 179
13. Свидетель—вождь меньшевиков Дан 180
14. Показания меньшевика Богданова 182
15. Чернов и Милюков . . . . . —
16. Текст обвинения. Постановления судебной власти и прокуратуры. 183

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Издательство
ПРИБОЙ
Ленинград

Проспект 25 Октября, 52,
в Москве отделение:
Петровск. линии, 1 под'езд.

Вышли из печати:

К. Маркс. Теория прибавочной ценности, т. I, II и III.
Г. Плеханов. Очерки по истории русск. общественной мысли XIX в.
К. Каутский. Возникновение семьи и брака.
Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм.
Н. Бухарин. Пролетарская Революция и культура.
Г. Зиновьев. Пролетарская революция и учительство
Г. Зиновьев. На фундаменте ленинизма.
Г. Зиновьев. Признание России и политика Коминтерна.
Г. Зиновьев. На пути к орабочению нашей партии.
Г. Зиновьев. Что такое Комсомол и чем он должен стать.
И. Сталин.—О Ленине и ленинизме.
М. Покровский. Франция до и после войны. (3-ье изд.)
М. Покровский. Борьба классов и русская историч. литература.
К. Шелавин. Введение в изучение ленинизма (2 е изд.)
Г. Сафаров. Основы ленинизма.
Г. Сафаров. Долой буржуазное мракобесие. (Памфлет).
Г. Сафаров. Тактика большевизма. (2-ое изд.).
С. Канатчиков. История одного уклона. (О троцкизме)
С. Канатчиков. Рабочая партия и крестьянство.
На могилу Ильича. Сборник.
О. Барабашев. Чему учил Владимир Ильич молодежь.
С. Пионтковский. 9-ое января. (Популярный очерк).
С. Пионтковский. Февральская революция.
К. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге (1893 — 1901 гг.).
А. Тюменев. История труда. 6-ое издание.
А. Тюменев. Теория исторического материализма.
А. Тюменев. Очерки экономич. и соц. истории древней Греции.
Красная хрестоматия. Книга для чтения в партшк. и политкружках.
Хрестоматия Классовой борьбы, ч. I-я. «Крестьянство и пролетариат». 4-ое изд.
Хрестоматия Классовой борьбы, ч. II, 3 изд. «Революция на Западе».
Хрестоматия Классовой борьбы, ч. III, 3 из . «Революция в России».
Хрестоматия французского материализма, ч. I-я и II-я.
Путь к Коммунистическому Интернационалу.—Сборн. статей и докум.
С. Ковалев. Курс всеобщей истории, т. I.
А. Герасимович. У истоков религии.
А. Тодорский.—Год с винтовкой и плугом.
С. Вознесенский. Экономическое развитие и классовая борьба в истории России XIX века.
Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси.
Д. Кудрявский. Как жили люди в старину.
Спутник антирелигиозника. 2-ое изд.

Необходимым пособием для библиотекарей, лекторов, журналистов, занимающихся своим самообразованием, для членов и руководителей марксистских кружков и т. д.

является, недавно вышедшая вторым изданием, книга

Ив. Книжник.

ЧТО ЧИТАТЬ

по общественным наукам

систематический указатель коммунистической и марксистской литературы за 1917—1923 г.г.

В книге приведены не только книги и брошюры, изданные за первые шесть лет революции, но и наиболее ценные журнальные статьи.

Приложенные к книге указатели (по содержанию и по авторам) облегчают пользование ею при справках.

491 стран. ● ● ● **2 р. 75 к.**

Рабочее издательство „ПРИБОЙ", Ленинград.

ПО ИСТОРИИ РКП (б.) и РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

в рабочем издательстве „Прибой" вышли следующие книги.

Н. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения . .	— р. 40 к.
Его же. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) . .	— » 60 »
Н. Ленин и Г. Зиновьев. Из истории рабочей печати в России (3-е изд.)	— » 20 »
Н. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Каменев. Марксизм и ликвидаторство (сборник статей об основных вопросах совр. раб. движения) . .	— » 80 »
Г. Зиновьев. В. И. Ленин, его жизнь и деятельность	— » 18 »
А. Гильбо. Владимир Ильич Ленин—описание его жизни (3-е изд.)	— » 70 »
Об Ильиче. Сборник воспоминаний и документов собранные Ленинградским Бюро Истпарта	— » 80 »
Венок на могилу Ильича. Статьи, воспоминания, характеристики .	— » 60 »
Н. Батурин. Очерки по истории соц.-дем. в России (7-е изд.) . .	— » 75 »
В. Невский. Очерки по истории РКП (б.), том первый	3 » 75 »
М. Ольминский. Из эпохи „Звезды" и „Правды"—2-е изд.	1 » — »
Протоколы 2-го Съезда Р. С. Д. Р. П.—Полный текст со вступит. статьей и примеч. П. Лепешинского	2 » 50 »
А. Слепков. Классовые противоречия в I-ой Госуд. Думе	1 » 20 »
К. Шелавин. Рабочий класс и его партия. Вып. I	— » 70 »
Его же. Первое мая (2-ое изд.)	— » — »

ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ
МОСКВА,
1-я Тверская-Ямская,
№ 30
„КУЛЬТУРА"